

Любор Нидерле

**СЛАВЯНСКИЕ
ДРЕВНОСТИ**

Любор Нидерле
Славянские древности
Серия «Традиция, религия, культура»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3374025
*Славянские древности / Пер. с чешек. Т. Ковалевой, М. Хазанова, ред. А.Л. Монгайта.: Новый
Акрополь; Москва; 2010
ISBN 978-5-901650-52-3*

Аннотация

Работа выдающегося чешского археолога-слависта конца XIX – начала XX века Любора Нидерле «Славянские древности» – «классика жанра». Это единственная в своем роде подлинная энциклопедия истории и культуры древних славян. На этот капитальный труд ссылаются в своих работах все исследователи в данной области, без него невозможно обойтись при изучении жизни древних славян.

Данное издание представляет собой краткое авторское изложение многотомного издания «Славянских древностей».

Печатается по изданию: Нидерле Л. Славянские древности. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956.

Содержание

Книга первая История древних славян	4
Часть I Праславянское единство: его происхождение и развитие	4
Глава I Происхождение славян	4
Глава II Прародина славян	11
Глава III Первые исторические известия о славянах и наименования последних	17
Глава IV Дифференциация славян	22
Часть II Происхождение южных славян	25
Глава V Теории южного движения славян	25
Раннее продвижение славян к Дунаю в конце V века	28
Движение славян на Балканский полуостров и его оккупация	33
Новый этнический состав населения в Венгрии и на Балканах	36
Глава VI Возникновение и дифференциация южных славян	40
Глава VII Словенцы	42
Глава VIII Сербо-хорваты	46
Глава IX Болгары	50
Тюрко-татарские болгары и славяне	50
Славяне в Македонии	53
Славяне в Греции	55
Славяне в дакии	56
Славяне в Азии	57
Часть III Западные славяне	59
Глава X Этнический состав населения древней восточной Германии	59
Глава XI Продвижение западных славян к Эльбе, Заале и в западную Германию	61
Вопрос об автохтонности славян	61
Глава XII Продвижение славян в западную Германию	66
Глава XIII Образование отдельных народов западнославянской ветви: сербов, полабов, поморян, чехословаков и поляков	69
Глава XIV Сербы, полабы, поморяне	70
Сербы	71
Ободриты (бодричи), лютичи и поморяне	73
Глава XV Чехи и словаки	77
Глава XVI Поляки	79
Часть IV Восточные славяне	83
Глава XVII Восточные славяне и этнический состав древнего населения Восточной Европы	83
Территория. Первые соседи: Фракийцы и иранцы	83
Тюрко-татары	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Любор Нидерле

Славянские древности

Книга первая История древних славян

Часть I Праславянское единство: его происхождение и развитие

Глава I Происхождение славян

Вплоть до конца XVIII века наука не могла дать удовлетворительного ответа на вопрос о происхождении славян, хотя он уже тогда привлекал внимание ученых. Об этом свидетельствуют относящиеся к тому времени первые попытки дать очерк истории славян, в которых был поставлен этот вопрос. Все утверждения, связывающие славян с такими древними народами, как сарматы, геты, аланы, иллирийцы, фракийцы, вандалы и т. д., утверждения, появляющиеся в различных хрониках с начала XVI века, основываются лишь на произвольном, тенденциозном толковании священного писания и церковной литературы или на простой преемственности народов, которые когда-то населяли ту же территорию, что и современные славяне, либо, наконец, на чисто внешнем сходстве некоторых этнических названий.

Так обстояло дело до начала XIX века. Лишь немногие историки смогли подняться над уровнем науки того времени, при котором решение вопроса о происхождении славян не могло быть научно обосновано и не имело перспектив. Положение изменилось к лучшему только в первой половине XIX века под влиянием двух новых научных дисциплин: сравнительного языкознания и антропологии; обе они внесли новые позитивные факты.

История сама по себе безмолвна. Нет ни одного исторического факта, ни одной достоверной традиции, ни даже мифологической генеалогии, которые помогли бы нам ответить на вопрос о происхождении славян. Славяне появляются на исторической арене неожиданно как великий и уже сформировавшийся народ; мы даже не знаем, откуда он пришел и каковы были его отношения с другими народами. Лишь одно свидетельство вносит кажущуюся ясность в интересующий нас вопрос: это известный отрывок из летописи, приписываемой Нестору и сохранившейся до нашего времени в том виде, в котором она была написана в Киеве в XII веке¹; этот отрывок можно считать своего рода «свидетельством о рождении» славян.

Первая часть летописи «Повесть временных лет»² начала создаваться, по крайней мере, столетием раньше. В начале летописи приведен довольно подробный легендарный рассказ о расселении народов, которые когда-то пытались воздвигнуть вавилонскую башню в земле Сеннаар. Эти сведения заимствованы из византийских хроник VI–IX веков (так называемой «Пасхальной» хроники и хроники Малалы и Амартола); однако в соответствующих местах названных хроник нет ни одного упоминания о славянах. Этот пробел, очевидно, задел славянского летописца, достопочтенного монаха Киево-Печерской лавры. Он захотел восполнить его, поставив свой народ среди тех народов, которые, согласно традиции, жили в Европе; поэтому в порядке разъяснения он присоединил название «славяне» к имени иллирийцев – иллиро-славяне³. Этим дополнением он включил славян в историю, даже не изменив традиционное число 72 народов. Именно здесь иллирийцы были впервые

названы народом, родственным славянам, и с этого времени эта точка зрения в течение долгого времени являлась господствующей при изучении истории славян. Славяне пришли из Сennaара в Европу и поселились сначала на Балканском полуострове. Там и нужно искать их колыбель, их европейскую прародину, в землях иллирийцев, фракийцев, в Паннонии, на берегах Дуная. Отсюда позднее вышли отдельные славянские племена, когда распалось их первоначальное единство, чтобы занять свои исторические земли между Дунаем, Балтийским морем и Днепром.

Эта теория была принята сначала всей славянской историографией, и в частности старейшей польской школой (Кадлубек, Богухвал, Мержва, *Chronica Polonorum*, *Chronica principum Poloniae*, Длугош и т. д.) и чешской (Далимил, Ян Маригнола, Пшибик Пулкава, Гаек из Либочан, Б. Папроцкий); в дальнейшем она обросла новыми домыслами⁴.

Затем появилась новая теория. Мы не знаем, где именно она возникла. Следует полагать, что она возникла вне упомянутых школ, ибо впервые мы встречаемся с этой теорией в Баварской хронике XIII века и позднее у немецких и итальянских ученых (Flav. Blondus, A. Coccius Sabellicus, F. Irenicus, B. Rhenanus, A. Krantz и т. д.). От них эту теорию приняли славянские историки Б. Ваповский, М. Кромер, С. Дубравиус, Т. Пешина из Чехорода, Я. Бековский, Я. Матиаш из Судет и многие другие. Согласно второй теории, славяне якобы продвинулись вдоль побережья Черного моря на север и первоначально поселились в Южной России, где истории известны были вначале древние скифы и сарматы, а позднее аланы, роксоланы и т. д. Отсюда и возникла мысль о родстве этих племен со славянами, а также представление о балканских сарматах как о предках всех славян. Продвигаясь дальше на запад, славяне якобы разделились на две основные ветви: южные славяне (на юг от Карпат) и северные (на север от Карпат).

Так вместе с теорией первоначального разделения славян на две ветви появились балканская и сарматская теории; обе они имели своих восторженных последователей, обе поддерживались вплоть до наших дней. Еще и теперь нередко появляются книги, в которых древнейшая история славян основана на отождествлении их с сарматами или с фракийцами, даками и иллирийцами. Тем не менее уже в конце XVIII века некоторые ученые поняли, что подобные теории, основывающиеся лишь на предположительной аналогии различных народов со славянами, не имеют никакой ценности. Чешский славист Й. Добровский писал в 1810 году своему другу Копитару: «Меня радуют такие исследования. Только я прихожу к совершенно другому выводу. Все это доказывает мне, что славяне не являются даками, гетами, фракийцами, иллирийцами, паннонцами... Славяне – это славяне, и наиболее близки им литовцы. Итак, их нужно искать среди последних на Днепре или за Днепром»⁵.

Некоторые историки придерживались тех же взглядов еще до Добровского. После него Шафарик в своих «Славянских древностях» опроверг взгляды всех предшествовавших исследователей. Если в своих ранних трудах он находился под большим влиянием старых теорий⁶, то в «Древностях», вышедших в 1837 году, он отверг, за некоторыми исключениями, эти гипотезы как ошибочные. В основу своей книги Шафарик положил тщательный разбор исторических фактов. Поэтому его труд навсегда останется основным и незаменимым пособием по данному вопросу, несмотря на то что проблема происхождения славян в нем не решена – такая задача превышала возможности самого строгого исторического анализа того времени.

Другие же ученые обратились к новой науке – сравнительному языкознанию, чтобы в ней найти ответ, который не могла им дать история. Взаимное родство славянских языков допускалось еще в начале XII века (см. Киевскую летопись), однако еще долгое время была неизвестна подлинная степень родства славянских языков с остальными европейскими языками. Первые попытки, предпринятые в XVII и XVIII веках, выяснить это (G.W. Leibniz,

P.Ch. Levesque, Freret, Court de Gebelin, J. Dankowsky, K.G. Anton, J. Chr. Adelung, Iv. Levanda, B. Siestrzencewicz и др.) имели тот недостаток, что были либо слишком нерешительными, либо просто необоснованными. Когда В. Джонс в 1786 году установил общее происхождение санскрита, галльского, греческого, латинского, немецкого и древнеперсидского языков, он не определил еще место славянского языка в семье этих языков.

Только Ф. Бопп во втором томе своей известной «Сравнительной грамматики» («Vergleichende Grammatik», 1833) решил вопрос о взаимоотношении славянского языка с остальными индоевропейскими языками и тем самым дал первый научно обоснованный ответ на вопрос о происхождении славян, который безуспешно пытались разрешить историки. Решение вопроса о происхождении языка является одновременно ответом на вопрос о происхождении народа, говорящего на этом языке.

С этого времени возникло много споров об индоевропейцах и о сущности их языка. Были высказаны различные взгляды, которые в настоящее время справедливо отвергнуты и потеряли всякую ценность. Одно лишь доказано, что ни один из известных языков не является предком остальных языков и что никогда не существовал индоевропейский народ единой несмешанной расы, который имел бы единый язык и единую культуру. Наряду с этим приняты следующие положения, лежащие в основе наших нынешних взглядов.

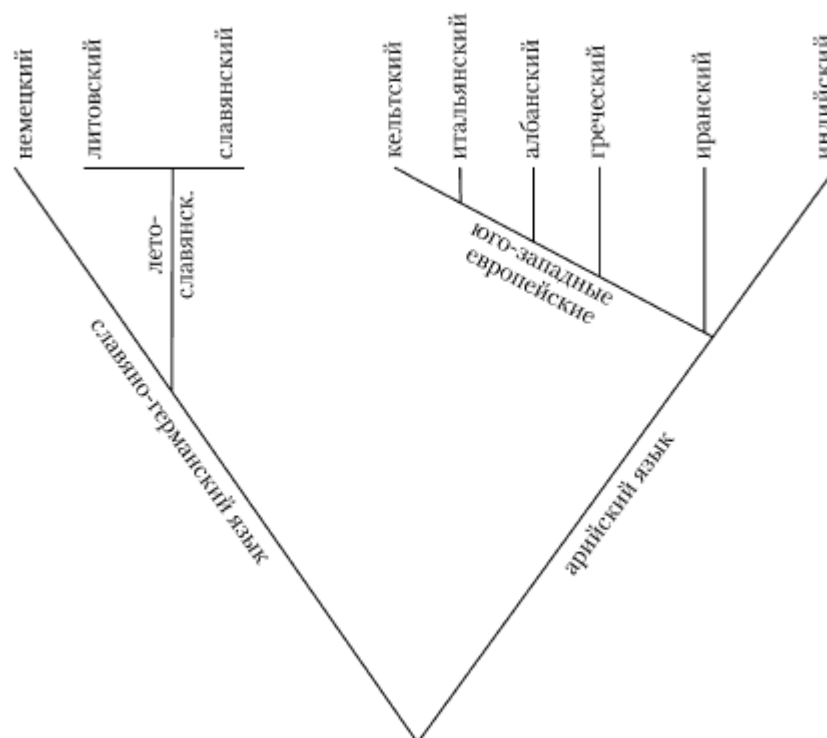
1. Когда-то существовал общий индоевропейский язык, который, однако, никогда не был в полной мере единым.

2. Развитие диалектов этого языка привело к возникновению ряда языков, которые мы называем индоевропейскими или арийскими. К ним относятся, не считая языков, бесследно исчезнувших, греческий, латинский, галльский, немецкий, албанский, армянский, литовский, персидский, санскрит и общеславянский либо праславянский, который в течение довольно длительного времени развился в современные славянские языки. Начало существования славянских народов относится именно к тому времени, когда сложился этот общий язык.

Процесс развития этого языка еще неясен. Наука пока еще не продвинулась настолько вперед, чтобы с должной полнотой осветить этот вопрос. Установлено лишь, что формированию новых языков и народов способствовал ряд факторов: стихийная сила дифференциации, местные различия, возникшие в результате изоляции отдельных групп, и, наконец, ассимиляция инородных элементов. Но в какой мере каждый из этих факторов способствовал возникновению общего славянского языка? Этот вопрос почти не разрешен, а поэтому история общеславянского языка и поныне не выяснена.

Развитие арийского праязыка могло происходить двумя путями: либо путем внезапного и полного отрыва разных диалектов и говорящих на них народов от материнского ствола, либо путем децентрализации, связанной с формированием новых диалектных центров, которые изолировались постепенно, не отрываясь полностью от первоначального ядра, то есть не утратив связи с остальными диалектами и народами. Обе эти гипотезы имели своих приверженцев. Родословная, предложенная А. Шлейхером, как и родословная, составленная А. Фиком, хорошо известны; известна также теория «волн» (Übergangs-Wellen-Theorie) Иоганна Шмидта. В соответствии с различными концепциями менялся, как это видно из двух представленных ниже схем, и взгляд на происхождение праславян.

Родословная А. Шлейхера, составленная в 1865 году

Родословная А. Фика

Тем не менее можно считать, что установлены все же некоторые существенные данные, позволяющие в настоящее время объяснить возникновение славян следующим образом.

Когда различия в индоевропейском языке стали возрастать и когда эта большая языковая общность стала распадаться на две группы – языки сатем (satem) и кентум (centum), – праславянский язык, соединенный с пралитовским языком, довольно долго входил в первую группу, так что он сохранил особое сходство с древнефракийским (армянским) и индо-иранским языком. Связь с фракийцами была наиболее тесной в окраинных областях, где позднее жили исторические даки. Предки германцев были в группе народов кентум среди ближайших соседей славян. Об этом мы можем судить по некоторым аналогиям в славянском и немецком языках.

В начале второго тысячелетия до н. э. все индоевропейские языки, по всей вероятности, уже сформировались и разделились, так как в течение этого тысячелетия на территории Европы и Азии появляются некоторые арийские народы как уже сложившиеся этнические единицы. Будущие литовцы были тогда все еще объединены с праславянами. Славяно-литовский народ и поныне представляет (за исключением индо-иранских языков) единственный

пример первобытной общности двух арийских народов⁷; его соседями всегда были с одной стороны германцы и кельты, с другой стороны фракийцы и иранцы.

После отделения литовцев от славян, происшедшего, по всей вероятности, во II или в I тыс. до н. э., славяне образовали единый народ с общим языком и лишь едва наметившимися слабыми диалектными различиями и оставались в таком состоянии вплоть до начала нашей эры. В течение первого тысячелетия нашей эры их единство начало распадаться, развивались новые языки (правда, еще очень близкие друг к другу)⁸ и возникли новые славянские народы. Таковы сведения, которые дает нам языкознание, таков его ответ на вопрос о происхождении славян.

Наряду со сравнительным языкознанием появилась еще одна наука – антропология, также принесшая новые дополнительные факты. Шведский исследователь А. Ретциус в 1842 году стал определять место славян среди остальных народов с соматологической точки зрения, основываясь при этом на форме их головы, и создал систему, в основу которой было положено изучение относительной длины черепа и величины лицевого угла⁹. Он объединил древних германцев, кельтов, римлян, греков, индусов, персов, арабов и евреев в группу «долихоцефальных (длинноголовых) ортогнатов», а угров, европейских турок, албанцев, басков, древних этрусков, латышей и славян в группу «брахицефальных (короткоголовых) ортогнатов». Обе группы были различного происхождения, поэтому раса, к которой относились славяне, была совершенно чужда расе, к которой относились германцы и кельты. Очевидно, что одна из них должна была быть «ариизирована» другой и принять от нее индоевропейский язык. А. Ретциус особенно и не пытался определить отношение между языком и расой. Этот вопрос возник позднее в первых французских и немецких антропологических школах. Немецкие ученые, опираясь на новые исследования немецких погребений меровингской эпохи (V–VIII) с так называемыми «Reihengraber», создали в соответствии с системой Ретциуса теорию древней чистой германской расы с относительно длинной головой (долихоцефалы или мезоцефалы) и с некоторыми характерными внешними чертами: довольно высокий рост, розовый цвет лица, белокурые волосы, светлые глаза. Этой расе была противопоставлена другая, более мелкая, с более короткой головой (брахицефалы), более темным цветом кожи, каштановыми волосами и темными глазами; главными представителями этой расы должны были быть славяне и древние обитатели Франции – кельты, или галлы.

Во Франции школа выдающегося антрополога П. Брока (Е. Нашу, Ab. Novelacque, P. Topinard, R. Collignon и др.) приняла примерно ту же точку зрения; так в антропологической науке появилась теория о двух первоначальных расах, которые когда-то заселили Европу и из которых образовалась семья народов, говорящих на индоевропейском языке. Оставалось выяснить – и это вызвало много споров, – какая же из двух первоначальных рас была арийской и какая была «ариизирована» другой расой.

Немцы почти всегда считали первую расу, длинноголовую и белокурую, расой праарийцев, и эту точку зрения разделяли ведущие английские антропологи (Thurnam, Huxley, Saucе, Rendall). Во Франции же, напротив, мнения разделились. Одни присоединились к немецкой теории (Larouge), другие же (их было большинство) считали вторую расу, темную и брахицефальную, называемую часто кельтско-славянской, первоначальной расой, которая передала индоевропейский язык североевропейским белокурым иноплеменникам. Так как основные черты ее, брахицефалия и темная окраска волос и глаз, приближали эту расу к среднеазиатским народам со сходными особенностями, то было даже высказано предположение о ее родстве с финнами, монголами и туранцами. Место, предназначенное, согласно этой теории, праславянам, легко определить: праславяне пришли из Средней Азии, у них была относительно короткая голова, темные глаза и волосы. Брахицефалы с темными гла-

зами и волосами заселили Среднюю Европу, главным образом ее горные области, и смешались частью с северными длинноголовыми и белокурыми соседями, частью с народами более древними, а именно с темными долихоцефалами Средиземноморья. Согласно одной версии, праславяне, смешавшись с первыми, передали им свою речь, по другой же версии, напротив, они сами восприняли их речь.

Однако сторонники этой теории туранского происхождения славян основывались в своих выводах на ошибочной или, по меньшей мере, на недостаточно обоснованной гипотезе. Они опирались на результаты, полученные при изучении двух групп источников, очень отдаленных друг от друга по времени: первоначальный германский тип был определен по ранним источникам – документам и погребениям V–VIII веков, праславянский же тип был установлен по относительно поздним источникам, так как ранние источники были в то время еще мало известны. Таким образом, сравнивались несравнимые величины – современное состояние одного народа с былым состоянием другого народа. Поэтому, как только были открыты древнеславянские погребения и выявились новые краниологические данные, сторонники указанной теории сразу же встретились с многочисленными затруднениями, в то же время углубленное изучение этнографического материала также дало ряд новых фактов. Было установлено, что черепа из славянских погребений IX–XII веков в большинстве своем такой же удлиненной формы, как и черепа древних германцев, и очень близки им; было отмечено также, что исторические документы дают описания древних славян как белокурого народа со светлыми или голубыми глазами, розовым цветом лица. Оказалось, что у северных славян (по крайней мере, у большинства из них) некоторые из этих физических черт преобладают до сего времени¹⁰.

Древние погребения южнорусских славян содержали скелеты, из которых 80–90 % имели долихоцефальные и мезоцефальные черепа; погребения северян на Пселе – 98 %; погребения древлян – 99 %; погребения полян в Киевской области – 90 %¹¹, древних поляков в Плоцке – 97,5 %, в Слабожеве – 97 %; погребения древних полабских славян в Мекленбурге – 81 %; погребения лужицких сербов в Лейбенгене в Саксонии – 85 %; в Бургленгенфельде в Баварии – 93 %¹². Чешские антропологи при изучении скелетов древних чехов выяснили, что среди последних черепа долихоцефальных форм встречались чаще, чем у современных чехов. И. Геллих установил (в 1899 году) среди древних чехов 28 % долихоцефальных и 38,5 % мезоцефальных индивидуумов; эти цифры возросли с тех пор.¹³

Можно считать, что там, где ныне наблюдается преобладание брахицефальных форм, население VIII–XII веков было мезоцефальным или даже долихоцефальным, что с каждым годом все более подтверждается новыми открытиями.

В первом тексте, в котором упоминается о славянах VI столетия, обитавших на берегах Дуная, говорится, что славяне не черные и не белые, а темные блондины: «τά δὲ σόματα καὶ τὰς κόμας οὐτε λευκοί ἐς ἀγὰν, ἢ ξανθοὶ εἰσιν, οὐτε πη ἐς τὸ μέλαν αὐτοῖς παντελῶς τέτραπται, ἀλλ' ὑπέρυθροί εἰσιν ἅπαντες»¹⁴.

Почти все древнеарабские свидетельства VII–X веков характеризуют славян как русских (ashab); один лишь Ибрагим ибн Якуб, еврейский путешественник X века, отмечает: «интересно, что жители Чехии смуглые». Слово «интересно» выдает его удивление по поводу того, что чехи смуглые, из чего можно заключить, что остальные северные славяне в целом не были таковыми¹⁵. Впрочем, и в настоящее время среди северных славян преобладает тип блондина, а не шатена.

Некоторые исследователи, основываясь на этих фактах, приняли новую точку зрения в вопросе происхождения славян и отнесли их предков к белокурой и долихоцефальной, так называемой германской расе, сформировавшейся в Северной Европе. Они утверждали, что в течение столетий первоначальный славянский тип изменился под влиянием среды и скре-

щивания с соседними расами. Эту точку зрения отстаивали у немцев Р. Вирхов, И. Кольман, Т. Пеше, К. Пенка, а среди русских А.П. Богданов, Д.Н. Анучин, К. Иков, Н.Ю. Зограф; я также присоединился к этой точке зрения в своих первых трудах.

Однако проблема оказалась более сложной, чем считали раньше, и не может быть решена так легко и просто.

Во многих местах в славянских погребениях были найдены брахицефальные черепа, остатки темных или черных волос; с другой же стороны, необходимо признать, что современное соматологическое строение славян очень сложно и свидетельствует лишь об общем преобладании темного и брахицефального типа, происхождение которого объяснить трудно. Нельзя считать, что это преобладание было предопределено средой, его также нельзя удовлетворительно объяснить более поздним скрещиванием. Я стремился использовать данные всех источников, как старых, так и новых, и, исходя из них, пришел к убеждению, что вопрос о происхождении и развитии славян гораздо сложнее, чем его до сих пор представляли; я полагаю, что наиболее правдоподобна и вероятна гипотеза, построенная на совокупности всех этих сложных факторов.

Праарийский тип не представлял собой чистый тип чистой расы. В эпоху индоевропейского единства, когда начали увеличиваться внутренние языковые различия, на этот процесс оказали влияние уже различные расы, особенно североευропейская долихоцефальная светловолосая раса и среднеевропейская брахицефальная темная раса. Поэтому отдельные народы, формировавшиеся таким образом в течение третьего и второго тысячелетия до н. э., не были уже чистой расой с соматологической точки зрения; это относится и к праславянам. Нет сомнения в том, что они не отличались ни чистотой расы, ни единством физического типа, ибо они получили начало от двух упомянутых великих рас, на стыке земель которых была их прародина; самые древние исторические сведения, как и древние погребения, в равной мере свидетельствуют об этом отсутствии единства расового типа у праславян. Этим объясняются также те большие изменения, которые произошли у славян в течение последнего тысячелетия. Несомненно, предстоит еще тщательно рассмотреть эту проблему, но решение ее – я в этом убежден – может быть основано не столько на признании влияния среды, сколько на признании скрещивания и «борьбы за существование» («struggle for life») основных имеющихся в наличии элементов, то есть северной долихоцефальной светловолосой расы и среднеевропейской брахицефальной темноволосой расы.

Тысячи лет назад среди славян преобладал тип первой расы, поглощенной в настоящее время другой расой, более жизнеспособной.

Археология в настоящее время не в состоянии разрешить вопрос о происхождении славян. Действительно, нельзя проследить славянскую культуру от исторической эпохи до тех древних времен, когда формировались славяне. В представлениях археологов о славянских древностях до V века н. э. царит полная путаница, и все их попытки доказать славянский характер лужицких и силезских полей погребений в восточной Германии¹⁶ и сделать из этого соответствующие выводы являлись до настоящего времени безуспешными. Принадлежность названных полей погребений славянам доказать не удалось, так как связь этих памятников с безусловно славянскими погребениями до сих пор не может быть установлена. В лучшем случае можно допустить лишь возможность такого толкования¹⁷.

Некоторые немецкие археологи предполагают, что праславянская культура была одной из составных частей великой неолитической культуры, называемой «индоевропейской» или лучше «подунайской и закарпатской» с разнообразной керамикой, часть которой раскрашена. Это также допустимо, однако для этого у нас нет позитивных доказательств¹⁸, так как связь этой культуры с исторической эпохой нам совершенно неизвестна.

Глава II Прародина славян

Вопрос о прародине славян, то есть о территории, где сформировались славяне и где они обитали вплоть до своего разделения и переселения на новые земли, тесно связан с рассматривавшимся выше вопросом о происхождении славян. Прародина других индоевропейских народов, соседних славянам, могла быть определена без особого затруднения. Известно, что первоначальная территория германских племен включала Скандинавию, Данию и прилегающие к ней острова, а также прибрежную полосу между Эльбой (Лабой) и Одером (Одрой) и что эти племена заселили собственно Германию лишь в первом тысячелетии до н. э.¹ Литовцы, несомненно, почти полностью сохранили свою прародину на побережье Балтийского моря. Древние фракийцы жили, вероятно, гораздо севернее, чем обычно считают, на склонах Карпат, название которых, по Я. Розвадовскому, очевидно, фракийского происхождения (по-албански «кагре» – скала); по-видимому, фракийские племена оставались там и в историческую эпоху.

Что же касается славян, то они, очевидно, довольно долгое время обитали где-то по соседству с этими народами. На это указывает их принадлежность к индоевропейской языковой семье сатем (см. выше, с. 12), кроме того, соседство с фракийцами, особенно с северными (именовавшимися часто даками), и, наконец, тесная связь с литовцами в эпоху «литовско-славянского единства». С бассейнами каких рек связана прародина славян и каковы были ее границы – таковы первоочередные вопросы, стоящие перед исследователем древнейшей истории славян. Это тем более важно, что в зависимости от решения этих вопросов находятся наши представления как о самом начале истории славян, так и об их первоначальной культуре. Прародину славян разные исследователи определяют по-разному, и даже между наиболее выдающимися из них нет согласия по данному вопросу.

В то время как Я. Пейскер, историк и социолог, считает, что прародина славян находится в болотах у Рокитны (в бассейне Припяти), а Н. Ростафинский значительно расширяет ее границы к югу и востоку за счет обширных и плодородных областей, русский историк В.О. Ключевский ищет ее на Дунае; чешский же археолог И.Л. Пич, искавший ее сначала в Подунавье и Венгрии, в своих последних работах определяет ее между Эльбой и Вислой; наконец, два выдающихся славянских лингвиста Я. Розвадовский и А.А. Шахматов ищут прародину славян севернее, в долине Двины вплоть до озера Ильмень². Я уже не говорю о разных «автохтонистских» теориях, которые помещают праславян на территории всей Центральной Европы, на восток от Роны и Рейна. Хотя эти теории научно совершенно не обоснованы, они тем не менее удерживаются до настоящего времени.

Однако оставим эти теории в стороне; я подробно изложил их в своих «Славянских древностях»³, здесь они неуместны, ибо бесполезность их совершенно очевидна. Первый вопрос формулируется так: к северу или к югу от Карпат находилась прародина славян? По этому вопросу долгое время существовали две точки зрения: одни помещали ее на север, в древнюю Сарматию (отсюда и название этой теории «сарматская»), другие же искали ее на среднем и нижнем Дунае (отсюда название теории «дунайская»). Дунайская теория утратила свое былое значение, однако в прошлом столетии ее отстаивали многочисленные исследователи: А. Беловский, М. Погодин, Фр. Рачки, М. Дринов, Ив. Филевич, И. Пич, Дм. Самоковцов и В. Ключевский; еще и теперь она имеет своих сторонников и будет их иметь и в будущем, поэтому мы должны рассмотреть основные ее аргументы и сравнить их с аргументами, приводимыми в пользу северной прародины славян.

Главным доказательством являлась Киевская летопись, которую можно назвать «свидетельством о рождении» славян. Последнее содержится уже в начале летописи, в главе,

названной «Се повести времяньных летъ, откуда есть пошла руская земля, кто въ Кieve нача первое княжити», в главе, которая была написана в XI веке, а частично уже в X веке⁴ монахом Киево-Печерской лавры, использовавшим древние церковные летописи и византийские хроники⁵. Текст гласит:

«Спустя много времени⁶ сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И от этих славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими, где кто сел на каком месте. Так, например, одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравы, а други назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян на дунайских и поселились среди них и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне.

Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами по речке, которая впадает в Двину и носит название Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Семи, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась „славянская“⁷.

Итак, по мнению автора, славяне жили когда-то на среднем Дунае и, выйдя оттуда, расселились по территории Чехии, Моравии, Германии, Польши и России. Эта точка зрения подтверждается в летописи еще дважды. В том же тексте имеется упоминание о том, что славяне были изгнаны со своих первоначальных земель влахами (волохами), и далее добавляется в части, посвященной св. апостолу Павлу, что «ту бо есть Илюрикъ, его же доходить апостоль Павел; ту бо беша словене первое»⁸.

Эти три места из древнейшей славянской летописи являются, несомненно, важнейшим источником при изучении истории происхождения славян и свидетельствуют о том, какое представление об этом предмете имели сами славяне в X, XI и XII веках; они считали, что расселение различных славянских групп началось вблизи нижнего и среднего Дуная, в областях, которые назывались в то время «землями Булгар и Угров». Это представление было господствующим затем для большинства славянских историков и летописцев, в частности в Польше у Кадлубека, Богухвала и Длугоша, и сохранялось вплоть до конца XIX века. В их работах мы встречали лишь несущественные различия в деталях, касающихся точного определения границ этой прародины. Паннония часто называлась «*mater et origo omnium sclavonicarum nationum*» («матерью и началом всех славянских народов») или «*prima et vetus Slavorum sedes parens et alumna*» («первоначальная и древнейшая родина славян») ⁹. Особая традиция сообщает о том, как предки чехов, поляков и русских вышли из Хорватии и Сербии под предводительством братьев Чеха, Леха и Руса. Доказано, что подобные традиции являются всего лишь вымыслами, возникшими в чешских и польских монастырях XII и XIII веков¹⁰. Однако, несмотря на это, русская летопись и в дальнейшем оставалась позитивной базой дунайской теории даже для самых авторитетных исследователей. Ее рассматривали как достоверную традицию, как подлинное воспоминание о землях, населенных предками славян, которое летописец записал по народному преданию. И даже Шафарик посвятил целую главу в своих «Древностях» доказательству достоверности этой традиции.

К сожалению, свидетельство Киевской летописи нельзя признать ни подлинным, ни правдивым. Это лишь часть той сети вымыслов, которую создал летописец, рассказывая об отходе славян от Вавилонской башни по дорогам через Малую Азию к Балканскому полуострову, который будто бы стал их первым местом жительства, их европейской прародиной. Отсюда отождествление древних иллирийцев со славянами, что мы и находим в летописи,

отсюда также идея об их первом месте жительства на среднем Дунае, где в XII веке находились земли болгар и угров.

Утверждение русского летописца не основывается даже на народной традиции. Это чистые вымыслы, использованные летописцем, если только он сам не создал их или не воспринял от другого летописца, который был их создателем. Такой вывод вытекает не только из общей концепции летописца, из всецело библейского характера его исходных положений и из некоторых других сведений (так, например, мы узнаем, что духовенство южных славян создавало различные легенды с целью доказать древность славян в Хорватском королевстве), но и из всех фактических данных о древнейшей истории Подунавья и Балкан¹¹.

Эта история убеждает нас в том, что иллирийцы, фракийцы, паннонцы, сарматы, галлы и другие народы, жившие когда-то в этих местах, не имеют ничего общего со славянами, что их языки были совершенно отличны от славянского языка и что до христианской эры в этих местах нет никаких следов пребывания славян. В действительности же все фактические данные заставляют нас искать прародину славян в областях, откуда началась их миграция, а именно на север от Карпат, вдали от Дуная и от Балкан. Таков вывод, к которому нас неизбежно приводят все имеющиеся сведения.

История, как я уже говорил, не нашла ни малейших следов пребывания славян по нижнему и среднему течению Дуная в период до нашей эры. Название местностей, рек, гор и самих народов, а также памятники их письменности указывают нам на распространение в этих областях иных языков, каждый из которых так же близок к славянскому, как и к любому другому индоевропейскому языку. А ведь именно в ту эпоху, в которую мы тщетно ищем славян на Дунае, до Рима дошли уже первые сведения о славянах, сведения, в которых сообщается о большом народе, живущем по ту сторону Германии, на другом берегу Вислы, и именуемом венетами. То, что венеды должны рассматриваться как славяне, я докажу ниже¹². А пока ограничимся тем, что допустим существование славян к северу от Карпат. Мы увидим вскоре, что оттуда они постепенно продвигались к югу, к Дунаю, наконец, перешли его, но нигде в истории мы не встретим описания миграции славян в обратном направлении, то есть с юга на север.

Киевской традиции, которая помещает прародину славян на юг от Карпат и которая представляется нам совершенно неправдоподобной, мы можем противопоставить два других исторических источника, более достоверных, подлинных и значительных, явно свидетельствующих в пользу северной прародины славян. Первый источник – свидетельство анонимного Равеннского космографа (1.12): «*Sexta ut hora noctis Scytharum est patria unde Sclavinorum exorta est prosapia*». Речь идет о Скифии на северо-востоке Европы. Точно неизвестно, в каком веке жил автор этого свидетельства, но, несомненно, это было не позднее VII века; следовательно, он по времени жил ближе к событиям, связанным с началом переселения славян со своей прародины, нежели киевский летописец XII века.

Второе свидетельство содержится в кратком описании славянских народов, также анонимном, написанном, вероятнее всего, в IX веке славянским монахом одного из баварских монастырей. Этот Баварский аноним (*Anonymus Bavarus*), как его называют, включает в число народов к северу от Дуная (такая локализация подтверждается самим названием его списка) народ, названный «*Zeruiani, quod tantum est regnum ut ex eo cunctae gentes Sclauorum exortae sint et originem sicut affirmant ducant*»¹³. Правда, мы не знаем, какой народ имеет в виду Баварский аноним под названием *Zeruiani*, не является ли оно искаженным названием сарматов или сербов и не идет ли здесь речь о названии северян позднейшей Руси; во всяком случае, здесь говорится о народе, который жил к северу от Дуная и от Карпат, где-то в глубине древней Сарматии. Итак, это и есть место происхождения всех славян, определенное

народной традицией IX века, традицией подлинной и ни в коем случае не вымышленной, так как ее сохранял сам народ («sicut affirmant»).

К этим двум свидетельствам можем добавить и третье: само представление историков VI века, согласно которому в то время, когда начали намечаться места жительства и переселения славян, они имели свою прародину где-то к северу от Дуная. Нет ни одного сообщения, которое свидетельствовало бы об обратном. Итак, очевидно, что в эпоху, когда славяне стали известны в Европе, весь мир считал их народом северного происхождения.

Лингвистические доводы, приводимые иногда сторонниками дунайской теории с целью защитить свою точку зрения, не имеют решающего значения. Сторонники этой теории ссылаются на распространенность названия Дунай¹⁴ в песнях и в топонимике славянских народов, а именно тех народов, вся история которых протекала вдали от этой реки; однако если принять во внимание те отношения, которые должны были всегда связывать поляков и русских с Подунавьем (чехи и словаки всегда были очень близки к нему), то нельзя признать эти доказательства в пользу дунайской прародины славян справедливыми и решающими. Наоборот, если для решения вопроса обратиться к исследованию всех индоевропейских языков и их взаимосвязей, то славянский язык был тесно связан, с одной стороны, с фракийским (дакийским), иранским и германским языками, а с другой стороны, с литовским и финским языками. Вряд ли можно найти более подходящую территорию, где могли бы развиваться эти разносторонние связи, чем область в районе

Закарпаття. Сам характер этой области более чем что бы то ни было другое соответствует названиям флоры и фауны, сохранившимся в древнеславянском словаре¹⁵. Напомним, кстати, выводы антропологии по вопросу о первоначальном физическом типе славян (см. с. 15–16), заключения, правда, пока еще очень неопределенные, к которым пришли археологи на основании добытых ими материалов, и разобранная выше гипотеза предстанет в еще более достоверном виде. Таковы доводы, которые, я полагаю, дают нам право отнести прародину славян на север от Карпат. Нам остается определить ее размеры и наметить, насколько возможно, ее границы. Как я уже говорил (см. выше, с. 20), сторонники северной прародины определяют ее местонахождение довольно различно: то на восток, то на запад от Вислы, и даже в низовьях Немана и Двины, вплоть до побережья озера Ильмень. Это вызвано тем, что решение этой проблемы является действительно делом трудным.

Приступая к определению области, в которой жили славяне до своего расселения, то есть около начала нашей эры, можно прежде всего считать установленным, что славяне долгое время не переходили Карпатские горы. Я не стану отрицать, что отдельные группы славян могли проникать через главные Карпатские перевалы, в частности через Яблоновский и Ужоцкий, вплоть до нынешней Словакии.

Однако народ в целом все еще оставался на территории к северу от самих гор и, естественно, от галицийских лесов, окружавших эти горы. Необходимо напомнить, что как древняя карпатская топонимика, так и исторические названия главных карпатских горных цепей (Карпаты, Татра, Фатра, Матра, Магура, Бескид) чужды славянскому языку. Однако Подолье и Волынь должны были быть славянскими уже в эпоху Геродота, судя по его сообщениям о жителях этих областей, которых он называет неврами (Νεῦροί) (IV. 100–118) и славянское происхождение которых вполне очевидно¹⁶.

Трудно определить, шла ли западная граница славянской прародины по Эльбе или по Висле. Определение этой границы зависит от того, удастся ли археологам выяснить этническую принадлежность полей погребений лужицко-силезского типа, упоминавшихся выше (на с. 19). Если удастся доказать славянскую принадлежность полей погребений, то старая граница прародины славян конца второго тысячелетия до н. э. продвинется до Эльбы и Заале, если же не удастся доказать это, то граница останется в области Вислы. Такова точка зрения,

которую я принимаю в настоящее время. Ее подтверждает еще один лингвистический довод. Славянам было вначале неизвестно слово «бук» (*Fagus silvatica*), так как, будучи в семье индоевропейских народов, они относились к большой группе, жившей за восточной границей распространения этого дерева, то есть восточнее приблизительной линии Кенигсберг (Калининград) – Кременец – Одесса¹⁷. Однако они узнали это дерево еще в эпоху своего единства, так как приняли германское название (*Buche*), из чего можно заключить, что они достигли Вислы уже во времена до нашей эры. Перешли ли они тогда же эту реку и достигли ли Эльбы – таков вопрос, на который, как мы видели, должна ответить археология.

Однако здесь следует учесть еще одно обстоятельство. Если удастся доказать славянское происхождение полей погребений, относящихся целиком к первому тысячелетию до н. э., то надо будет предположить, что славяне, проникнув за Эльбу, были вытеснены во второй половине этого тысячелетия отчасти кельтами, двигавшимися с запада, а затем германцами с севера, так что Висла опять стала их западной границей и оставалась ею вплоть до начала великого славянского переселения. Все древние авторы сходятся во мнении, что Висла является границей Германии и Сарматии¹⁸, и нет никаких причин предполагать, что это их мнение не имеет реального основания.

В равной степени не ясна и восточная граница. Известно, что Поволжье было некогда областью распространения угро-финских народов и что их земли когда-то простирались на запад, включая полностью районы Угры, Оки, а возможно, и Дона. Лишь область Днепра относилась к славянской прародине. Название этой реки, безусловно, неславянского происхождения¹⁹, древнее название Борисфен можно лишь с трудом вывести из древнеславянского «берсть», русского «берест»²⁰. Однако имеются иные доказательства, побуждающие нас включить средний Днепр в число славянских рек. Принимая во внимание то, что в VI веке н. э. территория севернее Азовского моря, или точнее Подонье, была уже истинным средоточием славян (Прокопий, IV. 4, говорит о «бесчисленных племенах антов»: εθνῆ ἀμέτρητον Ἀντών), мы, несомненно, имеем право присоединить начиная с нашей эры к первоначальным землям славян среднее течение Днепра, а одновременно и его притоки Березину и Десну²¹, названия которых, бесспорно, славянские.

Полагаю далее, что будинов Геродота (Βουδῖνοι, IV.21, 102, 108), вероятно, можно считать славянами. Места их жительства были где-то на Десне и в близлежащих к ней районах Подонья.²² Скифы-земледельцы, живущие между Бугом и Днепром (Herodot, IV.17, 18, 53, 54) над порогами и ведущие совершенно иной образ жизни по сравнению с подлинными скифами-кочевниками, не могли быть никем иным, кроме как предками восточных славян. В то время к Черному морю славяне проникали лишь как торговцы. Этим и объясняется древнеславянское слово «корабль», взятое из греческого καράβιον, – слово, которое славяне заимствовали еще до нашей эры.

На севере долины Немана и Двины были сначала литовскими; полоса бесчисленных озер и болот, тянувшаяся между Пруссией и Мазовией и дальше между притоками Нарева и Припяти, представляла естественную границу, которую позднее славяне лишь частично перешли²³. Литовская территория простиралась ранее даже на северо-восток, к верхнему течению Днепра, где и отделяла славян от западных и восточных финнов.

В какую же эпоху славяне проникли вплоть до Немана и верхнего Днепра? Известно, что в IX веке н. э. славяне прочно заселяли берега озера Ильмень и даже берега Невы и Ладожского озера; но это было в эпоху, очень отдаленную от времени существования их общей прародины и славянского единства. А. Соболевский, выдающийся русский филолог, предполагает, что сюда славяне проникли уже довольно рано, до распада языкового единства, и основывается при этом на древнеславянских формах названий *Немънь*, лит. *Nemūnas* и *Seregĕrĕ*, или *Seližarĕ* (Селигер – название озера около Осташкова); однако его выводы

вызвали возражения²⁴. Вопрос остается открытым, я же сам скорее склонился бы к отрицательному решению. По моему мнению, едва ли возможно искать северную границу славян за городом Смоленском.

Из всего сказанного вытекает, что территория, населенная славянами до их расселения, простиралась между Эльбой и средним Поднепровьем (с Десной, Припятью и Березиной), однако в эту территорию не следует включать западную часть, расположенную между Эльбой и Вислой, пока не будет доказана славянская принадлежность полей погребений в этой области, если она вообще будет когда-либо доказана. Итак, славяне во время своего этнического и языкового единства жили на территории современной восточной Польши, южной части Белоруссии (в районе среднего течения Березины, а также по течению Сожа и Ипути), в северной части Украины, Подолии, Волыни и Киевщины с Десной²⁵. Подобное размещение общеславянских мест поселения наилучшим образом согласуется с данными древних источников (Равеннского и Баварского анонимов), а также со сведениями, относящимися к I–IV векам н. э., о большом народе венедов. Равным образом доказывает нам это и изучение взаимосвязи между древнеславянским, древнеиранским, литовским и западнофинским языками. Здесь мы также встречаем природу, флору и фауну которой соответствуют тому, что нам сохранил древнеславянский словарный фонд о фауне и флоре славянской прародины. В этом отношении моя точка зрения полностью совпадает с точкой зрения Ростафинского, однако я не согласен с Пейскером, который проводит границу прародины славян только по Припятским болотам²⁶.

Еще один вопрос представляет определенную трудность – вопрос о названиях водных путей. Естественно было бы ожидать, что эти названия в областях, долгое время заселенных славянами, будут исключительно славянскими. Однако наиболее выдающиеся филологи постоянно подкрепляют все новыми доказательствами утверждения, что названия водных путей в древней Польше большей частью неславянского происхождения, например Висла, Виар, Нида, Раба, Рона, Сан, Мень, Мрога, Брда, Одра, Особлога, Лабунька, Вда, Сола, Орава, Морава, Видава и т. д. Два славянских исследователя, Ян Розвадовский (Краков) и Александр Шахматов (Петроград), в особенности защищали эту точку зрения; они рассматривали большую часть этих названий как галльские. На этом основании они относили прародину славян за область нижнего Немана, в район Двины и на берега озера Ильмень; однако и здесь, к сожалению, не были обнаружены названия древнеславянского происхождения. Шахматов считал, что на Припяти и Двине жили финны, а в восточной части Повисленья – галло-венеды²⁷, славяне же якобы поселились здесь лишь в III веке н. э.

Так как все эти различные точки зрения представлены филологами в равной мере известными, то решить проблему очень трудно. Тем не менее решение должно быть найдено. В одинаковой мере нельзя допустить как кельтскую, так и финскую принадлежность выше-названных областей, как это утверждает Шахматов, так же как нельзя полностью исключить наличие там славян. Такой путь мог бы привести к абсурдному выводу, что в Европе вообще не существует области, которую можно было бы считать славянской прародиной²⁸, так как нет области, где бы географическая терминология была чисто славянской. Пришлось бы исключить славян из числа обитателей древней Европы, предположив, что они появились здесь лишь несколькими столетиями позднее, уже в нашей эре, что, однако, невозможно с исторической точки зрения. Если бы был доказан кельтский характер висленской терминологии – напоминая, что выводы Шахматова встретили резкий отпор со стороны некоторых выдающихся славянских филологов²⁹, – то и тогда следовало бы принять во внимание древнее заселение этих земель протокельтами или другими индоевропейцами в течение первого периода их развития до поселения там праславян. Однако это не исключало бы того, что славяне заняли эту территорию после распада индоевропейского единства и поселились здесь

в течение второго и первого тысячелетий до н. э. Мы ищем территорию славян именно в период распада индоевропейского единства, а не ту область древней индоевропейской территории, где славянство зарождалось. Теория Шахматова, если бы она была обоснована, доказывала бы лишь то, что в определенную эпоху эта территория была заселена также кельтами, а отнюдь не то, что мы должны отказаться от поисков славянской прародины в этой области, когда есть причины, побуждающие нас к этому. Стоит лишь вспомнить о том, что, например, для славянизации терминологии восточной Германии оказалось достаточно лишь нескольких столетий.

Характер областей, где мы ищем прародину славян, хорошо известен географам. Это земли, средняя часть которых (Припятский бассейн) еще и поныне покрыта бесчисленным количеством стоячих и проточных вод и бесконечными сосновыми, буковыми, березовыми лесами, ольшанником и ивняком. Климат здесь суровый, в котором могут жить только охотники и рыболовы. К тому же эти условия два-три тысячелетия тому назад были много хуже, тогда как в настоящее время они значительно улучшены³⁰. Наиболее плодородные области, пригодные для земледелия, находились лишь на окраинах этой территории, то есть на востоке и на юго-востоке.

Народ, живущий на этих землях, должен был много трудиться, чтобы превратить болота и леса в обработанную землю. Именно эти условия способствовали развитию общественных отношений, основанных на совместном труде больших семей и на социальном равенстве. Это способствовало развитию демократии, не допускавшей концентрации политической и экономической власти в руках отдельных лиц. Еще одно обстоятельство заслуживает внимания: по всем вышеуказанным причинам этот народ долгие столетия жил в относительном покое, вне бурь, которые либо угрожали старому свету, либо потрясли его, но также и вне областей великих цивилизаций древности. Земли славян всегда были очень плохо известны грекам и римлянам. Славяне долго жили «дома» и «для себя», в стороне от чужих влияний, и потому могли превратиться в большой народ («самый многочисленный народ» — *μέγιστον ἔθνος*), говорит о них Птолемей), что не привлекали к себе особого внимания.

Такова была прародина славян, таковы были первоначальные условия их существования.

Глава III Первые исторические известия о славянах и наименования последних

Первые исторические сведения о славянах появляются относительно поздно; до нашей эры о них нет ни одного достоверного упоминания.

Однако славяне, как мы только что видели, издавна обитали в Центральной и Восточной Европе и претерпели здесь, несомненно, немало различных изменений под влиянием событий, происшедших до нашей эры и до эпохи их расселения. Однако история не сообщает нам ничего, что бы относилось непосредственно к славянам. Мы можем делать лишь косвенные предположения, что в эпоху, когда различные группы, составившие впоследствии целые племена, обитали еще совместно на общей территории, на судьбы славянства должны были оказать влияние некоторые значительные исторические события.

Так, можно предположить, что в VIII и VII веках до н. э. славяне завязали сношения с иранскими скифами, которые проникли тогда из Азии в степные южнорусские области¹. Я не колеблясь утверждаю, что среди упомянутых Геродотом северных соседей скифов не только невры на Волыни и Киевщине, но, вероятно, и будины, обитавшие между Днепром и Доном, и даже скифы, именуемые и пахарями, и земледельцами (*Σκύθαι ἀροτήρες, γεωργοί*) и

помещенные Геродотом² к северу от собственно степных областей между верхним Бугом и средним Днепром, были, несомненно, славянами, которые испытывали влияние греко-скифской культуры, свидетельством чего являются многочисленные курганы Киевской и Полтавской областей.

С другой стороны, из сообщения Геродота о походе Дария в Скифию в 513–512 (или 507–505) годы до н. э. нам известно, что Дарий проник также в области, заселенные славянами (неврами), и вынудил их отойти к северу³. Кроме того, определенные лингвистические данные, а именно довольно значительное число кельтских названий в топонимике рек в Прикарпатье, кельтские названия городов, указанные Птолемеем (Καρρόδουνον, Ούιβανταύριον, Μαιτώνιον, Ерактов), и, наконец, несколько названий племен (Ομβρώνες, Τευρίσκοι, Ἀναρχοί, Βριτολάγαι), свидетельствуют о том, что земли славян в Прикарпатье подверглись, по крайней мере частично, вторжению галлов, которые в III и II веках до н. э. достигли побережья Черного моря, что доказывают Γαλάται декрета Протогена в Ольвии. Нашествие галлов было вызвано, несомненно, давлением германцев, двигавшихся с севера в центральную Германию, но каковы были судьба и продолжительность этого нашествия, остается до сего времени совершенно неизвестным. Считать этих галльских завоевателей венетами, упоминаемыми на Висле более поздними историческими источниками, представляется мне невозможным по причинам, изложенным ниже⁴.

Я полагаю также, что германские племена бастарнов и скиров, покинувшие побережье Балтийского моря и обитавшие с III века до н. э. на побережье Черного моря, проникли через территорию, заселенную славянами, примерно так же, как это делали готы в III веке н. э. Это произошло в период между смертью Геродота, который ничего не знал о них, и 240–230 годами, когда бастарны упоминаются на Дунае (28. Пролог истории Трога Помпея), то есть между серединой V и серединой III века.

Таковы наиболее значительные и достойные упоминания исторические события, коснувшиеся славян еще до начала нашей эры.

Еще одна гипотеза, однако, заслуживает особого упоминания, так как ее выводам придается большое значение при изучении основ славянской истории. Я имею в виду точку зрения Пейскера, согласно которой славянский народ еще задолго до нашей эры и вплоть до XI века н. э. находился в подчинении у различных завоевателей, то у германцев, то у тюрко-татар, и находился в постоянном и жестоком рабстве, что якобы определило его характер и придало особые черты дальнейшей его жизни и развитию⁵. Здесь я не могу подробно показать, почему эта гипотеза лишена серьезного основания, как некоторые незначительные и непомерно раздутые факты приводят автора к недопустимым заключениям; по этому вопросу я отсылаю читателя к своему труду «Zivot starych Slovanu»⁶. Здесь приведу лишь несколько данных, необходимых для ориентировки в этом вопросе.

Профессор Пейскер в основном строит свою теорию всего лишь на нескольких старославянских словах, относящихся к славянской культуре. Эти слова, заимствованные частично из германских, частично из тюрко-татарских языков, доказывают, по его мнению, что славяне в то время, пока они жили на своей общей прародине в бассейне Припяти, были подчинены то германцам, то тюрко-татарам. Такими словами являются: *млеко*, *скоть* и *нута* (скот), с одной стороны, и, с другой стороны, *быкъ*, *вол*, *коза* и *тварогъ*. Из факта заимствования указанных слов вытекает якобы, что славянам было запрещено скотоводство и что они говорили о скоте и о молочных продуктах лишь как о привилегированной собственности своих германских или тюрко-татарских властителей. К выводу о жестоком рабстве славян Пейскер приходит на основании поздних известий о нападении тюрко-татар на славян, известий, согласно которым на Руси не было ни лошадей, ни рогатого скота⁷.

Однако, возражая Пейскеру, я уже кратко указал ранее, что предпосылки, положенные в основу его гипотезы, в большинстве своем несостоятельны во всех отношениях. Согласно целому ряду других исторических и археологических свидетельств, славяне издавна самостоятельно занимались скотоводством и имели связанную с ним собственную богатую терминологию. Немногочисленные заимствованные слова, приводимые Пейскером как действительно иноязычные⁸, подтверждают лишь то, что известно из истории, а именно, что славяне издавна жили в южной России по соседству с тюрко-татарами и были с ними тесно связаны. История вновь показывает нам, что впоследствии в течение короткого времени славянские племена пережили одно за другим вторжения гуннов, аваров, печенегов, половцев и болгар. Но из этого никоим образом не следует, что «все славяне начиная с эпохи своего единства находились в рабстве то у германцев, то у татар». Если бы доводы Пейскера и были справедливы, то и в этом случае нельзя было бы делать подобные заключения. Можно, правда, допустить, что связи славян с тюрко-татарами завязались еще до прихода аваров, а именно еще в эпоху неолита, когда за несколько тысячелетий до нашей эры смуглые брахицефалы, вышедшие из Средней Азии, наводнили Европу. Однако в ту эпоху не было еще славян: праиндоевропейский народ только формировался где-то в Центральной Европе, и славяне, не выделившиеся еще из его массы, не могли почувствовать последствия этого вторжения сильнее, чем остальная часть этой массы.

Итак, у нас нет доказательств жестокого рабства славян под германским и татарским игом ни для древнейшего периода их истории, ни для более поздних времен. Подобное рабство никогда и нигде не существовало, кроме как в воображении Пейскера, принижающего славянскую первобытность. Поэтому мы должны решительно отвергнуть его толкование начала истории славян и принять во внимание лишь те события, о которых мы упоминали в начале этой главы.

Первые достоверные известия о славянах относятся к I и II векам н. э. Славяне появляются в них под наименованием венедов (*Venedi, Venadi, Veneti, Οὐενέδαι*). К этим сообщениям относятся сообщения Плиния (*Nat. Hist.*, IV.97; его труд написан около 77 года): «*quidam haec habitari ad Vistulam usque fluvium a Sarmatis, Venedis, Sciris, Hiris (corr.) tradunt*»;

Тацита (*Tac.*, *Germ.*, 46, написана в 98 году): «*hic Suebiae finis. Peucinatorum Venetorumque et Fennorum nationes Germanis an Sarmatis ascribam dubito... Veneti multum ex moribus traxerunt: nam quidquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium errigitur, latrocinii pererrant, hi tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos fingunt, et scuta gestant et pedum usu ac pernecitate gaudent; quae omnia diversa Sarmatis sunt in plastro equoque viventibus*»;

Птолема (умер около 178 года, *Geogr.*, III.5.7): «*κατέχει δε τὴν Σαρματίαν ἔθνη μέγιστα οἱ δε Οὐενέδαι παρ' ὅλον τον Οὐενεδικόν κόλπον καὶ ὑπὲρ τὴν Δακίαν Πευκίνοι τε καὶ Βαστέρναι*»; *Geogr.* III.5.8: «*παρά τον Οὐιστούλαν ποταμὸν ὑπὸ τοὺς Οὐενέδας Γύθωνες, εἶτα Φίννοι, εἶτα Σούλωνες*»; *Geogr.*, III.5.6: «*τὰ Οὐενεδικά ὅρη*».

К этим свидетельствам следует прибавить еще и другие, несколько более поздние: во-первых, это надписи на Пейтингеровой карте, которая относится, по моему мнению, к концу III века и на которой дважды упоминаются венеды-сарматы, один раз в Дакии, другой раз между Дунаем и Днестром; во-вторых, это греческий список различных народов, составленный приблизительно в начале III века (*Διαμερίσμου τῆς γῆς ἀποσπασμάτων*), в котором встречаются названия *Βαρδουλοί, Κουαδροί, Βερδοί*, что, очевидно, является искажением слов *Βανδουλοί* и *Βενδοί*. И, наконец, это свидетельство Марциана в его «Перипле» (около 400 года), где опять встречается название *Οβενδικός κόλπος* (II.38, 39, 40), имеющееся у Птолема. В этих первоисточниках венеды-славяне представлены как многочисленный народ

(μεγύστον ἔθνος), расселившийся за Вислой между Балтийским морем (Венедский залив), Карпатами (Венедские горы) и землями *певкинов* и *феннов*.

Таковыми представляются нам славяне в первые века нашей эры. Более ранних свидетельств у нас нет. Из всех известий, привлеченных с целью возвеличить древнейшее историческое прошлое славян, только два можно считать в известной мере правдоподобными.

Прежде всего это заметки Корнелия Непота (94–24), в которых говорится об индах, занесенных бурей из «Индийского моря» (*indica aequora*) к берегам «Северного моря», где король батавов захватил их в плен и преподнес в дар в 58 году проконсулу А. Метеллу Целеру⁹. Затем это ряд древних преданий, согласно которым янтарь происходил из земли генетов или енетов, расположенной у устья реки, называемой Ериданос, позднее отождествленной с рекою По¹⁰.

Наименования *Indi* и *indica aequora* (инды и Индийское море) не могут относиться к Индии, так как бурей не могло отнести корабль из Индии к побережью Германии. Очевидно, здесь речь идет не об индах, а о другом народе с похожим наименованием, в частности о «венедах» римских авторов или о «виндах» (*Vindy*) – по-немецки *Wenden*. Что же касается легенды о происхождении янтаря, то тут следует вспомнить, что в землях итальянских «венетов» это редкое вещество не встречалось, тогда как именно Прибалтика когда-то поставляла средиземноморским странам огромное количество янтаря и торговля между ними имела место уже в течение второго тысячелетия до н. э. Можно также допустить, что традиционное представление о наличии янтаря в северной Италии (исторической Венеции) появилось в результате того, что смешивали балтийских венедов с итальянскими венетами, которые были, конечно, более известны историкам, чем первые. Однако следует признать, что подобное объяснение этих двух древних свидетельств может быть по праву отвергнуто.

Балтийские венеды были, безусловно, славянами. Имеется несколько доказательств этого. Во-первых, их места обитания в I–II веках н. э. совпадают с местами обитания славян в VI веке. Распространение славян было совсем незначительно в период переселения народов. Во-вторых – и это очень важный довод, – наименование венедов, вендов¹¹ сохранялось в немецком языке (*Wenden, Winden*) в течение всей исторической эпохи, вплоть до новейшей, как общее наименование славян. Старые деревни, которые их немецкие соседи хотели отличить от одноименных немецких деревень, обозначались в отличие от них *windisch* или *wendisch*. Наконец, Иордану, историку VI века, первым давшему очерк начала истории славян, известно, что наименования «венд», «венед» и «славянин» употреблялись для обозначения одного и того же народа; он употребляет эти названия попеременно¹², из чего можно заключить, что в VI веке признавалось тождество славян с венетами.

Приведенные доказательства одновременно опровергают как точку зрения Тацита, который колебался, отнести ли венедов к сарматам или к германцам, и остановился, наконец, на их германском происхождении, так и археологические гипотезы Р. Муха, по мнению которого венеды были иллирийской народностью, а также последние гипотезы Шахматова и Пейскера, считающих венедов кельтами на основании якобы кельтской терминологии водных путей на территории прародины венедов¹³. Если бы эта номенклатура была действительно кельтского происхождения (а в этом можно сомневаться, по крайней мере по отношению к части этих названий), то это доказывало бы нам лишь то, что кельты когда-то проникли в эти края, очевидно, под напором германцев, продвигавшихся с севера в Германию¹⁴. Однако это никоим образом не является доказательством того, что венеды I–VII веков н. э. были кельтами. Самое большее, что можно допустить, это то, что если венеды и были кельтского происхождения, то их славянизация произошла задолго до I века н. э. Что же касается моей точки зрения, то я не сомневаюсь в том, что венеды Плиния, Тацита и Птолемея, так же как венеды Иордана, Прокопия и более поздних историков, всегда были

славянами. Их наименование – венды, венеды – не было собственно славянским, а являлось, очевидно, названием чуждого происхождения, которое дали славянам их соседи. Значительная распространенность названий с основой *vind* или *vend* на землях, заселенных когда-то кельтами, дает основание предположить, что эти названия кельтского происхождения¹⁵.

Наконец, у этого многочисленного народа, населявшего в первые века нашей эры обширные земли между Вислой, Балтийским морем, Карпатами и Днестром и Десной, было в ту эпоху свое собственное местное название «славяне». Можно догадываться также о существовании еще более древнего названия *серб* (множественное число *сербы*). Эта догадка, между прочим, основана на неясном комментарии Прокопия, писавшего о славянах и антах¹⁶: «Σπόρους γάρ τό παλαιόν ἀμφωτέρους ἐκάλουν ὅτι δὴ σποράδην, οἶμαι, διεσκημένοι τὴν χώραν οἰκοῦσιν».

К сообщению Прокопия можно присоединить традицию, сохранившуюся у анонимного Баварского географа IX века: «Zeruiani (речь идет о прикарпатском народе), quod tantum est regnum ut ex eo cunctae gentes Sclavorum exortae sint et originem sicut affirmant ducant»¹⁷. Очевидно, существовало название, близкое греческому Σπόροι (которое является, вероятно, сокращением Βοσπόροι – названия известного царства на побережье Азовского моря), однако считать, что здесь речь идет о сербах, нельзя, так как для этого слишком мало оснований. Предки исторических сербов никогда не жили за Азовским морем. Слово «сербы» (*serbi*) нигде не засвидетельствовано как общее название всех славян, и форма «серб», которая якобы была исходной формой греческого слова Σπόροι, в древних источниках о восточных сербах не встречается¹⁸.

Нам осталось еще рассмотреть только одно общее подлинное и древнее наименование, а именно наименование *славяне*, *словене* (форма множ. числа; в единственном числе – *Словени*). Это название встречается в истории впервые в начале VI века у Псевдо-Цезаря Назианского¹⁹, затем около 550 года неоднократно у Прокопия и Иордана и, наконец, у более поздних историков. Не лишено вероятия утверждение, что это наименование встречается также у Птолемея в перечне племен Сарматии. Название Σουοβηνοί (Geogr., VI.14.9), употребляемое автором, действительно очень близко славянской форме *словене*, и можно предположить, что Птолемей заимствовал его из какого-то источника, даже не зная, разумеется, что это был за народ и каково было его отношение к венедам, живущим на западе Сарматии²⁰.

Объясняя этимологию слова «словене», Фр. Миклошич высказал предположение, что оно употреблялось сначала для обозначения лишь тех славян, которые продвигались в VI веке к югу (словенцы, дакийские славяне и будущие болгары), и что оно якобы только в течение последующих столетий было распространено на всех славян. Однако мне представляется уже доказанным, что это наименование с VI века обозначало все славянские племена. Оно встречается не только у тех славян, которые проникали тогда в Италию, Истрию и на Балканский полуостров, но также и у славян, обитавших в центре России (Suavi у Иордана, Get., 250, не говоря уже о Σουοβηνοί, упоминаемых Птолемеем). Наконец, мы встречаем это название в VII веке в Чехии (Samo rex Sclavinorum у Фредегара) и в Лужице (Surbi gens ex genere Sclavinorum, Sclavi cognomento Winadi, ibid., Chron., IV.48, 68), а в VIII веке на побережье Балтийского моря (Einhard, Ann. Franc., 782, 789; Ann. Alem., 790). В наиболее ранних славянских письменных документах с начала IX века для обозначения славянского языка употребляется общий термин «словеньскъ языкъ»; встречаются также «словеньское племя», «словеньский народъ вьсь» («славянское племя», «весь славянский народ»). Наконец, то, что производные от слова «славянин» сохранились повсеместно, свидетельствует в пользу первоначального широкого значения этого наименования. С IX века известны новгородские словене в России, словинцы, живущие и поныне у устья Вислы, словинцы в Каринтии и

словаки в Словакии. Албанцы называли сербских и македонских болгар Skja, Skjeji, то есть славянами.

Название «славянин» славянского происхождения, однако нам неизвестны, как это ни странно, ни его этимология, ни его первоначальное значение. Наряду с формами Σκλαυηνοί, Στλαυηνοί, Sklaveni, Stlaveni, образованными непосредственно из формы «словене», в латинском и греческом языках имеются краткие формы Σκλάβοι, Σθλάβοι, Sclavi, Stlavi неизвестного происхождения. Вероятно, они возникли под влиянием окончания – *славь*, которое часто встречается в именах собственных. Краткие формы известны уже в VI веке, а начиная с VIII века они очень распространены в письменных документах.

На основании указанных кратких форм (а также русского термина «славяне») происхождение наименования «славяне» еще до начала XIII века стали связывать со словом «слава» и переводить его как «gloriosi», «αἰνετοί». Это толкование удерживалось до XIX века, и известный славянский поэт и археолог Я. Коллар поддержал его своим авторитетом. Другое толкование, не менее древнее, засвидетельствованное уже в начале XIV века, связывает наименование славяне – словене с понятием «слово» и переводит его как «verbosi, sermonales, ὁμιολότοι».

Это объяснение приняли такие выдающиеся исследователи, как И. Добровский и П. Шафарик. Последний опирался, в частности, на аналогичный факт, а именно, что славяне называли соседний народ, язык которого они не понимали, словом «немцы» (единственное число – «немец», производное от «немъ», «немой»). Хотя эта вторая гипотеза имела большое число сторонников, тем не менее большинство современных лингвистов отвергает ее на том основании, что славянский суффикс – *ей*, – *ěnъn*, – *janin* всегда указывает на принадлежность к определенной местности и что, следовательно, наименование *Словении* должно было быть образовано от названия местности (Слово?), названия, которое, к сожалению, нигде не встречается²¹.

Итак, происхождение названия славян остается невыясненным. Однако нам известно, что носитель его появляется в начале нашей эры как могущественный народ, расселившийся на огромной территории между Вислой и Десной: «*natio populosa per immensa spatia consedit*» – писал о нем в VI веке Иордан²². В настоящее время известно также, что этот многочисленный народ появился в Европе не в этот период, а жил там издавна в тесном взаимодействии с другими индоевропейскими народами. Ныне это положение признано в науке и не нуждается в доказательстве, как 100 лет тому назад, когда Шафарик писал свои «Древности» с целью доказать главным образом древность славян, в которой сомневались некоторые немцы²³.

Глава IV Дифференциация славян

Сколько бы ни говорили о первоначальном единстве славян, все же они никогда не представляли собой единого целого в полном смысле этого слова. У них, как и у каждой этнической группы, всегда были соматологические¹, культурные² и языковые различия. Эти последние известны нам лучше всего, так как язык дает наиболее полный материал, позволяющий проследить начало и дальнейшее развитие дифференциации славян.

Как и повсеместно, на дифференциацию славян воздействовал прежде всего внутренний фактор, под влиянием которого произошли незначительные фонетические, грамматические и лексикологические различия и появились диалекты. Первоначальные различия возросли затем благодаря изоляции и в особенности благодаря тому, что определенные элементы отделились от материнского ствола вследствие переселения и скрещивания с чуждым языком или языками.

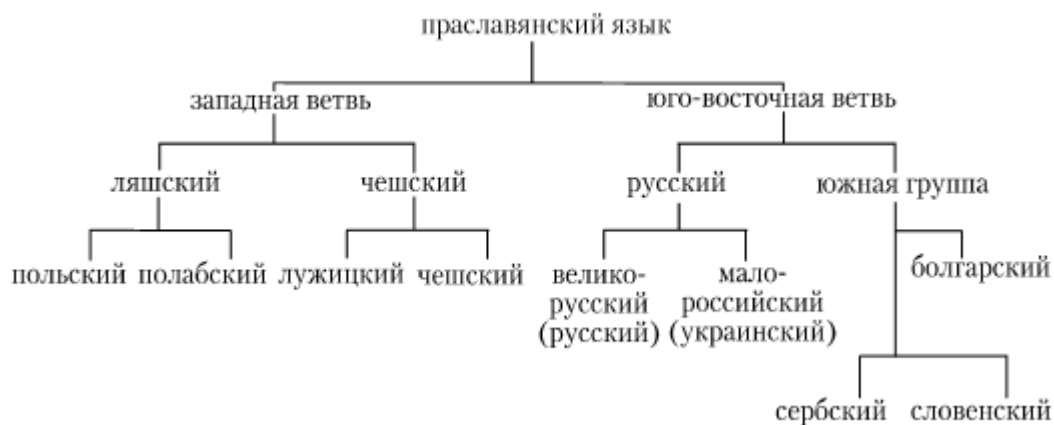
Под влиянием этих факторов древнее единство славян – а о таком единстве говорить можно, так как различия внутри него долгое время были незначительными, – распалось, и на заре истории мы видим уже ряд новых образований, сложившихся окончательно в течение последующих столетий, как например: 1) русское, 2) болгарское, 3) сербо-хорватское, 4) словенское, 5) чехо-словацкое, 6) лужицко-сербское, 7) полабско-поморское и 8) польское. Все эти языки являются продолжением материнского языка, на котором когда-то говорили в прикарпатской прародине. Мы не можем точно определить ни времени распада этого единого славянского языка, ни времени начала и самостоятельного существования названных языков и говорящих на них народов. В настоящее время славянская филология допускает, что древнее единство славян существовало, несмотря на начавшийся распад его, еще в течение первых веков нашей эры³. И это все, что можно сказать по данному вопросу. Разделение единого языка и становление отдельных славянских языков произошло не сразу, а постепенно. Ход этого процесса, а также взаимное родство народов, говорящих на этих языках, давно являются предметом исследования.

Чешский грамматик Ян Благовослав в 1571 году разделил славянские языки на три большие группы: чешскую, словацкую и польско-русскую. Однако впоследствии число групп славянских языков было сведено к двум. Такого деления на две группы придерживались А. Бандури, И. Фриш, Х. Иордан, К. Антон, М. Катанчич, А. Шлецер и др., однако они не опирались на научно обоснованную аргументацию. Только отцу славянской филологии И. Добровскому принадлежит заслуга научного обоснования теории деления славянских языков. Согласно его концепции, древний общеславянский язык разделился сначала на две ветви – восточную и западную; производными языками от первой ветви являются русский, старославянский, иллирийский (сербский и болгарский), хорватский и словенский. Языками, производными от второй ветви, являются чешский, словацкий, лужицко-сербский и польский.

После И. Добровского теории разделения славянских языков на две ветви довольно долго придерживались даже такие выдающиеся филологи, как П. Шафарик, Б. Копитар, Ф. Буслаев, И. Гебауер; в 1865 году А. Шлейхер предложил, согласно этому принципу, следующую схему родословной славян⁴:

Однако вскоре вместо деления общеславянского языка на две ветви вновь было принято первоначальное деление на три ветви.

Если не принимать во внимание доктрину Благовослава 1571 года, эта идея возникла в России в результате стремления выделить русский язык из остальных языков в качестве самостоятельной ветви. Первым выдвинул и отстаивал теорию разделения языков на три ветви русский ученый А. Востоков, его последователями были М. Максимович, И. Срезневский, В. Григорович, А. Будилович и др. Новая система встретила и за пределами России более широкое признание, чем система Добровского и Шлейхера.

Однако представители сравнительного языкознания выступили против подобной классификации (мы уже упоминали труды И. Шмидта⁵), а также против теорий происхождения славянских языков, и все родословные славян были окончательно отвергнуты. Ограничимся разбором концепции В. Ягича – в настоящее время старейшего представителя славянской филологической школы, – концепции, которая полностью согласуется с данными о древнейшем периоде славянской истории.

В. Ягич признает большую ценность теорий И. Шмидта и считает, что зачатки позднейших славянских языков существовали уже в общеславянском языке и что порядок их территориального распространения уже тогда соответствовал их расположению в настоящее время. Когда же эти диалектные зачатки были перенесены на исторические места обитания славян, то здесь они окончательно обособились так, что одновременно образовали три различные группы, из которых каждая объединяла наиболее близкие языки:

- 1) русская группа с русским и украинским языками;
- 2) западная группа с языками чехословацким, польским, лужицко-сербским и полабским;
- 3) южная группа со словенским, сербо-хорватским и болгарским языками⁶.

Процесс дифференциации и разветвления языков, конечно, протекал не всегда определенно, а в окраинных областях иногда имело место и скрещивание. Но это не исключало деления общеславянского языка на три группы, поэтому интересно проследить, в какой мере топография славянской прародины и ее рельеф способствовали этому делению. Перед народом, рост численности которого заставлял его распространяться за пределы своей прародины, помещенной нами к северу от Карпат между реками Вислой и Днестром, открывались три больших пути. Первый путь ведет на запад: это легко доступный путь, так как Висла, так же как и Одер, едва ли была серьезным препятствием. Таков же второй путь, ведущий к бесконечным просторам России. Путь к северу был прегражден морем, а также озерами и болотами⁷. Путь к югу преграждался цепью Карпатских гор, однако по краям этого хребта было достаточно места для проникновения народа двумя путями по направлению к Дунаю. Это и был третий путь. Итак, топографические условия прародины славян также чрезвычайно способствовали делению славян на три группы, так как люди могли расселяться лишь по направлению к западу, югу и востоку.

Следовательно, разделение славян на три большие группы основывается не только на лингвистическом различии, но и на расположении и ориентации их прародины. Черта, отделяющая отдельные группы, соответствует приблизительно границе между бассейнами Черного и Балтийского морей. Одни следовали по течению рек на запад и на север, другие на север, восток и юг. Разделение славян на две большие культурные группы, на обосновании которого мы остановимся ниже, зависит от того, к какому из этих двух бассейнов они относились⁸.

Часть II Происхождение южных славян

Глава V Теории южного движения славян

Хотя прародина славян была расположена к северу от Карпатских гор, тем не менее известно, что в историческую эпоху большие группы славян обитали к югу от этого хребта и не только в Венгерской котловине, но и в областях восточных Альп и дальше почти по всему Балканскому полуострову.

Эти группы славян, двинувшихся к югу и тем самым отделившихся от северных славян, получили название южных славян в отличие от остальных, оставшихся на севере.

Когда именно произошло отделение южной ветви от общего ствола и к какому периоду относится продвижение и распространение славян этой ветви на юг от Карпатских гор и дальше к югу от Дуная – на этот вопрос отвечали различно. В решении этого вопроса определялись три направления¹.

Ученые *первого* направления, опираясь на ряд доводов, о которых мы уже упоминали и к которым еще вернемся ниже, считали теорию северной прародины славян ошибочной. Они определяли прародину славян не к северу, а к югу от Карпат, в области венгерского течения Дуная и на Балканском полуострове. Вследствие этого они считали, что самого факта проникновения славян с севера на Балканы не существовало. Перед ними не вставал вопрос, когда и как это произошло, ибо они считали, что южные славяне – предки будущих словенцев, хорватов, сербов и болгар – издавна обитали на своих исторических местах жительства. Это так называемое автохтонистское направление в историографии южного славянства; представители его охотно называют себя «славянской» школой в противоположность другой школе – «немецкой», или «берлиновенской». С позиций автохтонизма они высказывались и по вопросу о славянах в Германии (см. ниже, с. 126).

Второе направление, названное выше «немецким», было названо так потому, что его возглавили немецкие историки. Как в своих общеисторических трудах, так и в статьях, специально посвященных движению южных славян, они придерживаются данных истории и не признают в отличие от первого направления пребывания славян на юге до того времени, пока о них непосредственно не появляются сведения в исторических источниках. Если исключить все недостоверные сообщения, это означает, что славяне появились здесь лишь в VI веке. На этом основании общее заключение историков второго направления сводилось к тому, что южные славяне появились на юге от Савы и Дуная внезапно и только в VI веке, а к Дунаю, в Северную Венгрию, пришли незадолго до этого, во всяком случае не ранее V века.

Наконец, представители *третьего* направления, отрицая в принципе автохтонизм, все же заимствуют из него некоторые второстепенные доводы для доказательства пребывания славян в Венгрии (Уграх), в Альпах и на Балканах до V–VI веков, хотя об автохтонности их в этих областях говорить нельзя.

Однако в мнениях отдельных историков первого и третьего направлений имеется немало различий, связанных с тем, в какой степени и сколь критически они принимают доказательства. В зависимости от этого они определяют дату обитания славян к югу от Карпат. Одни идут вслепую и огульно принимают любой, самый предположительный, довод, другие более критически относятся к системе доказательств; первые, естественно, видят славян повсюду, другие же – лишь в определенных областях.

Остановимся подробнее на указанных трех направлениях.

Представители первого направления в целом решали эту проблему очень просто, объявляя славянами все народы, известные в древности на юге, а именно иллирийцев, паннон-

цев, фракийцев, даков и гетов, более того, македонцев или эпиротов и даже древнейших обитателей Греции.

Основываясь на исковерканных и искаженных названиях, которые они принимали в качестве славянских, они, разумеется, находили славян всюду: от Боденского озера и Венеции до устья Дуная и до Царьграда². Все якобы было когда-то славянским. Направление это получило широкое распространение уже в XVII и XVIII веках. В конце XVIII и начале XIX века, когда идея национального возрождения проникла в литературу славянских народов, этому направлению не сумели противостоять даже такие крупнейшие славянские исследователи и высокообразованные люди, как, например, П. Шафарик; да и ныне, когда история и лингвистика далеко продвинулись вперед, когда вполне разработан их научный метод, из научного обихода все еще не устранены книги, в которых мы читаем, что иллирийцы или фракийцы были собственно славянами.

Толчком к возникновению этого направления были уже известные нам аргументированные теории южнославянского духовенства, которое пыталось увязать древнейшую историю южных славян с деятельностью святых апостолов. Уже в раннем средневековье эти теории привели к возникновению предания о том, что сам св. Павел принес христианство хорватам³, а св. Иероним (умер в 420 году) создал славянскую письменность, так называемую глаголицу⁴. Впоследствии из этого предания возникла теория, согласно которой древние иллирийцы и паннонцы были славянами и предками сербо-хорватов, теория, распространившаяся на Балканах настолько широко, что в X или XI веке была включена даже в традиции русских монастырей, а в XI веке записана одним из предшественников киевского монаха Нестора в начале первой Киевской летописи⁵. Эти представления и положили начало целому учению о дунайской прародине славян, с которой мы познакомились выше, на с. 20.

Из первых традиций и летописей это учение проникло во многие славянские и неславянские хроники: сначала в польские и чешские, затем более всего в хорватские.

Начались попытки обосновать эту теорию, провозглашенную сначала бездоказательно, открытиями всевозможных документов, якобы подтверждающих пребывание славян на Балканах с глубокой древности, иными словами – доказать принадлежность иллирийцев, фракийцев (даков, гетов) и даже итальянцев к славянам. Среди этих документов встречались иногда и фальсифицированные, к последним относятся прежде всего грамоты Александра Великого славянам и так называемая «привилегия Александра», данная (им) балканским славянам в Александрии во второй год его царствования, в которой великий император обещает славянам в благодарность за их службу господство над всеми народами Центральной Европы на вечные времена⁶.

Но больше всего привлекалось доказательств из области филологии: названия отдельных древних народов, древневенгерская и балканская топография и, конечно, древние имена собственные толковались во что бы то ни стало как славянские, даже ценой невероятных натяжек. Такой метод получил особое развитие главным образом у южных славян в XVIII веке и достиг здесь наибольшей абсурдности, в результате чего не только Венгрия и Балканский полуостров, но и такие отдаленные земли, как Италия, Малая Азия и Египет, – все превратились в некогда славянские области. И ничто не могло остановить сторонников этого направления! Ни возражения некоторых наиболее эрудированных историков и филологов (Занетти, Пейсонель, Тунман, Аделунг, Добровский, Энгель, Швабенау и другие), ни огромный авторитет П. Шафарика, который внес изменения по этому вопросу в свои «Славянские древности» (изд. 1837 г.)⁷, не заставили сторонников этого направления пойти по правильному или хотя бы по более правильному пути. Приверженцы и почитатели Шафарика, вместо того чтобы принять его новую концепцию, отвернулись от него, упрекая его в том, что он изменился к худшему, и вместо «Древностей» придерживались его более раннего труда, идя

еще дальше, чем сам автор. Зачастую к этому присоединялись и славянские археологи. Итак, XIX век также не избавился от бремени автохтонистской школы, труды которой принесли славяноведению гораздо больше вреда, чем пользы. Лишь немногие сторонники автохтонизма сумели сохранить в своих теориях чувство меры и, несмотря на ошибочные выводы, не лишили свой труд некоторой позитивной ценности⁸. Большинство же их оставило труды, не представляющие никакой ценности. Некоторые из этих работ, авторы которых потворствовали настроениям славянской общественности, получили широкое распространение и большую популярность⁹.

Естественно, что это направление всегда встречало возражения, которые росли по мере совершенствования исторической и филологической науки в XIX веке. Противники этого направления отвергали все домыслы и этимологию и опирались лишь на достоверные известия, основанные на фактах. Сила этого сопротивления не была, конечно, всегда одинаковой: одни исследователи подходили к этому вопросу более, другие менее строго, идя на некоторые уступки, но в целом почти вся современная немецкая историческая школа, а за ней и многие славянские ученые, выступая против автохтонизма, в течение последних десятилетий сошлись на том, что:

- 1) отвергается теория подунайской прародины славян;
- 2) отвергается теория славизма древних паннонцев, иллирийцев и фракийцев, к которым причислялись также северные даки и геты;
- 3) отрицается существование славян на Балканском полуострове, в Альпах и нижней Венгрии (Уграх) до VI века, поскольку источники не упоминают о них до того времени;
- 4) считается, что в основу всего толкования должно быть положено известие Иордана о том, что во время создания его «Истории Готов» (551) славяне распространились на территории, расположенной от города Новиодуна и Мурсийского озера (то есть от Мурсийских болот около устья Савы или Незидерского озера к Новиодуну в устье Дуная) вплоть до Днестра, а на севере до самой Вислы¹⁰.

Хотя, согласно общей концепции этой исторической школы, приход славян на Дунай, связанный с великим переселением германских народов, и имел место, однако это произошло лишь после ухода германцев из Германии и Венгрии. Только потом началось движение славян: часть их пошла на запад через Вислу, другая часть – на юг через Карпаты и в обход хребта к Дунаю. Итак, славяне направились к Дунаю лишь после германцев и гуннов, однако движение их было столь быстрым, что они почти сразу заселили земли, оставленные их предшественниками. Только таким образом можно объяснить неожиданное распространение славян, о котором сообщают в VI веке Иордан, Прокопий и ряд других историков. Первой исторически установленной датой проникновения славян на Балканский полуостров сторонники этой школы считают год вступления на престол Юстиниана (527), основываясь при этом на свидетельстве Прокопия¹¹. С этой датой совпадает и время первого упоминания названия «славянин» у Псевдо-Цезаря¹².

Основными и руководящими трудами в этом направлении стали, в частности, труды К. Цейса, Е. Ресслера и главным образом К. Мюлленгофа, а в лингвистике – точка зрения Ф. Миклошича (отсюда и вышеупомянутое название «венско-берлинская» школа, данное приверженцами автохтонизма исторической школе). Расхождения между сторонниками этой школы касаются лишь более точного определения времени, когда славяне достигли Дуная и Савы, когда они оттуда продвинулись на Балканский полуостров и когда начали его прочное заселение. Одни предполагали, что толчком к движению славян в Венгрию был приход гуннов и, в частности, переселения, начавшиеся после уничтожения гуннской империи в 453 году (так полагают Шафарик, Грот, Клаич, Маретич, Кос, Станоевич и Мюлленгоф), другие объясняли это приходом болгар в конце VI века, третьи – они наиболее многочисленны –

связывали движение славян с нашествием аваров во второй половине VI века (Цейс, Кох, Бюдингер, Ресслер). Таким образом, одни относят появление славян на Балканах к концу V или к началу VI века, тогда как другие не считают возможным датировать это событие ранее VII века. Но в целом все эти различия – второстепенного характера.

Что касается меня, то я не могу полностью принять точку зрения исторической школы. Не буду отрицать тот исторический факт, что великое вторжение славян на Балканы произошло лишь в VI и VII веках и что заселение полуострова нельзя датировать ранее первой половины VI века. Тем не менее я убежден, что общее движение славян от Карпат к Дунаю и к Саве началось не в V веке, а задолго до этого и что уже в I и во II веках н. э. славяне достигли, по крайней мере, отдельных областей Подунавья, а с III века начали заселять Венгерскую низменность. Стало быть, славяне не были автохтонами в этих областях, не являвшихся их прародиной в том смысле, в каком о ней говорится в Киевской летописи и в вышеизложенных современных теориях, но из Прикарпатья они пришли сюда еще до V–VI веков и расселились, разумеется, лишь отдельными колониями среди более древних поселений иллирийцев и фракийцев, а позднее и между германцами и гуннами. Таков тезис, положенный в основу моей концепции первоначального развития южных славян и противостоящий, как видно, тезису автохтонистов и историческому тезису Мюлленгофа или Ресслера¹³. Подкрепляю же я этот тезис, во-первых, некоторыми указанными ниже историческими документами, во-вторых, рядом древних топографических названий в Подунавье, славянский характер которых я считаю бесспорным. Правда, в областях, филологический характер которых в целом был неславянским (иллирийским, фракийским или дакийским), таких названий было немного, но они все же существуют, как мы увидим дальше. Сами по себе эти названия не могут, конечно, опровергнуть ту точку зрения, что на этих землях обитали первоначально паннонцы, иллирийцы, фракийцы, даки, являющиеся все без исключения народами неславянскими. Последнее не подлежит сомнению. Но как только в этих областях обнаруживается одно или несколько названий, славянский характер которых бесспорен, и если наряду с этим имеется также возможность допустить на основании других исторических данных, что существование здесь славян не только не исключено, но и вполне вероятно, то я рассматриваю каждое такое название как свидетельство наличия славянской общественной единицы (рода – общины – племени) на территории чуждой области. Такова единственная уступка, которую можно сделать сторонникам автохтонных теорий, ссылающимся на славянский характер ряда названий в Дакии, Паннонии или в Иллирии. Все это является доказательством лишь существования славян среди иллирийцев и фракийцев до V века, а отнюдь не доказательством славянства самих иллирийцев или фракийцев или автохтонности славян.

Раннее продвижение славян к Дунаю в конце V века

Уже а priori можно считать, что и славяне принимали участие в продвижении народов на юг в конце V века н. э.

История так называемого великого переселения народов показывает, что народы начали стекаться с севера к Дунаю уже с I века н. э.; они двигались главным образом из восточной Германии моравским путем и через западные Карпатские перевалы. Известно также, что еще до маркоманских войн к югу продвинулись лугии, обии и часть лангобардов, а во время маркоманских войн – котины, осы, бессы, гермундуры, буры, вандалы, виковалы, костобоки, карпы, аланы, роксоланы, бастарны и певкины¹⁴. В 175–176 годах племя астингов оттеснило карпатских костобоков на Балканский полуостров¹⁵, а затем мы можем прочесть, что в 180 году какие-то «свободные даки» были отброшены от Карпат и поселены в Дакии¹⁶. Затем в III веке с Вислы пришли гепиды и одновременно с ними из тех же обла-

стей массы скиров, герулов, ругиев и, наконец, племя лангобардов, бродившее долгое время перед этим в Прикарпатье. Все племя карпов было переселено императором Галерием из области Карпатских гор в нижнюю Паннонию¹⁷. Причиной всех этих передвижений было, как в другом месте отмечает Юлий Капитолин¹⁸, вторжение северных варваров (*superiores barbari*). Это, однако, относится не только к готам, продвигавшимся с начала III века от нижней Вислы к Днепру, или лангобардам, но также, несомненно, и к активному продвижению славян, являвшихся здесь главным народом после отхода готов к Черному морю. Ни Карпаты, ни Висла не остановили движения славян, которое продолжалось по направлению к Дунаю через горные перевалы и в обход гор. Нельзя представить себе славян в эту эпоху иначе, как в процессе внутренней и внешней экспансии.

Это постоянное переселение северных народов из Прикарпатья к Дунаю в I–V веках является само по себе, даже при отсутствии в истории непосредственных упоминаний о славянах, убедительным априорным доказательством того, что движение славян из Прикарпатья началось задолго до V века.

Другим априорным доказательством этого является сам факт широкого распространения славян, который мы наблюдаем в VI веке. В тот период, как будет видно ниже, славяне одновременно появляются на огромной территории от Лабы, Заале, Шумавы и Альп на западе вплоть до Дона на востоке и от Балтийского моря и озера Ильмень вплоть до Эгейского и Адриатического морей, заняв, таким образом, пространство в пять раз большее, чем их прикарпатская прародина. Если бы распространение славянской волны произошло, согласно концепции Мюллengoфа или Ресслера, в очень короткий срок – с конца V до начала

VII века, – то следовало бы ожидать, по крайней мере, оставления славянами своей прародины, как это имело место в Восточной Германии, когда из нее ушли готы, гепиды, лангобарды, вандалы и бургунды. Но у славян этого не было. Прикарпатская прародина осталась заселенной славянами. Это явление с наибольшей убедительностью заставляет меня отказаться от какой бы то ни было теории внезапного распространения славян. Это второе априорное доказательство позволяет предполагать, что распространение славян шло гораздо медленнее, но зато в более раннее время, и что оно шло по всем направлениям, следовательно, и на юг. Еще задолго до V века славяне двинулись за пределы своей прародины, но часть их оставалась там и после этого.

Таковы два основных априорных доказательства раннего продвижения славян к югу. Кроме того, мы располагаем следующими доказательствами, опирающимися непосредственно на данные истории и лингвистики.

Согласно приведенному выше точному сообщению Иордана от 551 года, славяне в первой половине VI века обитали по нижнему течению Савы и далее вниз по Дунаю, начиная от Савы и до самого устья. Впрочем, пребывание славян в захваченных гуннами венгерских низинах еще за сто лет до этого ясно подтверждается известием ритора Приска о посольстве во главе с Максиминем, отправленным в 448 году императором Феодосием к Атилe, который находился в Венгрии¹⁹.

Приск, участвовавший в посольстве, описал весь путь, который проходил из Константинополя через Сардику (ныне София), Ниссу (Ниш) к Виминацию и дальше за Дунаем через три большие реки Дрикон (Темеш), Тигу (Бега? Марош?), Тифизу (Тисса) до средневенгерской степи, где в районе современной пештско-пилишской столицы находилась укрепленная ставка Атилы. На этом пути послы встретились с людьми, которые угощали их пшеничным хлебом и медовым напитком, называемым «мѣдос». Приск называет их скифами, то есть обычным в то время названием готов, но то, что это были не готы, следует из того, что Приск в упомянутом месте определенно отличает их как от гуннов, так и от готов, говоря, что этот народ легко овладевает не только родным языком, но и другими языками, а именно: гот-

ским, аузонским (латинским) и гуннским. Так как название медового напитка «мѣдос» является не чем иным, как грецизированной формой общеславянского названия «медь», то есть известного среди славян напитка – меда, то очевидно, что народом, живущим рядом с гуннами, были славяне. Название «мѣдос», употребляемое Приском, может относиться только к славянскому языку; если бы это было готское слово, Приск слышал бы «midus» и в греческой транскрипции было бы «μίδος» или «μίδοσ». Кроме того, славянский характер этого народа, оказавшегося под властью гуннов, доказывается еще известием Иордана о погребении Атилы. Когда умер этот царь, над его могилой совершили пышные погребальные обряды, и среди них обряд, называемый *страда*²⁰. Слово «страда» нельзя объяснять, исходя из готского языка, как «таг» (от *straijan* – *ausbreiten*, греческое *στρωννύναι*), так как из всего контекста следует, что тут речь идет о каком-то акте погребального обряда (*concelebrare stravam ingenti comes-satione*), а также потому, что Иордан – гот по происхождению – не принял бы слово «страда» за гуннское, если бы оно было готским. Кроме того, известно, что у древних славян в обычае было погребальное пиршество, называемое «страда» (поминки); это доказывается существованием подобного обычая у поляков и чехов еще в XIV и XV веках²¹. Следовательно, и при описании погребения Атилы речь идет, очевидно, о большом пиршестве, называемом среди тамошних славян «страда», и эти два слова – «страда» и «медь» – служат достаточным доказательством того, что на среднем Дунае и нижней Тиссе во времена Атилы, то есть в первой половине V века, обитали славяне, подчиненные гуннам.

Таким образом, мы отодвигаем дату пребывания здесь славян к IV веку; у нас есть также известия, относящиеся к тому же веку, удовлетворительное объяснение которых можно дать, лишь принимая во внимание наличие славян в этих местах. Это известие о двух группах сарматов в Венгрии. Сарматы (языги), иранского происхождения, пришли с нижнего Дуная в Венгрию уже в 20–50 годах н. э. и здесь поселились. Их история – это ряд непрерывных сражений с Римской империей. Под 334 годом мы сразу же читаем, что в их среде вспыхнула большая война, причем одна сторона, называемая в источниках *servi Sarmatarum* (от *δοῦλοι, οἱ οἰκέται* у Евсевия) или также *Sarmatae limigantes*, восстала, победила и прогнала за Дунай ранее «свободных» сарматов – *domini, liberi*, а также *Sarmatae Ardara-gantes, Arcaragantes*.²² Часть побежденных была принята Константином на римскую землю (другая часть бежала в Дакию), а в низменности остались в дальнейшем главным образом *Sarmatae servi*. Этот факт засвидетельствован еще в источниках конца IV и V веков. Затем название «сарматы» и здесь исчезает совсем и появляется название «славяне».

При описании событий 334 года речь идет, по всей вероятности, о борьбе двух больших групп, заселявших Венгерскую низменность. Если одна из них была свободной и властвовала над другой, несвободной, и если вместе с тем одна группа вела кочевой образ жизни, а другая была оседлой и обрабатывала пашни, разводя главным образом пшеницу²³, то тогда ни у кого не возникнет сомнения, что кочевники, то есть иранские сарматы, подчинили себе в Венгрии народ другого происхождения, народ, занимающийся земледелием. Народом же этим могли быть только славяне, если учитывать их культурный уровень и, кроме того, те факты, что несколько десятилетий спустя мы видим тот же славянский народ на той же территории под владычеством гуннов, а несколькими десятилетиями раньше название народа *венедо-сарматы* встречается на Пейтингеровой карте в Венгерской низменности за Дунаем. Пейтингерова карта в дошедшем до нас виде относится к концу III века, о чем свидетельствуют прежде всего наименования народов на карте²⁴, и мы не имеем никакого права считать упоминание легенды о вене до-сарматах в Венгрии²⁵ или другие упоминания венедов в Бессарабии у устья Дуная припиской, сделанной в V или VI веке, тем более, что прежнее существование славян в обоих районах подтверждается и другими доказательствами. Нако-

нец, автор, внесший якобы в VI веке в карту *ex post* запись о славянах, должен был бы записать их под обычным тогда названием *Slaveni*.

Таким образом, обе записи Пейтингеровой карты являются сами по себе достаточным свидетельством движения славян к Дунаю в конце III века, так же как сообщение о борьбе двух групп сарматов может считаться вероятным доказательством существования здесь славян в IV веке, а сообщение, относящееся ко временам Аттилы, – свидетельством их пребывания в этом районе в V веке. Все связано одно с другим, название же сарматов сохраняется вплоть до VI века, когда все уже стало славянским.

Итак, уже сами исторические источники определенно упоминают славян на Дунае, по крайней мере начиная с III века. Что же касается возможности пребывания здесь славян еще раньше, во II и I веках, то тут мы не располагаем достоверными историческими известиями, и нам остаются, в лучшем случае, лишь предположения. Так, например, весьма вероятно, что традиции, благодаря которым в славянской мифологии появилось и было сохранено имя императора Траяна²⁶, были порождены связями славян с Траяном в Дакии во время его походов 101–102 и 105–106 годов; возможно также, что летописная традиция о нападении на придунайских славян²⁷ относится к этим великим походам римлян в начале II века. Впрочем, Леон, опираясь, очевидно, на реальную традицию, отмечает в «Тактике»²⁸, что римляне воевали со славянами еще в Задунавье до того, как эти последние перешли Дунай (Леон имеет в виду нижний Дунай). Это может относиться только к Дакии и, очевидно, к тому периоду, когда Дакия была покорена Римом или хотя бы была подвластна ему (106–275).

Итак, хотя ни одно из этих известий не дает определенного доказательства пребывания славян на Дунае во II и I веках, они увеличивают все же возможность такого предположения. Эту возможность еще более усиливает приведенный ниже разбор нескольких подунайских топографических терминов.

Общая номенклатура венгерского Подунавья неславянская, на западе основу ее составляли, очевидно, паннонско-иллирийские элементы, на востоке же – фрако-дакийские, в которые с течением времени влились сарматские и тюрко-татарские элементы. Но в этой номенклатуре есть все же единичные названия явно славянского характера. Как форму, так и смысл их можно объяснить, лишь основываясь на славянском языке; они имеют аналогии в славянской номенклатуре других областей, а частично сохранились в ней и по сегодняшний день.

Такими названиями являются прежде всего на западе *lacus Pelsois* (озеро Пельсо) Равеннского анонима (VII век) и Иордана, у Плиния *Peiso* (исправленное *Pelso*), у Аврелия Виктора *Pelso*²⁹ – название, с которым можно связать только общеславянский *apelativum* слова *pleso* в смысле «стоячие воды», «озера». Затем у нижней Савы, между Дравой и Савой, уже во II–IV веках засвидетельствовано название современной реки Вуки, старославянское название Волка, то есть «Волчья река», название, имеющее много аналогий среди славянских названий рек, а именно: у Диона Кассия (Ὠβόλκος), на Пейтингеровой карте (*Ulca*), у Аврелия Виктора (*Hiulca*), в Иерусалимском итинерарии (*Ulcus*), ко всему этому следует прибавить еще *Ulca* в панегирике Эннодия 488 года³⁰. Другим, еще более показательным славянским названием в этих местах является название реки Врбас (*Vrbasu*). Уже у Плиния (III.148) мы находим упоминание *Urpanuśa* (см. современный приток Дуная Врбанья), но славянское происхождение этого названия еще не установлено. Зато на Пейтингеровой карте около устья (Дуная) (*segm.*, VI, I) мы находим наименование Врбате; эта обычная на карте аблативная форма образована уже не от древнего *Urpanus*, а от славянской формы «Врбас»³¹. Наличие же других древних названий, таких, как Плива, приток Врбаса (в итинерарии Антонина – *Pelva*) или *insula-Metubarris* у Плиния (III. 148), которое Первольф считает транскрипцией славянских слов *Ме^у барами* (то есть «между болотами» – ср. серб. *Metjуреу*), я не считаю достаточным доказательством пребывания славян на Дунае. Наименование *Civitas*

Pistrensis, упоминаемое Аммианом Марцеллином в Паннонии³² под 373 годом, образовано, по всей вероятности, также от славянского названия какой-то реки Бистры, так как подобных наименований очень много, главным образом на альпийской территории славян. См. также реку Bustricius от славянского названия Быстрица у Равеннского анонима (IV.19).

Другая группа явно славянских названий находится в венгерском Задубавье, главным образом в современном нижнем Банате. Прежде всего здесь уже с начала II века н. э. несколько раз засвидетельствовано название современной реки Черной, впадающей в Дунай с севера около Ршавы. Название Черная в противоположность Белой очень часто встречается в славянской номенклатуре рек, особенно в карпатских областях. Подобное же название носило и поселение в устье той же реки, что засвидетельствовано двумя votivными надписями II века, найденными в Мехадии и у Апула (Альба Юлия) в форме statio Tsiernen (sis), municipium Dierna, а также на трех кирпичях, найденных в Сербии и Болгарии (Dierna)³³, потом у Птолемея (πόλις Διέρνα) на Дунае под Виминацием, у Ульпиана в начале III века (in Dacia Zernensium colonia a divo Traiano deducta), на Пейтингеровой карте (Tierna), в Notitiae dignitatum IV века – Transdiernae (пункт, расположенный на другом берегу Дуная), смотри, наконец, еще у Прокопия крепость Зерна (φρούριον Ζέρνης) между пунктами Новая и Понтес на Дунае³⁴. Если считать, что в устье современной реки Черной колонистами Траяна было заложено поселение Tsierna, то очевидно, что эти колонисты, пришедшие, согласно Ульпиану, из Дакии, были славянского происхождения, и именно они дали реке обычное славянское название, перешедшее затем и на поселение.

Другим не менее выразительным названием является славянское наименование находящейся поблизости речки Брзавы, притока Темеша (от славянск. *бързь* – быстрый); она упоминается также в качестве названия римского поселения Берсовия, расположенного на пути из Виминация к Сармизгетузу, не только на Пейтингеровой карте в месте пересечения дороги и Брзавы, но уже в начале II века у грамматика Присциана в форме Berzobis³⁵. В развитие доказательств можно было бы привести для Дунайской низменности I и II веков название Тиссы в составной славянской форме *Потиси*; у Страбона Πάρισος, исправл. Πάθισος, у Плиния Pathissus amnis³⁶; затем название реки Грон – Γρανοῦας у Марка Аврелия в конце II века³⁷.

Итак, очевидно, что здесь имеется определенная группа хотя и немногочисленных, но достаточно убедительных наименований, упоминаемых в источниках с I по IV век н. э. главным образом в трех местах: у Блатенского озера, на нижней Саве и в нижнем Банате. Поскольку и другие приведенные выше доводы также говорят, что присутствие славян в указанных местах не только вероятно (в I и II веках), но начиная с III и до V века оно непосредственно подтверждается, то названия Pelso, Vulka, Vrbas, Tsierna, Bersovia, Γρανοῦας, Pathissus – все без исключения представляются мне следами славянских поселений и племен. Славяне проникли в области Дуная и Савы уже в начале нашей эры, но, конечно, лишь на отдельные участки, образовав как бы большие и малые славянские острова в чуждой, иллиро-фракийской и сарматской среде. Именно потому, что речь здесь идет о крае, в который славяне проникали постепенно, появление в нем единичных славянских названий представляется совершенно закономерным и бесспорным.

Суммируя все вышеприведенные свидетельства, как исторические, так и топографические, мы приходим к заключению, что все они, дополняя друг друга, опровергают тезис о внезапном переходе славянами Карпат и выходе их к венгерскому Дунаю лишь в V веке, а к нижнему – в VI веке; наоборот, все эти данные позволяют говорить о проникновении славянских групп, вначале, конечно, разрозненных, в среду иранских сарматов, иллирийских паннонцев и фракийских даков уже в I–II веках н. э. В III веке, очевидно, под влиянием мас-

сового переселения прикарпатских народов продвижение славян к Дунаю значительно усилилось, и в IV–V веках северное Подунавье было полностью заселено последними.

Нельзя представить себе, чтобы все это произошло внезапно, в короткий срок, незадолго до того времени (551 года), когда Иордан привел в своем историческом труде цитированное выше известное сообщение (прим. 10 на с. 604), из которого исходят те, кто не хочет признать более раннее появление славян на Дунае.

Движение славян на Балканский полуостров и его оккупация

Если имеются известия, свидетельствующие о пребывании славян в I–IV веках н. э. на среднем Дунае и Саве, то нет никаких позитивных фактов, подтверждающих пребывание их в эту эпоху на самом Балканском полуострове, южнее Дуная и Савы. Хотя М. Дринов, а за ним некоторые его последователи³⁸ пытались доказать и это, однако эти доказательства были неубедительными. Возможно, и даже весьма вероятно, что в волне вторжений древних германцев или гуннов на Балканский полуостров были также отдельные группы славян и даже целые славянские племена, однако достоверных сообщений об этом мы не имеем. В свое время я верил известию Моисея Хоренского, согласно которому готы, теснимые в 376 году гуннами, в свою очередь вытеснили из Дакии на другую сторону Дуная 25 славянских племен³⁹. Однако значение этого известия я переоценил⁴⁰, так как оно является единственным и не подтверждается другими известиями, кроме того, время, когда оно возникло, а также то, как оно попало в географию Моисея, остается совершенно неясным. В равной степени нельзя обращаться и к сообщению Константина Багрянородного относительно нападения славян-аваров в 449 году⁴¹ на Салоны, так как здесь Константин, очевидно, перепутал нашествие готов в указанном году с завоеванием Салоны славянами в первой половине VII века, вероятнее всего – в годы правления императора Фоки (602–610). И, наконец, даже географические названия, которые встречаются на римских картах и итинерариях III–IV веков и которые для многих представлялись славянскими⁴², таковыми не являются. Во всяком случае, их славянский характер нигде не выступает с достаточной убедительностью. Скорее уж некоторые географические названия из книги Прокопия «περί κτισμάτων» внешне сходны как в написании, так и в звучании с аналогичными славянскими названиями, например Στρέδην, Δόλεβιν, Βράτζιστα, Δέβρη, Βελέδινα, Ζέρνης, Βέρζανα, Λάβουτζα, Πέζιον, Κάβετζα⁴³, но это уже источник второй половины VI века (после 560 года), когда возникновение славянских поселений на Балканском полуострове не вызывает никаких возражений. Впрочем, даже эти наименования не так убедительны, как названия Черная, Плесо или Брзава – на севере.

Итак, достоверного доказательства прихода славян на Балканский полуостров до конца V века нет. Весьма вероятно, что в набегах на полуостров карпов, костобоков (176 год), гепидов, готов, сарматов и гуннов в течение II–IV веков принимали участие и славяне, более того, можно допустить, что при этом отдельные отряды или роды могли уже тогда в виде исключения задержаться здесь и осесть на местах древних поселений или в покинутых и разрушенных крепостях, но и в этом случае нет никаких оснований полагать, что Балканский полуостров был заселен славянами до VI века. Первые прямые и бесспорные известия о движении славян через Саву и Дунай появляются лишь в VI веке, и все византийские историки уверены, что славяне, наступавшие в VI и VII веках, являются новыми завоевателями, новым народом, который до этого жил в Задунавье⁴⁴.

Первой датой проникновения славян на территорию Византийской империи считается обычно 527 год, то есть год вступления на престол Юстиниана, так как о его правлении Прокопий определенно говорит (рассказывая об Иллирии и всей Фракии) следующее: «Οὐννοί

τε καὶ Σκλαβηνοὶ καὶ Ἄνται σχεδόν τι ἀνά παν καταθέοντες εἶς ἐξ οὗ Ἰουστινιανός παρέλαβε τὴν Ῥωμαίων ἀρχήν, ἀνέκιστα ἐργα εἰργάσαντο τοὺς ταύτῃ ἀνθρώπους»⁴⁵.

Однако дата эта неверна, и мы можем на основании некоторых данных отнести приход славян к более раннему времени, по крайней мере ко времени правления Юстина (518–527), предшественника Юстиниана. Прежде всего Прокопий при описании событий 550 года вспоминает о поражении, которое еще во времена Юстина⁴⁶ славяне потерпели от римского полководца Германа. Вторжение готов в 517 и 530 годах в Фессалию, Эпир и Иллирию, о котором говорит Комит Марцеллин, можно с наибольшей вероятностью отнести к славянам, так как Марцеллин отличает в своем тексте гетов от болгар, гуннов и готов⁴⁷. Затем, наконец, Прокопий в сочинении о постройках Юстиниана, где он описывает замечательные работы по восстановлению укрепленных линий, которые провел Юстиниан вскоре после своего вступления на престол, упоминает о двух крепостях, называемых «Ἀδὶνα» и «ὀχύρωμα Ὀβλιμῶν», в которых будто бы были в то время славяне, во второй из названных крепостей они находились даже длительное время: βαρβάρων δὲ Σκλαβηνῶν ἐπὶ χρόνῳ μῆκος ἐκεῖνι τὰς ἐνέδρας πεποικίτων⁴⁸.

Нам неизвестно, существовала ли крепость Адина и где она находилась. Вероятно, это искаженная форма от Ἀλδὶνα – названия крепости, расположенной на Дунае близ Силистрии; крепость Ульметон, обозначенная в другой латинской надписи как vicus Ulmetum⁴⁹, находилась в Добрудже севернее линии Аксиополис (Черновода), Томис (Констанца), и ее остатки были раскопаны недавно румынским археологом Василием Парванем. К сожалению, следов пребывания здесь славян не найдено⁵⁰.

Начиная с 527 года, хотя, как мы видели, этот год и не является датой начала славянских вторжений, набеги славян начали повторяться все чаще и чаще, а также приобретать все большие размеры, будучи поддержаны одновременными нападениями гуннов, болгар и аваров. Юстиниан, вступив на трон, хотел для защиты своих границ от опасности с севера построить грандиозную оборонительную систему, состоящую из нескольких линий крепостей с постоянными гарнизонами; эти линии должны были доходить до «длинной стены» (μάκρον τεῖχος), которую построил незадолго до этого, в 512 году, Анастасий перед Константинополем (от Селимбрии до Деркоса). Эта система крепостей была частично возведена заново, частично восстановлена (см. перечисление крепостей в сочинении Прокопия «περὶ κτισμάτων», кн. IV), однако в империи не было необходимого количества войска, чтобы должным образом занять растянутую оборонительную линию и преградить путь неприятелю. Правда, в нескольких больших гарнизонах было достаточное количество имперского и союзных варварских войск (φοιδεράτοι), но между отдельными крепостями оставались очень большие слабо защищенные участки, да и само войско не было благонадежным. Именно поэтому северодунайских варваров – славян, болгар, гуннов и аваров – очень мало заботила имперская оборона, о чем достаточно ясно свидетельствует история царствования Юстиниана и его преемников.

У Дуная, бывшего de facto еще границей империи, жили в Паннонии лангобарды, в центральной Венгрии – гепиды, далее, на нижнем Дунае – остатки гуннов и болгары. Однако повсюду рядом с ними обитали славяне, главным образом, вероятно, в области среднего Дуная и в современной Валахии. Это была специфически славянская территория – Σκλαυινία – того времени, к ней около самого устья Дуная в Бессарабии присоединялась область славянских антов, отличаемых от собственно славян.

Нашествия славян стали чувствоваться сразу же после вступления на престол императора Юстиниана, затем в 530–533 годы они несколько утихли, но в 545 году вновь засвидетельствованы во Фракии, в 547–548 годах – в Иллирии и Далмации, где славяне достигли Дурреса – Эпидамна, в 548–549 годах – в Италии, в 549 – вновь во Фракии, в 550 – в Нише,

в 551 году – в Иллирии; потом наступило затишье, и вновь сильное вторжение во Фракию вплоть до длинной царьградской стены, в Солунь и в Грецию. В этом нашествии вместе со славянами принимали в последний раз значительное участие гунны (котригуры); однако новый сильный противник и в то же время новый союзник славян не заставил себя долго ждать. Это были авары.

Авары – племя тюрко-татарского происхождения, начавшее продвигаться незадолго до этого из Азии в южную Россию и проложившее себе дальнейший путь сквозь земли гуннов и славянских антов, неожиданно появилось у Дуная под предводительством кагана Баяна. Уже в 558 году император принимал аварских послов и весь Царьград сбежался смотреть на «*ἑθνὸς παράδοξον*». Послы требовали предоставления аварам мест жительства на территории империи. Император испугался, и вполне обоснованно, новых пришельцев и сумел с помощью даров и обещаний отсрочить опасность до конца своего царствования – 565 года. Однако как только он умер и на престол вступил Юстин II (565–578), отказавшийся от выплаты дани, наступил ряд больших аваро-славянских войн с Римом, неоднократно потрясавших вплоть до 626 года как основы Империи, так и оборону самого Константинополя. Сначала бои шли главным образом за Сирмий (современная Митровица на Саве), которым во что бы то ни стало хотел овладеть Баян, занявший тем временем Паннонию. Однако это ему удалось лишь в 582 году. Наряду с этим авары вместе со славянами приняли участие в больших походах в глубь Балканского полуострова, направленных главным образом против Солуни и Греции. Все это происходило в годы правления Юстина и его преемника Тиберия (578–582). Особенно памятно вторжение в Грецию в 577–578 годах, а также наиболее мощное вторжение в 581 году, следствием которого была первая длительная оккупация, засвидетельствованная современником этих событий сирийским хронистом Иоанном Эфесским, писавшим в 584 году: славяне – «проклятый народ» – покорили в 581 году многие города и крепости, опустошили край, перебили население. «И вот, – говорит Иоанн, – еще и теперь (то есть в 584 году) они живут в римских провинциях без забот и страха, грабя, убивая и сжигая нажили они богатство, у них есть золото, серебро, стада коней и много оружия, и они научились вести войну лучше, чем римляне»⁵¹.

Войны не прекратились и во времена Маврикия (582–602), более того, они разгорелись еще больше, так как император отказал аварам в выплате дани, установленной Тиберием. Император был скупым, но вместе с тем храбрым и энергичным человеком. И, вероятно, он преодолел бы опасность, угрожавшую с запада, если бы всю первую половину своего царствования вплоть до 591 года не был занят тяжелой войной на востоке. Последнее обстоятельство обусловило относительную свободу действий славян и аваров на западе и первоначальную слабую оборону империи с этой стороны. Нам известны далее новые большие вторжения в 582, 584, 585 и 586–589 годах, когда славяне и авары вновь проникли в Грецию и оккупировали ее⁵². Новые нашествия на Солунь, описанные в первой легенде о св. Димитрии, также относятся к концу царствования Маврикия, вероятнее всего незадолго до 597 года⁵³. В это же время славяне угрожали Северной Италии, о чем упоминается в посланиях папы Григория I. Но, между тем, энергичные действия императора, закончившего в 591 году войну на Востоке, привели к значительным успехам и на Западе. Римские войска под руководством генералов Приска и Петра не только осмелели и неоднократно (в 593 и 597 году) переходили Дунай, проникая в глубь славянской земли, уничтожая там неприятеля⁵⁴, но и добились в конце концов в 601 году больших побед над аварами, гепидами и славянами в самом центре аварской империи, где-то на Дунае около Виминация и на Тиссе. Но для империи эти победы не имели решающего значения, и, кроме того, вскоре наступил перелом. Когда на престол вступил Фока (годы правления 602–610), убивший Маврикия, во всех концах империи опять начались волнения, с которыми новый император уже не мог

боротся. Сава и Дунай перестали быть границей империи. Последним ее удерживал Маврикий, однако после него ворота настежь распахнулись перед натиском северных варваров; то же самое мы видим и в начале царствования Ираклия (610–641). Славяне напали на Италию (600–603), заняли Иллирию и Далмацию (к этому времени, вероятнее всего, относится завоевание Салоны славянами; согласно Ф. Шишичу, это был 614 год), напали на Солунь (в 609 году, затем приблизительно в 632–641 годах) и проникли в Истрию (611). Другие массовые вторжения во Фракию аваров и славян, достигших ворот Царь-града, относятся к 611, 618, 622 годам; они завершились стремительной атакой 626 года, когда море перед городской стеной Царьграда окрасилось кровью сражавшихся славянских мужей и жен⁵⁵. Однако взять Царьград не смогли ни каган, ни славяне.

Это нападение запомнилось еще и потому, что оно знаменовало конец аварского могущества. Конечно, причиной тому послужила не только эта неудача. За ней последовали и другие, так как первоначальное аварское могущество было уже подорвано. В 623 году Само освободил чешских и словенских славян из-под аварского ига, в 635–641 годах то же совершил болгарский князь Кубрат; к этому времени относится, очевидно, и освобождение от аварского господства иллирийских славян – хорватов и сербов. Все это явные признаки упадка аварского могущества, которое потом уже так и не возродилось.

Само собой разумеется, что столкновения более мелкого масштаба продолжались, но все же атака 626 года является последним большим нападением аваро-славян на Царьград. Затем наступления становятся слабее и реже. Да в них и не было необходимости, ибо несомненно, что в течение царствования Ираклия (610–641) и его преемников Константа II (642–668), Константина IV (668–685) и Юстиниана II (685–695) полуостров полностью был заселен славянами. Они пришли сюда с севера и окончательно здесь поселились. Нападения прекратились сами собой, поскольку нападавшие перестали возвращаться на север, а оставались постоянно на оккупированной территории. В VII веке понятие «славянская земля» не распространяется больше на земли, расположенные на север от Дуная, а лишь на центральные земли полуострова, прежде всего на Македонию и ее окрестности.

Одним словом, в конце VII века оккупация Балканского полуострова, включая Грецию и часть архипелага (в 623 году славяне проникли и на Крит), была завершена. Двести восемнадцать лет (с 589 года) римлянин не смел вообще показываться на Пелопоннесе. Так жалуются царьградский патриарх Николай III (1084–1111) в синодальном послании, адресованном императору Алексею I⁵⁶.

Новый этнический состав населения в Венгрии и на Балканах

Описанные выше вторжения оказали сильное влияние как на политический строй, так и на этнический состав населения Подунавья и Балканского полуострова. Территория Римской империи, северной границей которой, после оставления Дакии в 275 году, стали Дунай, а с 453 года – Сава (ее течение вплоть до поворота у Сирмия), в связи с дальнейшим продвижением славян продолжала уменьшаться. Могущество римлян падало все более и более, особенно после 601 года, когда Дунай в последний раз упоминался как граница в договоре Маврикия с аварами; значительная территория была отторгнута от империи. Хотя некоторые провинции и префектуры и значились номинально в официальном перечне земель империи, но фактически они уже не принадлежали ей; когда же в VIII веке появилось новое деление на фемы, являвшиеся военными и гражданскими административными единицами⁵⁷, господство империи (Ro-mania) ограничивалось уже полосой земли на побережье Эгейского моря, Грецией (также, собственно, лишь названием) и узкой полосой на Адриатическом побережье.

С потерей земель были тесно связаны и большие этнические изменения. Перед приходом славян весь Балканский полуостров подвергся частично эллинизации, частично романизации, причем граница между этими зонами влияний проходила приблизительно от Лиссы (Леш), южнее Скодры (Шкодер), через Призрен, Скопле, между Нишем и Белым Паланком на одной стороне и Кюстендилом, Пиротом – на другой, далее – севернее Враце и Никополя. Это видно по тому, какой язык преобладает в сохранившихся надписях⁵⁸. Романизация северной области распространялась из двух центров: с одной стороны, из городов Далматского побережья, густо заселенного народами Италии (крупнейшими из этих городов были Салона, затем Экум, Ядра (Задер), Нарона и Эпидавр), с другой стороны, из областей, прилегающих к Дунаю, точнее из колоний и крепостей, которыми были покрыты его берега. Отсюда романизация проникла, хотя и не везде равномерно, и до центральных областей Балканского полуострова. Не может быть, однако, сомнения в том, что и в центральных областях, особенно вокруг колоний, древнее местное население было сильно романизировано в VI веке. Это доказывается наличием остатков этого населения, о котором речь будет ниже.

Первым ударом по романизации было разделение Римской империи после смерти Феодосия I в 395 году, так как граница между двумя половинами империи прошла приблизительно по линии, соединяющей Котор с Белградом, причем на восток от нее латинский язык, хотя и удерживал еще долгое время доминирующее положение (например, в армии), начал все же с VI века уступать греческому языку. Однако дальнейшая романизация, так же как и эллинизация, были невозможны ввиду того, что с распространением славянской экспансии здесь появились в VI и VII веках элементы новой культуры, хотя и невысокой, но сильной, здоровой и обладавшей необычайной творческой потенцией и способностью к ассимиляции. Правда, славяне охотно воспринимали достижения чужой, более высокой культуры и чужие обычаи, но при этом они не ассимилировались полностью и не теряли ни своего языка, ни специфических черт своей народности. Напротив, они сумели ассимилировать других. Огромные массы славян, завладев большей частью полуострова, прочно поселились здесь. Они частично уничтожили и вытеснили старое население⁵⁹, частично его ассимилировали, так что от прежнего населения сохранились лишь совсем незначительные группы, главным образом в районах Балканского массива. После завершения славянской оккупации общая картина была следующей.

Греки удерживались лишь на побережье Черного моря на юг от Девельта (Develtos) и на побережье Эгейского моря. Правда, славяне в некоторых местах проникли и сюда, к морю, но были здесь немногочисленны (кроме окрестностей Солуни); только этим можно объяснить более позднюю эллинизацию всей южной и восточной Фракии. В дальнейшем основным ядром населения в Элладе все же оставались греки, хотя и имеются некоторые известия о «славянизации» Греции, ибо ничем другим мы не можем объяснить относительно быстрое исчезновение славян, оккупировавших в VI веке Грецию и остававшихся там еще в VII и VIII веках. Но греческие колонии, захваченные на северном берегу Дуная в VII–VIII веках, славяне удержать не смогли⁶⁰.

Романский элемент сохранился после прихода славян прежде всего на западном побережье в Далмации и в прилегающей к ней части Боснии и Герцеговины, а также в некоторых центральных областях, образующих отдельные оазисы среди основной массы славянских племен. Население западного побережья, говорящее по-романски, именуется в источниках романами (Romani) или латинами (Latini) (так уже у дуклянского аббата), в отличие от ромеев (Ῥωμαῖοι), то есть византийских греков; романов, живших во внутренних районах, славяне стали называть *влахами* (ед. число – *влахъ*) или, в отличие от указанных выше латинов, – черные латины, Nigri Latini, Μαυρόβλαχοι, мавролахи, Morlachi, Morlacci, Murlachi (это название удерживается до настоящего времени у подошвы горы Велебит). Далматские

«романе» говорили сначала на южноиталийском диалекте, затем переняли венецианский, но с течением времени и они постепенно подверглись славянизации. Уже в IX и в X веках славяне проникли на это побережье, поселились около городов, население которых начало брать в жены славянок; так в результате мирного сосуществования были постепенно славянизированы как последние романские острова Веглия (Крк), Луссин (Лошинь), Арбо (Раб), так и последние романские города Трогир, Сплит, Дубровник и Котор. В XVII веке здесь вообще перестали говорить по-романски, а в 1898 году умер на Крке последний человек, знавший еще «таинственный язык», то есть последние остатки древнего романского языка⁶¹.

Внутренние вlahи появляются в источниках лишь в XI веке в южной Македонии. Но расселились они очень широко⁶². Их центром в XIII и XIV веках была древняя Фессалия, называемая Βλαχία, а также Μεγάλη Βλαχία, в отличие от которой древняя Этолия и Акарнания назывались Μικρά Βλαχία (Малая Влахия), а Эпир – Ἀνωβλαχία. Здесь они были сосредоточены главным образом по обоим склонам Пинда. Затем они упоминаются еще в различных местах Македонии, в Древней Сербии, Черногории, Герцеговине и вверх до Велебит, а также дальше на востоке между Нишем и Софией. Все эти вlahи были остатками древнего романизированного населения, вытесненного из романской области массовым продвижением славян на юг. Поэтому мы встречаем их больше всего на границе Греции. Другая часть была вытеснена с запада к Старой Планине и к Родопии, где до того времени их не было.

Часть этих внутренних романо-вlahов подверглась позднее славянизации (название «влахъ» перешло в славянский язык и обозначало пастухов-горцев, живущих в горных селениях, называемых *katun*), другая же часть сохранилась и до настоящего времени на юге Македонии и на Пинде под названием аромунув (*Aramani*), мегленитов, цинцаров, аланов, куцовлахов, каракачанов. Каравлахи были более поздние пришельцы из Валахии⁶³.

Наконец, и формирование румынского народа на севере от Дуная тесно связано с этими романами центральных областей. Происхождение северодунайских румын древней Дакии очень сложно. Прежде всего в Дакии, несомненно, сохранились остатки древнего гетодакийского (фракийского) населения, а наряду с ними и остатки римских колонистов или романизованных даков. Затем там к ним присоединился значительный славянский элемент, а также различные тюрко-татарские элементы, но основное ядро составила, вероятно, группа романских племен, продвинувшихся из смежных областей Балканского полуострова, из верхней Мезии, Дакии (*Dacia ripensis* и *Dacia mediterranea*), Дардании; эти пришельцы в период средневековья продолжали продвигаться на север, соединив различные этнические элементы древней Дакии в новую этническую общность румын⁶⁴. Однако их движение на север не прекратилось в восточных Карпатах, они двинулись дальше, в русинские и словацкие области, и остановились лишь в XVI–XVII веках, достигнув восточной Моравии, восточная часть которой, в свою очередь, получила от них наименование «Валахия»⁶⁵.

Большинство оставшихся фракийских и иллирийских племен, сильно поредевших еще до прихода славян⁶⁶, постигла та же судьба, что и румын центральной части полуострова, – фракийцы исчезли совершенно. В VI веке источники в последний раз упоминают о фракийцах и о том, что в горах говорят еще по-фракийски⁶⁷, но затем фракийцы, за исключением бессов, исчезают из истории, и лишь некоторые племенные наименования, сохранившиеся у болгар, свидетельствуют, возможно, о том, что славяне общались еще с фракийскими племенами бессов, сапов и пайонов⁶⁸. Иллирийцы также совершенно исчезли, поглощенные славянами, в тот период, когда границы болгарской империи во времена царствования императора Симеона расширились до берегов Адриатического моря. Но когда в 1041 году византийцы опять завоевали Эпир и уничтожили господство славян, древнее иллирий-

ское местное население начало подниматься и выступать все более и более определенно и самостоятельно под новым общим наименованием албанцев, арбанитов, арбанасов, бывшим в древности лишь локальным наименованием какого-то горного племени⁶⁹. Эти иллирийские (или, согласно некоторым современным теориям, фракийские) албанцы уже тогда занимали территорию, начинавшуюся от границ современной Черногории, Призрена и Охридского озера и простиравшуюся на юг вплоть до Эпира. Славянский элемент, появившийся здесь раньше и столь значительный среди иллирийских албанцев, что подтверждается многочисленной славянской топографической номенклатурой, был постепенно поглощен. Зато к северу от Савы древние паннонцы исчезли навсегда. Правда, Прокопий в VI веке употребляет еще иногда старые термины «паннонцы», «далматы», «норики», «карны», но эти наименования относятся уже не к старым племенам, а к новым, поселившимся в те времена на альпийских землях, подобно тому как впоследствии наименование паннонцев применялось для обозначения то славян, то мадьяр⁷⁰. О том, что хорватские славяне встретились на Саве, по крайней мере, с древними бревками, свидетельствует, по-видимому, название современных брайков, жителей верхней Кульпы, говорящих на кайкавском диалекте. Какова была дальнейшая судьба древних даков, нам вообще неизвестно, так как об этом никаких известий не сохранилось. Однако представляется вероятным, что часть древних даков, несмотря на полное опустошение их земель и неоднократные выселения в чужие области, сохранилась все-таки до прихода славян в неприкосновенном виде, другая часть романизовалась. Пополняемые в дальнейшем непрерывным притоком романов центральных областей Балканского полуострова, они приняли участие в формировании будущего румынского народа. Нельзя поверить, что горные области древней Дакии были совершенно безлюдны в момент прихода сюда славян.

Племена же, появившиеся на Балканском полуострове до прихода сюда славян, исчезли здесь почти бесследно. О каких-либо галлах в славянскую эпоху нет никаких известий, а на остатки иранских сарматов, когда-то переселенных сюда Константином (334 год, см. выше, с. 60) указывают лишь названия двух горных крепостей *Σάρματες* и *Σαρμάθων*⁷¹; что касается германцев, то хотя в III–IV веках значительное число их – особенно готов – поселилось в балканских городах, что засвидетельствовано речью Синесия к Аркадию в 399 году⁷², однако впоследствии, в славянскую эпоху и после нее, от них остались лишь немногочисленные поселения.

Готы упоминаются в северной Далмации и позднее в окрестностях Никополя под Гае-мом, где до IX века население говорило по-готски⁷³; герулы, поселившиеся в 512 году около Сингидуна, упоминаются еще в 626 году в связи с походом аварского войска против Царьграда⁷⁴, так же как и гепиды, погибшие затем в боях с аварами, лангобардами и славянами в нижней Венгрии⁷⁵. От бастарнов, из числа которых около 100 тысяч человек были переселены императором Пробом на Балканский полуостров в 279 году, у Прокопия сохранилось лишь название одной крепости *Βαστέρναν*⁷⁶; остатками скиров можно, вероятно, считать ангискиров Иордана, поселившихся в Малой Скифии⁷⁷. От лангобардов остался только один гарнизон в Апрехе (Ἀπροι) между устьем Гебра и Пропонтидой⁷⁸, а ругии в последний раз упоминаются в 452 году в двух южнофракийских поселениях (Бизии, Аркадиополе) недалеко от Царьграда⁷⁹.

Почти все тюрко-татарские племена гуннов, появившиеся в конце IV века, отошли после поражения 453 года за Карпаты, Серет и Прут. Впоследствии, во времена славянских нашествий, к ним присоединились новые племена котригуров и утригуров, но после 558–559 годов (см. ниже, с. 180) они уже не представляли собой никакой опасности и в послед-

ний раз упоминаются во время наступления на Царьград в 626 году⁸⁰. Авары были многочисленнее гуннов, и они сдерживали натиск славян вплоть до IX века. Появившись на среднем Дунае в 566–567 годах (см. с. 69), авары сосредоточились сначала в южной Паннонии, а затем на севере между Блатенским озером и Венским лесом, где в VII и VIII веках была собственно *Avaria*, *terra Avarorum* (а также *Hunnia*, *regnum Hunnorum*), окруженная рядом больших укреплений (*hringus*)⁸¹. Отсюда поселения аваров распространились дальше, в частности к востоку от Дуная к Тиссе. Однако нет ни исторических, ни археологических доказательств того, что они жили в Чехии, в Моравии и среди альпийских славян⁸².

Эти земли (так же как и другие) подвергались лишь периодическим набегам из Аварии, авары брали с собой в чужие земли славян для набегов и грабежей, для того чтобы они воевали в первых рядах (*befulci*, *bifulci*)⁸³.

Это тесное общение аваров со славянами нашло свое выражение и в том, что наименование первых удержалось в северных славянских языках в слове «обря» – дикое и сильное сверхчеловеческое существо⁸⁴.

Упадок аварского могущества начался в VII веке, в 623–641 годы (см. выше, с. 59), но только войны с Карлом Великим 791–799 годов привели к окончательному их покорению, можно сказать даже – уничтожению. Древняя аварская земля была опустошена и обезлюдела настолько, что даже в IX веке именовалась еще *solitudines Avarorum* – аварской пустыней, глушью⁸⁵. Одна часть аваров искала убежища за Тиссой, другая осталась в Паннонии, но обе они не удержались ни здесь, ни там. В 822 году аварское посольство в последний раз появляется на сейме во Франкфурте, а в 873 году есть упоминание о крещеных аварах в Нижней Паннонии⁸⁶. Затем авары растворились частично среди славян, частично среди мадьяр, занявших в конце IX века Венгерскую (Угорскую) низменность.

Здесь нет необходимости говорить о менее значительных азиатских колониях на Балканах, образовавшихся, в частности, в VIII веке⁸⁷. Что же касается факта прихода болгар в 679 году и значения его, то этому вопросу посвящена одна из последующих глав.

Глава VI Возникновение и дифференциация южных славян

Согласно теории, созданной когда-то Копитаром и поддержанной Миклошичем¹, считалось, что славяне, придя на юг, образовали от Альп до Черного моря единую словенскую полосу, которая только в VII веке с новым приходом сербо-хорватов была разделена на собственно словенцев (на западе) и дакийских словенцев (на востоке). Но ни исторические, ни филологические данные не подтверждают эту теорию. Известие о позднем приходе сербо-хорватов на Балканы недостоверно (см. ниже, с. 93), а последние более тщательные исследования южнославянских диалектов показали существование непрерывной полосы от Альп к Черному морю, в пределах которой один диалект переходит в другой, причем переход одного языка в другой происходит настолько постепенно, что ничто не обнаруживает здесь какого-либо внезапного вторжения чуждого языкового элемента в древнее единство. Поэтому новая филологическая школа с В. Ягичем во главе² отстаивает ту точку зрения, что древнего словенского пласта, разделенного сербо-хорватским клином, не существовало, но что уже с самого начала вся южнославянская волна содержала в себе зачатки будущих словенцев, сербо-хорватов и болгар, которые располагались так же, как и сами народы, в момент, когда они стали известны истории³. Конечно, в этой волне не было еще сформировавшихся словенцев, сербо-хорватов и болгар, а были только их предки. Окончательное разделение этих трех народов и образование более глубоких различий между ними произошло лишь на новых местах поселения, причем новая территория и среда, воздействие сохранив-

шегося здесь иллирийского и фракийского местного населения, а потом романов оказали, несомненно, влияние на формирование их языка и культуры. Однако образование различий между сербами и хорватами было делом еще более поздней истории.

Итак, на севере – прародине славян, где произошло выделение их южной ветви, – не было еще этих трех или четырех народов. Отделилась целая ветвь, еще слабо дифференцированная внутри, но поскольку диалектологические центры располагались в ней в том же порядке, в каком они были впоследствии на юге, то можно допустить, что прародина протословенцев находилась в юго-западном углу славянской прародины, где-то в районе верхней Вислы по соседству с чехами, тогда как протоболгары занимали юго-восточный угол прародины, а протосербо-хорваты находились между первыми и вторыми, в области центральных Карпат, что, как мне кажется, подтверждается также тесной связью между именем «хорват» или «харват» (второе название является, вероятно, более древней формой) и наименованием Карпатских гор⁴. Отсюда протоболгары продвинулись, конечно, по течению Серета и Прута к нижнему Дунаю, протословенцы же, а частично, может быть, и протохорваты прошли через Карпаты вдоль их западных склонов и через Моравию – в Паннонию⁵. Через центральную часть Карпат прошли, очевидно, относительно небольшие группы из-за сравнительной непроходимости этих дорог⁶. Тем не менее как сербо-хорваты, так и словенцы пришли, несомненно, в Паннонию и область Альп с севера, а не с южного Дуная вместе с аварами, в подчинении у которых они находились, как об этом до сих пор пишут, главным образом под влиянием устаревшего исследования Ресслера⁷.

После прихода южных славян на Балканский полуостров развитие их языков шло по следующим основным направлениям: общими признаками южнославянской ветви по сравнению с остальными славянами были: 1) отверждение гласных *e* и *i*, 2) уничтожение разницы между *u* и *y*, 3) переход *e* в *#*, 4) слоговые *г* и *l* и замена твердого *l* средним *l*, 5) группа *trat* и *trêt* переходит в *tort* и *tert* (*tlat*, *tlêt* в *tolt*, *telt*), 6) функция союза *da* и *vêt* в дополнительных предложениях и 7) развитие праславянских *tj* и *dj* в *č*, *j* в словенском языке, в «с», «j» в чакавских диалектах, *в* *ć*, *d'* в штокавских диалектах, в *ĝ*, *k* в резавско-моравских диалектах, в *št*, *žd* в общеболгарском языке⁸. На основе этих признаков на западе образовалась словенская область, в которой вместо старославянского *Q* возникло *O*, из праславянского *ê* – *e*, а из *tj*, *dj* – *j*, *č*; далее к востоку выделилась область кайкавского диалекта, который составлял переходную ступень к сербо-хорватскому языку⁹. Рядом со словенцами и кайкавцами образовалась область чистого сербо-хорватского языка, составленная из двух основных частей: из чакавских диалектов (из праславянского *dj* – *j*) и штокавских (собственно сербский язык из праславянского *dj* – *h*), причем следует упомянуть, что чакавщина в Хорватии издавна постоянно уступала на севере кайкавщине, а на юге – штокавщине, последние два диалекта заняли уже значительные области в Далмации, Боснии и Славонии¹⁰. Между штокавщиной и собственно чистым болгарским языком также образовалась полоса переходных диалектов, имеющих в одних местах больше сербских, а в других больше болгарских признаков. Это древнесербские диалекты, распространенные от Призрена и Тетевена через Приштину, Куманово, Вране, Ниш к Тимоку (призренско-тимокские) и дальше к югу северо-македонские диалекты от Скопле к Тырново и Софии. Южномакедонские диалекты уже явно болгарские. Собственно болгарский язык, характерными признаками которого являются переход от праславянской *tj* – *dj* к *št* – *žd*, а в более поздний период постоянное сохранение носовых звуков и полугласных, занял восточную часть южнославянской области от Тимока, Софии и Македонии к Черному морю и разделился с течением времени на основании развития старославянского *ě* и носовых звуков на группу западную (*ě* – *e*) и восточную (*ě* – *я*). Позднее сербо-хорватский язык в процессе своего развития подвергся извне еще различным воздействиям двух культур – западной и восточной. Одна часть племен с сербо-хорватским языком

приняла религию, а с ней письмо и культуру в целом из Рима, другая часть – из Византии. Это привело к образованию, с одной стороны, хорватов, а с другой – сербов – двух славянских народов, ныне резко различных, несмотря на близкое их родство. Но в древнюю эпоху после прихода славян на Балканы сербов и хорватов в современном понимании не существовало. Более того, не было вообще еще ни словенцев, ни болгар. Был лишь ряд очень мало отличавшихся друг от друга племен, из которых только позднее, в период средневековья, образовались словенцы на западе, хорваты и сербы в центре, а на востоке – болгары¹¹.

Глава VII Словенцы

Эти славяне, поселившиеся на юг от Дуная и на север от нижней Дравы, Кульпы и Истрии, переходили через средний Дунай уже в начале нашей эры, о чем свидетельствует славянское название Блатенского озера – *Pelso* у Плиния (см. выше, с. 62). Однако в истории они под наименованием «славян» появляются только в конце VI века: во-первых, они в 592, 600, 602 годах совершали нападения на города Истрии и Северной Италии¹, во-вторых, в 595 и 596 годах принимали участие в боях против баварского воеводы Тассилы, происходивших где-то у истоков Дравы и Муры, в области, называвшейся уже тогда *provincia Sclavorum*². В это же время или вскоре после этого (после 611 года) все славяне, жившие на территории, простирающейся от Альп до среднего Дуная, подпали под власть аваров, от которой, однако, их в 623–658 годы освободил Само³, но уже в 745 году Борут, хорутанский князь, за помощь, оказанную ему в борьбе с аварами, подчинился баварскому господству, которое было закреплено подавлением восстания 772 года, а в 788 году заменено господством франкской империи. Тогда же эти славяне (живущие даже в самых отдаленных местах) приняли христианство, главным образом благодаря деятельности Виргилия и Арна, зальцбургских епископов, которым эти области были подчинены в церковном отношении⁴.

Плотность славянского населения в оккупированных местностях была не везде одинаковой. Наиболее густо, по всей видимости, славяне заселили ту территорию, где по сегодняшний день сохранилась словенская область, а именно – южную Штирию, Каринтию, Крайну и, конечно, Паннонию, откуда они ушли только позднее. Помимо этого ядра, колонизация в других местах была слабее, густота населения была реже, в особенности, что вполне естественно, в связи с удалением в горные районы, и это было, очевидно, главной причиной того, что славяне здесь столь быстро подверглись германизации. В целом же территория, которую можно в основном считать славянской, простиралась в VII–VIII веках далеко за пределами современной славянской области, границы которой тянутся от Триеста через Тржич, Кормин (Кормане) к Чедаду (Чивидале), к Понтеббе, св. Могору (Хермагор), Беляку (Филлах) на Драве, затем между озерами Оссиахер-Зе и Врбским (Вертер-Зе) к Радгоне (Радкерсбург) на Муре, св. Готхарду на Рабе и Вараждину на Драве, откуда она поворачивает вдоль Сотлы, Кульпы, Снежника и около Бузета (Пинквента) к Триесту⁵.

В VIII–IX же веках можно провести границу славянских земель от Истрии не только к Чивидале и Понтеббе; мы видим, однако, что в тот период образовалась еще полоса славянских поселений, тянущаяся южнее от Чивидале к западу через Пальманово, Кодрайпо и через реку Тальяменто до окрестностей Порденоне. Свидетельством этого является, согласно некоторым историческим документам, огромное количество итализированных славянских названий, поселений, обозначенных иногда также определением *schiavonesco*, *schiavonico*. Сбором этого материала занимались главным образом С. Рутар и Ф. Мусони⁶.

От Понтеббо граница славянских земель тянулась к западу по гребню Карнийских Альп к верхней Драве, где в 770 году между Иннихбергом и Линцем около деревни Анраса

река Мюльбах стала границей баварской и славянской территорий.⁷ Севернее граница не отмечается историческими свидетельствами, но поскольку долины Изель, Деферегген и Кальзер до сих пор изобилуют славянскими названиями⁸, то граница, по-видимому, проходила от Анраса по гребню Дефереггенских Альп к горе Драйгерреш-питце, затем к Венедигеру, Б. Звону (Гросс Глокнер) по хребту Высокого и Радштетского Тауерна, так что зальцбургский Лунгау находился внутри славянской области. Из достоверного сообщения известно также, что в конце VIII века поселение Бишофсхофен на Саличе Зальцах (в Понгау) находилось под угрозой а *vicinis Sclavis* (соседних славян)⁹. За Радштетским проходом граница славянских поселений шла на Дахштайн, а около озера Аттер к средней Травне (Траун), с восточного берега которой сворачивала за Кремжи (Креме) и св. Флориан; на западе можно говорить, по крайней мере, об отдельных славянских поселениях, простиравшихся до реки Инн. В известной грамоте Тассилы 777 года, а также в грамотах 789 и 791 годов¹⁰ засвидетельствованы славяне, подчиненные жупану (*jorpan Physso*) и живущие в окрестностях монастыря на реке Кремже. В другом документе 834 года область, расположенная у Кроншторфа на Енже (Энс), обозначается как *pars Sclavorum* (славянская область)¹¹, в документе 906 года области около св. Флориана упоминаются как *Bavari vel Sclavi istius patriae* (родина баварцев или славян)¹². За устьем Трауна до Дуная граница проходила от Урфара (Бухенау) на север до Баварии.

Во всех этих областях и даже там, где теперь живут чистокровные немцы, встречается множество древних топографических славянских названий. К сожалению, они до сих пор не систематизированы и не подвергнуты необходимому анализу. Попытки, сделанные до настоящего времени в этом направлении, носят лишь локальный характер и нуждаются в проверке авторитетных филологов¹³.

Северной границей словенской области был Дунай, так как словенцы не переходили на его левый берег. В противоположность этому чешский элемент, издавна находившийся здесь по соседству со словенцами, не только достиг Дуная, но и перешел его, а в некоторых местах, по-видимому, довольно глубоко проник в словенскую область, особенно на востоке у Блатенского озера.

Имеются достоверные свидетельства о том, что и на западе, в современной Верхней и Нижней Австрии, чехи перешли в области, расположенные на юг от Дуная¹⁴. В свое время я приводил уже филологические доказательства того, что тут, на землях между Енжой (Энсом) и Литавой, вдоль рек Мурек и Муры вплоть до Дравы, встречается множество славянских наименований, сохраняющих «чешский» характер, так, например, названия, образованные от чешской формы *jedla* (в славянском языке *jel, jela*), или названия, образованные от чешской формы *cMm, cBlum* (сравни со словенским *holm, horn*)¹⁵. Но мне возразили, что исчезнувшие северословенские диалекты образовали здесь переходную ступень к чешскому языку, следовательно, эти формы являются доказательством наличия здесь не чешского языка, а словенского диалекта, близкого к чешскому языку¹⁶; поэтому необходимо в будущем произвести филологический анализ этих форм, для того чтобы решить с чисто филологической точки зрения, является ли славянская номенклатура в Нижней Австрии и в Штирии словенской или чешской. Однако в пользу чешского элемента, несомненно, свидетельствует одна Пассауская грамота 987 года, в которой прямо говорится о чехах, прочно осевших на реке Першлинг (древняя Берзница или Брзница),¹⁷ а кроме того, ряд названий с определением *Bohm-Boheim-Bóhmisch*, из числа которых Бехаймберг около Штира и Бехаймкирхен около св. Ипполита (*Sankt Polten*) засвидетельствованы уже грамотами XII века¹⁸. Аналогичным, судя по всему, было положение и дальше на востоке, в древней Пан-

нонии, у Блатенского озера. У нас нет, по правде говоря, доказательств присутствия здесь чешского или, точнее, словацкого элемента до IX века, и можно действительно сомневаться в справедливости предположения о приходе словаков в Паннонию до этого времени. Тем не менее весьма вероятно, что после поражения аваров в 799 году, когда вся Паннония, по словам Эйнхарда, осталась совершенно безлюдной¹⁹ и подпала под политическое господство словацких князей из Нитры, здесь появилось значительное число северных чешско-словацких колонистов²⁰. Во всяком случае, только таким образом можно объяснить, почему половина имен славянских вождей, присутствовавших в 850 году при освящении храма в замке князя Прибины (над рекою Салой у Блатенского озера), носила характер имен северо-западных славян, а не южных²¹. С этим, видимо, связан также ряд других фактов, свидетельствующих о том, что в IX веке наименование Моравии относилось к обеим Придунайским областям – к области северной, моравско-словацкой, и к Паннонской области. Святого Мефодия его ученик Климент прямо называл *ἐπίσκοπος Μοράβου τῆς Πανονίας*²², обе области были объединены под названием Великой Моравии (*Μοραβία ἡ μεγάλη*), которой управляли моравские князья Прибина, его сын Коцел и, наконец, Святополк²³, а *Conversio Vagoariorum* (с. 10) называет Моймира *dux Moravorum supra Danubium*, что предполагает наличие и моравов «*infra Danubium*». С этим, вероятно, связано также различие между двумя группами моравов у Баварского географа.

Вообще же границей словенцев на востоке можно считать средний Дунай до Дравы. За ним располагалась – перед мадьярами – другая группа южных славян (болгарская). На юге переход к собственно сербам и хорватам образовывала полоса кайкавского диалекта, занимавшая большую площадь, чем сейчас, когда приблизительной границей этой полосы является линия, тянущаяся от Вировитица на Драве мимо Беловара и Есеница на Саве и отсюда вдоль Савы и Кульпы к Карловцу и Гацкополю, тогда как раньше почти вся территория Славонии до черты Осиек – Винковци – устье реки Босны была кайкавской и лишь позднее, в эпоху турецкого господства, была колонизирована населением с Балканского полуострова, говорящим на штокавском диалекте²⁴. Само собой разумеется, что переходный диалект был в то время очень близок словенскому языку.

Говоря о границах древней Словении, нельзя не упомянуть еще о некоторых старых и новых теориях, сторонники которых расширяли область древних словенцев значительно дальше на север, вплоть до Венгрии, до современной Венгерской Словакии, объявляя древних словаков либо просто паннонскими словенцами, либо южными славянами, обособленными от соседних западнославянских чехов.

Уже Ф. Миклошич и А. Дюммлер отстаивали эту теорию, после них ее охотно приняли венгерские ученые, и, наконец, словацкий филолог д-р Само Чамбел усердно пытался привести филологические и исторические доказательства в пользу этой теории. Хотя их точки зрения были не во всем тождественны, но в конечном итоге все они считали древних словаков VIII–IX веков словенцами либо особым южнославянским племенем, близким паннонским словенцам²⁵. К такой точке зрения их привело, во-первых, уже упоминавшееся выше употребление названия Моравии для Паннонии, во-вторых – и это было решающим для Чамбела и его последователей, – характер словацкого языка, в котором проявляются некоторые явные южнославянские признаки. Поэтому Чамбел считал, что первоначальные словаки были южными славянами, родственными словенцам и сербам, и что лишь позднее, начиная с XIII века, под влиянием чешской культуры они отделились от них и были чехизированы.

Нельзя отрицать, что в словацком языке такие «южно-славянские» признаки имеются (например, первое лицо единственного числа на – *em*; вставленное «я» в род. пад. мн. ч.; формы среднего рода *dobrô, starô*; выпадение *d* перед *l* и др.); имеются также в словацкой топографической номенклатуре названия южного характера, например *Toplá, Piešťany*,

Hrmovo, Lončary, Razpusč, Moštenica, Grlica, Kalište, венг. Palugya, Pokorágy, Privigye²⁶. Но их немного. Язык в целом и вся остальная номенклатура носят в общем западнославянский характер, но ближе всего они к чешскому языку. Поэтому не остается ничего другого, как считать, что словаки принадлежали к западнославянскому племени и составляли некогда вместе с чехами одну его ветвь. Что же касается упомянутых южнославянских признаков, то я объяснил бы их, во-первых, тем, что словаки при своем центральном положении издавна жили по соседству со словенцами и сербами и поэтому имели с ними больше языковых связей, во вторых, также тем, что отдельные группы южных славян остались среди них либо во время передвижения на юг, либо при отступлении на север от Дуная после оккупации Паннонии аварами²⁷ и венграми.

Славяне, живущие между Альпами, Дунаем, Дравой и Истрией, в древних источниках упоминаются обычно под названием Sclavi, реже Slavani (страна их Sclavinia), или Winedi, Winidi, Winades (по ошибке также Wandali). Сами они также в качестве своего племенного наименования сохранили нарицательное имя Sclavi, а именно в форме Slovenec, Slovenka, множ. число Slovenci (чешек. Slovinc), это наименование вошло в литературу в эпоху Возрождения. Это же название славян сохранилось и у южных романских соседей, тогда как немцы приняли другое название – венецы, венды (нем. Winden, Wenden, Windisch), а венгры создали как для славян вообще, так и для словаков общее наименование *tót*, множественное число *tótok*. Позднейшие политические события способствовали, с одной стороны, возникновению таких названий, как *marca Wine-dorum*, *marcha orientalis*, *Oriens*, *Slougenzin marcha*, *provincia Sclauorum* и т. п., с другой стороны, восстановлению некоторых античных названий: Carantani (позднее также Carentani, Carentini), Carnii, Carniolenses, Pannonii, Πάνωνες, для областей же – Carnia, Carniola, Carantania, Pannonia²⁸. Наименование Carnia путем народной этимологии перешло в общеславянское Крайна²⁹. Из более мелких местных племен упоминаются только дулебы на южной Муре у Радгоны (Радкерсбург)³⁰ и, вероятно, также стодоране, наименование которых отражено в названии долины Стодорской³¹, аналогии им мы находим в чешских дудлебах, русских дулебах и полабских стодоранах. Но было их, конечно, больше, так как истории известны различные местные князья (*dux*, *prínceps*, *гех*, *αρχὼν*), являвшиеся, по-видимому, вождями отдельных местных племен³². Кроме того, среди словенцев в Каринтии и Штирии оказались и остатки соседних хорватов.

Германизация северных словенцев началась вскоре после их обращения в христианство и после наступления германского господства (см выше, с. 86), главным образом после 796 года, когда был покорен и уничтожен самый страшный противник – авары. Германские церковная и политическая организации действовали вкуче против славян, и в областях с редким славянским населением, где селились баварские колонисты, славянский элемент быстро исчезал. Так было на севере, где, как, например, в Австрии, уже в XIII веке исчезли последние остатки славян³³. В Паннонии обстановка была также неблагоприятной, ибо несомненно, что при новом заселении земель после поражения аваров в 796–799 годах сюда пришло много немецких колонистов. Когда в 850 году зальцбургский епископ Лиуфрам освящал для Прибины первый христианский храм у Блатенского озера, то из тридцати присутствовавших на церемонии вельмож у половины были славянские, а у другой половины – немецкие имена. Об этом же свидетельствуют и немецкие наименования Паннонии³⁴. Впрочем, паннонские словенцы подверглись в дальнейшем ассимиляции со стороны венгров, за исключением незначительной группы в Заладском (Зала) и Железном (Вас) округах³⁵.

Только на юге, где словенцы с самого начала жили компактной массой, они удержались по сегодняшний день в очерченной выше, на с. 86, области.

Глава VIII Сербо-хорваты

Сведения, касающиеся происхождения хорватов и сербов и появления их на Балканском полуострове, нам оставил император Константин Багрянородный (912–959), а именно в главах 30–33 своего сочинения «De administrando imperio» (или περί ἑθνῶν), написанного приблизительно в 950 году. В этих главах мы читаем, что, согласно представлениям и традициям, существовавшим тогда на Балканском полуострове, хорваты и сербы пришли на свои исторические места поселения с севера Европы в период царствования императора Ираклия (610–641) и поселились здесь по его приглашению приблизительно в 630–640 годы. Пришли они с севера со своей древней родины, которая называлась Белая или Великая Хорватия и Белая Сербия и находилась за Турцией (Венгрия) далеко от моря, около франкской и саксонской земли на Висле, называемой Δυτζυκή. Первоначальное место жительства белых хорватов Константин точно указывает – около Багибарии (Βαγιβάρεια), а место жительства белых сербов в земле «Боики». Как понимать это сообщение, куда поместить северную прародину обоих народов и как связать характер и время их прихода на юг с остальной историей, которая не располагает никакими позитивными сведениями об этом? Все эти вопросы издавна являлись излюбленным предметом изучения славянских, и в частности, хорватских и сербских историков¹.

Первоначально все эти сообщения целиком и некритично принимались, исследователи стремились объяснить лишь загадочные Багибарии и земли Боики, которые вероятнее всего надо было отнести к баварцам (Βαγιβάρεια из Bagoaria, Baioaria) и к чехам (Боики – искаженное «Богемия»). Таковым было общепринятое в XVIII и в начале XIX века объяснение, другие объяснения представляли меньший интерес (Багибария – река Бах, Бабя гора в Бескидах). Наряду с этой появилась другая трактовка вопроса – начиная уже с XVII века считали возможным выводить хорватов и сербов из Полабии, где истории были известны лужицкие сербы и чешские хорваты, поскольку этому противоречил язык южной ветви, отличный от языка западной ветви; представители этого второго направления – Бандури, Добровский, Катанчич, Цейс и прежде всего Шафарик искали поэтому Белую Хорватию и Белую Сербию дальше к востоку вне полабской земли. Так, например, Шафарик отнес прародину хорватов к востоку от Чехии, к Висле и далее в область восточной Галиции, прародину сербов – от средней Лабы через Польшу вплоть до Буга и Минска. По его мнению, Боики были землей карпатских бойков у Стрия и Самбора². Притом все эти исследователи относили приход сербо-хорватов на полуостров ко времени правления Ираклия, то есть приблизительно к 630–640 годам, и вследствие этого полагали, конечно, что хорваты и сербы клином вторглись в массив славян, оккупировавших еще задолго до этого земли от Краса и Альп до Черного моря. Эту точку зрения поддержали лингвисты и Фр. Миклошич³. Только Ф. Рачки в работах 1865 и 1880 годов, указанных выше в примечании, предложил по этому вопросу в значительной мере новые теории, которые позднее принял и дополнил В. Ягич. Основное содержание этих теорий состоит в том, что хорваты и сербы вообще не могли прийти с Лабы, что пришли они из более восточных областей, с Вислы и Днестра, и отнюдь не во времена Ираклия, а значительно раньше, а именно, как показывает лингвистическое соотношение южнославянских языков⁴, вместе с теми славянами, которые в V и VI веках оккупировали полуостров. Ягич пошел еще дальше: он вообще отвергал существование Белой Хорватии и Белой Сербии на севере. По его мнению, они являлись лишь «Phantasieland» Константина, возникшими благодаря тому, что последний или его информатор что-то услышали о чешских хорватах и лужицких сербах и, основываясь на этих слухах, создал версию о двух

больших прикарпатских державах хорватов и сербов, которые в действительности, однако, никогда не существовали⁵.

В настоящее время, учитывая авторитет Ягича в вопросах филологии, можно без всякого колебания отвергнуть предположение о том, что оба этих южных славянских народа появились здесь только в 630–640 годы. Что же касается связи их с императором Ираклием, то она была основана, по-видимому, на иной почве: весьма вероятно, что в тот период именно сербо-хорваты свергли аварское господство, в связи с чем были активизированы старые византийские притязания на северо-западную часть полуострова, и римское владычество было здесь в известной мере восстановлено⁶.

Хорваты и сербы пришли на Балканский полуостров в начале VI века, и сообщение источников о приходе славян к Солуни в 536 году или к Диррахию в 548 году можно уже связывать с сербо-хорватами. Что касается меня, то традиции о Великой или Белой Хорватии на севере и о Белой Сербии я не считал бы лишь порождением фантазии византийцев. Хорваты и сербы пришли на юг как сильные племена, следовательно, покидая Прикарпатье, они представляли значительную силу. В то же время, однако, мы видим, что после их ухода там осталась еще значительная часть племени, которая также называлась хорватами; таковы, например, хорваты в Восточной Галиции, хорваты в Силезии и на Висле, хорваты в Чехии у Крконошских (Исполинских) гор, не говоря уже о менее значительных группах⁷. Эти четыре хорватские группы, жившие первоначально вместе (так как и южные балканские хорваты также вышли с Вислы), я никак не могу считать отдельными народностями, отличающимися друг от друга; первоначально хорваты не разделялись на чешских, польских, русских и южных. Этому противоречат все имеющиеся в нашем распоряжении данные и прежде всего их топографическая концентрация на единой территории. Очевидно, в Прикарпатье обитало некогда единое большое славянское племя, называвшееся хорватами (название «хорваты» при этом очень близко названию Карпатских гор⁸), в языковом отношении принадлежавшее к южной ветви, большая часть которой переселилась на юг. Та же часть племени, которая осталась на севере и попала в сферу чешского, польского или русского влияний, была ассимилирована под воздействием этих новых сильных факторов и утратила свой «южный» характер. Его сохранили лишь те хорваты, что ушли на Балканский полуостров. Не следует также забывать, что в IV и V веках языковые различия были минимальными. О существовании Великой Хорватии свидетельствуют, наконец, и некоторые другие северные традиции, переданные арабскими источниками IX и X веков, о большой славянской области (империи?) на севере, называемой Chordab, Dzirvab и Dzrvat, Chravat, Chrvat, Churdab⁹. Что касается сербов, а также существования Великой Сербии в Прикарпатье, то тут подобных доказательств нет¹⁰, и весьма вероятно, что Константин создал северную Великую Сербию лишь как *folii* к традиции о Великой Хорватии.

О том, когда и как пришли хорваты и сербы с севера на юг, не известно ничего определенного. Но в конечном счете нет ничего невозможного в том, что причиной распада Хорватской империи, а также, разумеется, деления ее на несколько частей и вытеснения хорватского ядра на юг от Карпат вплоть до Савы явилось нашествие аваров в начале VI века на территорию современной Галиции. Значительная часть славян, обитавших первоначально в Прикарпатье, достигла, конечно, Дуная уже раньше, но переселение собственно хорватов, тех, что были сгруппированы в Хорватской державе на Висле, могло начаться лишь под натиском аваров. Конечно, этот предполагаемый Пейскером натиск аваров к северу от Карпат еще недостаточно доказан. Но если нам известно, что авары в VI веке притесняли дулебов на Волыни и что вскоре после этого они явились виновниками распада Антской империи, то нет ничего невозможного в том, что последствия аварского нашествия коснулись и областей, расположенных далее, вплоть до Вислы, приведя здесь в движение мощное племя

хорватов¹¹. О том, в каких условиях оказались сербы и хорваты после прихода на юг и в первый период обитания их на новых местах, то есть в VII и VIII веках, ничего достоверно не известно. Только в начале IX века оба эти народа становятся известными истории, первые – в связи с войнами против болгар, вторые же – в войнах против франков и паннонских славян. Хорватская империя быстро развивается, ее история начинается уже с IX века, между тем как Сербия отстает и остается неизвестной. Ее история начинается позднее. Те немногочисленные сведения по этому вопросу, которые сохранили нам источники IX и X веков, позволяют составить следующие представления о первоначальных условиях и поселениях обоих племен.

Хорваты. Собственно хорваты, согласно традиции, пришли на Балканы в составе семи родов, но уже в X веке, по сообщению Константина, Хорватия состояла из 14 жуп: Хлебиана (Χλεβιάνα), Центина (Τζέντζηνα), Имота (Ημοτα), Плеба (Πλέβα), Пезента (Πεσέντα), Параталассиа (Παραθαλασσίον), Бребер (Βρέβερα), Нона (Νόνα), Тнена (Τνήνα), Сидрача (Σίδραχα), Нина (Νίνα), Крибаса (Κρίβασα), Лица (Λίτζα), Гуцика (Γουτζήκα) – и занимала обширную территорию, границами которой были: на севере Лабин (Альбо-на) в Истрии, затем реки Кульпа и Сава, за ними обитали уже кайкавские словенцы (см. выше, с. 82), на юге река Цетинья и на западе море с островами (из островов не были хорватскими лишь Раб, Крк, Крее). Установить, куда простирались в VIII–IX веках места поселения собственно хорватов и какую часть Боснии они занимали, невозможно. Различие между обитавшими здесь славянскими племенами и их соседями – хорватами и сербами – было лишь племенное, и только более поздние условия способствовали присоединению местных славянских племен либо к сербам, либо к хорватам. Только относительно южных областей известно (хотя бы от Константина), что в центральной части их, за Цетиньей, жупами, граничащими с сербами, были Хлевно, современные Ливно и Плива на реке Пливе. Но и здесь, как и дальше на юг от Цетиньи, отдельные роды и племена были такими же, как и боснийские. Будущее должно было решить, куда их причислить. Вне пределов очерченной территории известно лишь несколько отдаленных хорватских колоний, сохранившихся, вероятно, с эпохи великого переселения народов. Таковыми следует считать несколько поселений в Альпах, называемых в грамотах X и XII веков Crauati pagus, Chrouuat, Croudi, Chrowata, Chrowath, Kraubat, а именно в Корутании у св. Вита (St. Veit) между Крком (Турком) и Глиной (Глан), затем в фельдкирхенском и целовецком округах и в Штирии у Любна (Леобен) на Муре и у св. Флориана (St. Florian)¹². Кроме того, и в Македонии, у Нижней Прешпы, и в Греции, у Микен и около Афин, известны поселения Хървати, Χαρβάτι, возникшие, по-видимому, во время походов VI и VII веков. Ядро же хорватского народа, занимавшее территорию между Кульпой, Врбасом и Цетиньей, уже в X веке представляло собой необычайно многочисленное, сильное и воинственное племя. Это подтверждается рядом исторических известий, а Константин определяет численность войска, выставленного в его время христианами хорватами, в 160 000 человек и, кроме того, 180 морских судов¹³.

Такое могущество вместе с благоприятным территориальным расположением у Кварнерского залива, способствовавшим установлению связей с древней культурой Италии и Византии, затем свержение аварского ига – все это способствовало тому, что хорваты развивались быстрее и успешнее, чем иные народы; и очень скоро они умножили свою мощь, подчинив себе соседние славянские племена в Истрии, Паннонии и Боснии. И уже в X веке Томислав (904–928) выступает как фактический хорватский император Посавья, Приморья, Боснии и Далмации.¹⁴

Из отдельных хорватских родов и племен, кроме вышеприведенных названий жуп Константина, в истории упоминается лишь один народ жупы Гуцикой, называемый позднее Гацко (севернее от Лики в Приморье, где река Гацка отделяет Капелу от Купы). Я бы отнес

сюда славянских гудусканов из франкских анналов (*Guduscani* из славянских гадьскани), упоминаемых в 818 и 819 годах в войнах с паннонским Людевитом¹⁵. К ним относится, вероятно, также племя *Gušáin*, упоминаемое Масуди. Их князь Борна считается одновременно князем Далмации и Либурнии (*dux Dalmatiae et Liburniae*).

*Сербы*¹⁶ также появляются на Балканском полуострове как уже сильное племя, область их первоначального распространения нельзя отождествлять ни с современной их территорией, ни с территорией, занимаемой ими в XII–XIII веках. Собственно сербы поселились первоначально на востоке от хорватов на территории, относительно ограниченной по сравнению с современной Сербией. На севере они достигали, вероятно, Посавья – сюда, по крайней мере, можно поместить сорабов (*Sorabi*), к которым в 822 году бежал из Сиска через реку Саву паннонский князь Людевит¹⁷, но помимо этого нам ничего не известно ни о жизни сербов в тот период, ни о том, как далеко на восток простиралась их территория. Можно лишь сказать, что древние мораване из болгарской Моравии и тимочане из Тимока в ту эпоху к собственно сербам еще не принадлежали. На западе от Ливны и Пливы проходила граница с хорватами, на юго-востоке, на границе с болгарским государством, упоминается в IX веке сербский пограничный город Рас или Раса на реке Рашке, притоке Ибра у Нови Позара¹⁸, а поскольку и более поздние сообщения помещают ядро растущей Сербии, центр ее будущей мощи и славы, в эти области, то закономерно полагать, что центр собственно древних сербов находился уже с самого начала в гористой области между реками Пливой, Тарой, Лимом и Ибром¹⁹. Постепенно распространяясь из этого центра, сербы мало-помалу подчинили себе соседние области и племена и ассимилировали их, передав им свой национальный характер и самое наименование. Процесс этот протекал безболезненно, поскольку соседние славянские племена не отличались в те времена от собственно сербов ни в языковом, ни в культурном отношении. Здесь имели место лишь родовые различия. Поэтому эти племена легко подчинились политическому и культурному влиянию сильного сербского племени, распространявшемуся до тех пор, пока оно со временем не было прекращено еще более активной волной экспансии болгар. Первое такое государство было образовано в XI веке зетским (Зета) военачальником, ставшим родоначальником династии; но уже начиная с IX века встречаются известия о жупанах и великих жупанах в центральных частях, а С. Новакович относит период кристаллизации к концу VIII и началу IX веков²⁰. Также на западе между Пливой, Бояной, Цетиньей²¹ и морем первоначально собственно сербов не было; в первой половине X века еще Константин называет местные племена также центральными сербами, но и эти племена, наиболее близкие сербам, подчинившись вскоре после сербской власти, сразу же превратились в неотъемлемую часть сербского народа.

В древних собственно сербских областях нам не известны никакие отдельные племена, за исключением названий восьми жуп, упомянутых Константином (с. 32: Дестиник (*Δεστινίκον*), Чернобука (*Τζερναβουσκεή*), Мегюрет (*Μεγυρέτους*), Дресниек (*Δρεσνεήκ*), Лесник (*Λεσνήκ*), Салинес (*Σαληνές*), Катера (*Κάτερα*), Десник (*Δεσνήκ*)). Название рошанов, лат. *Rasciāni*, от которого произошло также венгерское наименование сербов *гас*, мн. ч. *rások*, не что иное, как более позднее обозначение центральной части Сербии, образованное от названия главного города Расы на реке Рашке. Возникло оно лишь в конце XII века. Вопрос об упомянутых выше мораванах, тимочанах, затем ободритах и преденецентах IX века представляется более целесообразным рассмотреть в следующей главе. Итак, остается лишь область между собственно Сербией и морем – на юг от реки Цетиньи вплоть до Бояна, – о которой имеются достаточно подробные этнографические сведения, относящиеся ко времени до X века.

Здесь по сообщениям прежде всего того же Константина обитал ряд племен, первоначально отличных и независимых от сербов, а именно²²:

1. *Наречане* (Ναρεντάνοι, Narentani, Narentini), поселившиеся у моря между Неретвой (Narenta) и Цетиньей и на островах Мелета, Куркура, Хвар, Вис и Ластовом, следовательно, на море, которым они уже долго владели, будучи мореплавателями и занимаясь пиратством. Позднее земля их называлась также Крайна, а народ, населявший ее, – крайнянами (Craynenses, Cherenania).

2. *Захлумяне* (Ζαχλοῦμοι, Chulmi), называемые так потому, что обитали за каким-то большим холмом (Błagaj?); они занимали территорию между нижней Неретвой и окрестностями Дубровника и до центральной части полуострова вплоть до Ливны, Коньицы и верхней Неретвы.

3-4. *Тервуняне, травуняне* (Τερβουνιώται, Τερβουνιάται, Τράβουνοι, Τερβουνία, Travunia), по-славянски *требинье*, обитали на территории между Дубровником и Котором вплоть до Билеча и Пивы. Однако от моря их отделяла узкая полоса, заселенная племенем конавлян (Καναλίται), называемым так от эпидаврского водопрохода, от которого окрестность Дубровника называлась Canale, Canali, славянское *Канале, Конавля*.

5. *Дукляне* (Διοκλήτιανοί) получили свое название от древнего города Доклеа, Диоклеа, расположенного на месте впадения реки Зеты в Морачу недалеко от Подгорицы; они обитали на территории, простиравшейся от Которского залива и реки Бояне, занимая современную Черногорию и соседнюю часть Албании. Позднее старое название Диоклеа было заменено названием Зета (лат. Zenta, Genta). Все эти племена вместе с другими неизвестными нам племенами на юге и на востоке, в Метохии, Косе и Древней Сербии, собственно сербы сумели частично подчинить себе уже в X веке, а частично позднее и образовали вместе с ними этническую общность, превратившуюся в единый великий сербский народ, территория которого протянулась впоследствии от Кульпы и Дравы до Бояна, Дрина, Призрена, Приштина и Скопье. О значении сербов для Македонии речь будет ниже.

Следует еще подчеркнуть, что и с сербами мы встречаемся иногда вдали от основной их территории. Большим сербским городом была, по-видимому, Серблия (Σέρβλια), или Сербиа (Σερβία), на границах Фессалии у реки Быстрицы (Vistritsa), современная Серфиджия (Servia), где в XI веке существовала также отдельная собственно сербская фема с епископством; сербскими городами-памятниками, сохранившимися от походов еще дальше на юг, можно несомненно считать также ряд городов, разбросанных по Греции и Эпиру, носящих название Σέρβου, Σερβόχια, Σερβιάνικα, Σερέβιανι, Σέρβοτα и др. Наконец, сербской территорией является, вероятно, также Горδόσερβα (позднее именуемая Seruochotia), упоминаемая в списке епархий VII века юго-восточнее от Никеи в Малой Азии перед Дорилаем²³.

Глава IX Болгары

Тюрко-татарские болгары и славяне

В соответствии с вышеизложенной точкой зрения по поводу вторжения славян на Балканский полуостров славяне начали заселять восточную его часть в VI веке. Хотя на этот счет и нет определенных и достоверных сведений, тем не менее иначе нельзя объяснить тот факт, что в

VII веке все эти области были уже наводнены славянами. Несомненно также то, что в результате походов в Грецию (см. с. 68) уже в VI веке здесь поселилось большое число славян.

В походах в восточную половину Балканского полуострова принимали участие две большие ветви задунайских славян: так называемые *склавины* (Σκλαυηνοί), обитавшие в то время, согласно свидетельству Иордана, на среднем и нижнем Дунае вплоть до его устья, и *анты* (Ἀνταί), обитавшие на побережье Черного моря между Днестром и Днепром¹; однако на Балканах осталась лишь первая ветвь – южнославянская. Восточнославянская ветвь – анты – часто совершали набеги на Балканский полуостров, в особенности в первой половине VI века, но о том, что они оставались здесь, нет никаких известий, хотя византийцы хорошо знали их и отличали от остальных славян. Очевидно, анты под натиском тюрко-татарского (аварского) нашествия вновь отошли в южнорусские земли².

Итак, несомненно, что, как и на западе, в заселении средней и восточной частей Балканского полуострова принимали участие все славяне южной ветви, за исключением незначительной части славян других ветвей, не имевших, однако, серьезного значения и прекративших вскоре свое существование. Это был ряд племен и родов, вышедших из южнославянской прародины в Прикарпатье, родственных в языковом и культурном отношении словенским, хорватским и сербским племенам, но имевших, однако, и некоторые различия, которые в дальнейшем все возрастали. Эти племена во время своего появления на Балканском полуострове не были объединены в единое целое, не считали, что составляют единую значительную этническую общность в отличие от своих ближайших соседей сербов, образуя в лучшем случае большие или меньшие территориально близкие между собой группы, как, например, в Мезии и в Македонии. Условия, способствовавшие образованию из этого ряда довольно независимых племен политического, а затем культурного и языкового единства, подобно Сербии на западе, создались лишь позднее, но и позднее между сербами и болгарами оставалась определенная полоса, тянувшаяся от Тимока через Скопле к Охриде, которая не только в политическом, но также и в культурном и этническом отношениях являлась чем-то промежуточным между сербами на западе и болгарами на востоке, причем этот характер ее не могли устранить даже последующие столетия. Следовательно, нельзя считать, что уже в VII веке существовало какое-то единство всех славян восточной и средней части Балканского полуострова.

Весьма вероятно, что и в этой группе славян какое-то местное племя, усилившись, подчинило бы себе остальные племена и образовало бы такую же значительную общность, какую образовали хорваты и сербы на западе, общность чисто славянского происхождения. Но этот естественный процесс опередило событие, которое привело, собственно, к тем же результатам: объединило все славянские племена восточной и центральной части Балканского полуострова, привело к политическому и этническому единству, но в отличие от подобного рода общности, рассмотренной выше, это единство было порождено не местными, а инородными элементами. Его создало тюрко-татарское племя болгар в самом конце славянской колонизации.

Болгары – племя гуннского происхождения³ – пришли на Дунай с Волги и Дона в V веке (в 482 году Зенон призвал их для оказания ему помощи в борьбе с готами, а в 499 году засвидетельствовано их первое вторжение на Балканский полуостров); в течение VI века огромные массы болгар принимали участие в нашествиях на Балканы, а также в нападении на Царьград в 626 году, но затем они возвращались обратно в Задунавье. Здесь им удалось в 635–641 годах, то есть в то же время, что и славянам на западе, свергнуть аварское иго, но какой-то другой натиск извне, вероятнее всего новое нашествие хазаров с востока, вынудил в начале семидесятых годов VII века кагана Аспаруха (или Испериха) двинуться на юг. Сначала он остановился у дельты Дуная⁴, но в 679 году прошел ее и быстро оккупировал всю древнюю Мезию между Дунаем и Балканским хребтом, сконцентрировав свои силы на территории современной Добруджи. Эта оккупация и связанное с ней подчинение славян-

ских племен, обитавших на этой территории, произошли мирным путем, без сопротивления со стороны славян: напротив, славяне встретили болгар как своих союзников в борьбе с византийцами и вошли с Аспарухом в соглашение, согласно которому он объединил всю территорию, заселенную славянами, поселил последних на новые места с целью защиты Балканских гор с одной стороны от императора, с другой стороны (на западе у Тимока) – от аваров. Вследствие этого мы наблюдаем в дальнейшем мирное сосуществование славян с болгарами, видим, что сохранилась старая славянская организация, славянские князья правили под главенством болгарского кагана, можем проследить, как вскоре произошло слияние обоих элементов. При этом ассимиляции подверглись не столько славяне, сколько болгары. Болгарские правители, а затем бояре и народ в целом уже спустя короткое время стали принимать славянские имена и заменять свой родной язык славянским. Еще в легендах о св. Димитрии и в византийских известиях VIII века болгары отличаются от славян, но в IX и X веках наблюдается уже их отождествление и взаимная замена обоих терминов, в это же время мы читаем изречения: «Σθλοβενών γένος ἔσθ' οὖν Βουλγάρων»; «языки словинские рекше Българе» и т. п.⁵, и если бы впоследствии не было новых пришлых тюрко-татарских элементов (печенегов, половцев, узов), которые укрепили и удержали в Добрудже и в соседней области⁶ тюрко-татарские поселения, то от древних болгар не осталось бы и следа. Впрочем, остатки их пребывания здесь, которые имеются или которые пытаются найти некоторые исследователи (К. Шкорпил, Занетов) в делиорманских годжалах и гагаузах, вызывают большие сомнения⁷.

Таким образом, в древней Мезии возникло новое государство, управляемое тюрко-татарскими болгарами, но в основе своей с самого начала являвшееся преимущественно славянским. Этот славянский элемент укреплял государство и по мере расширения границ государства и присоединения новых славянских племен усиливался сам. Первоначально Болгарское государство занимало центральную часть полуострова, потом при Круме (803–814) к нему присоединяется Задунавье, при Пресиаме (приблизительно 845–852 годы) и Борисе (855–888) – Северная Македония вплоть до Охриды и Ибара, а в конце IX века, во времена царя Симеона (893–927), болгарские владения простирались уже от албанского побережья через Эпир и Македонию до Фессалии, а на севере до Срема и Центральной Венгрии⁸.

У этих славян, живших некогда отдельными разобщенными племенами, со временем появлялось сознание своей общности и своего единства, проявившиеся в самом факте принятия ими общего наименования болгар. Так, вначале в политическом, а потом и в культурном и языковом отношениях, сплотился и объединился болгарский народ. На основании всего этого ясно, что ни о какой денационализации этих славян, ни о какой их тюркизации вообще не может быть и речи. К славянской крови примешалась совсем незначительная капля инородной крови, да и то лишь на ограниченной территории, лишь в восточной Мезии⁹. Поэтому болгары остались славянами в той же мере, как и соседние сербы или русы. Если кто и повлиял заметным образом на древний чистый славянский тип, то это были как на западе, так и на востоке полуострова остатки балканских аборигенов, а не народ, приведенный Аспарухом.

Территория славян, на которой в течение последующего времени исторически сложился болгарский народ, простиралась на Балканском полуострове от Черного и Эгейского морей до Адриатического моря на юг от Бояны и к реке Мораве. К ней примыкали на севере другие обширные области от центральной Венгрии до Серета и затем на юге отдельные районы Греции и архипелага. Таким образом, это была наиболее обширная славянская область на юге, заселена она была, конечно, неравномерно. Здесь имелись большие равнины, безлюдные или заселенные остатками древнего населения. На этом основании, а также в силу нашей недостаточной осведомленности относительно всей указанной территории славян-

ское население ее представляется нам разделенным на несколько разрозненных групп, а именно: 1) северную группу, мезийскую (в древней Мезии), 2) македонскую, 3) греческую, 4) задунайскую (венгерско-валахскую). Лишь об этих группах – об условиях их поселений и о дифференциации племен внутри них – сохранились некоторые известия. Хотя данные географии Моисея Хоренского (VII век) относительно прихода на Балканы из Дакии 25 славянских племен и не могут считаться достаточно точными, но все же они были правдоподобны, и вряд ли славянских племен было здесь меньше¹⁰.

В Мезии славяне, занимавшие территорию между нижним Дунаем и Гаеком, попали под власть пришлых болгар и вместе с ними образовали ядро будущего государства и болгарского народа. Согласно историческим свидетельствам, к мезийским славянам относились семь славянских племен, которые, по сообщению Феофана, добровольно подчинились Аспаруху¹¹. К ним, по-видимому, относилось племя северян [Σέβερεις Феофана, северов (Severes) Анастасия], обитавших, вероятно, во время прихода Аспаруха где-то у Дуная в Делиормане, откуда оно было переселено на юг к восточным балканским перевалам (от Салокавака к Голице). Однако так как Аспарух в целях обороны от аваров вновь перевел отсюда еще ряд других племен на западную границу, где близкие по времени источники упоминают племя мораванов (Μωράβοι, Μωραβία) на реке Мораве¹² и племя тимочанов (Timociani) на Тимоке¹³, то весьма вероятно, что и эти два племени относились к числу упомянутых семи племен мезийских славян, называемых в другом месте дунавцами¹⁴. Во всяком случае ясно, что в область болгарских славян уже в VIII и IX веках входили также славяне современной восточной Сербии. Зато неизвестно, где вообще обитали *ободриты*, называемые также *преденецентами* и упоминаемые в начале IX века где-то на Дунае. Франкские анналы упоминают их в связи с их отношениями с франкской империей в 822 и 824 годах. Сначала они упоминаются в сообщении о славянских посланцах на Франкфуртский сейм (822 год), причем в таком контексте, что неясно, не идет ли здесь речь о балтийских ободритах; но в другом месте четко говорится: «Abodriti, qui vulgo Praedenecenti vocantur et contermini Bulgaris Daciam Danubio adiacentem incolunt». Толкование наименования как ободритов, так и преденецентов неясно. Первое наименование связано, вероятно, с названием южновенгерской реки Бодрога, притока Тиссы в нижнем ее течении; второе связывается обычно с названием Браничева на Млаве (визант. Βρανίτζοβα, Βράνντζα, лат. Brandiz, Brandiez, сербск. Браничево). Но это толкование недостоверно, и пока трудно решить, было это племя болгарским или сербским¹⁵.

Славяне в Македонии

В VI и VII веках Македония с севера до самого моря была так плотно заселена славянами, что получила во второй половине VII века специальное название славянской земли – ἡ Σκλαυινία, αἱ Σκλαυινίαι¹⁶. Склавиния была вначале независимой от болгар, и именно здесь имя «славяне» долее всего сохранилось в речи обитателей Балканского полуострова в качестве этнического обозначения; так, соседние албанцы по сей день называют македонских болгар просто *škjeji*, то есть славяне (от итал. *schiaivo*). Причину столь значительного заселения древней Македонии славянами следует искать прежде всего в специфике ее местных условий. Варвары, массами двигавшиеся с севера, уже самими естественными условиями направлялись на вардарскую дорогу. Затем здесь находилась также Солунь, которая, подобно Царьграду на востоке, привлекала завоевателей слухами о своем богатстве. Это привело к тому, что именно окрестности Солуни далеко кругом были заселены славянами, о которых в «Чудесах св. Димитрия» имеется целый ряд довольно подробных и интересных сообщений. Да и сама Солунь подверглась значительному воздействию со стороны славян. Уже в

597 году множество славян поселилось в городе. А к IX веку славянский элемент здесь значительно увеличился, что подтверждается словами, которыми император Михаил провожал Константина, отправляя его приблизительно в 862 году в Моравию: «Иди! Вы солуняне, а все солуняне чисто говорят по-славянски»¹⁷. И действительно, здесь, в Солуни, согласно остающимся в силе до сих пор заключениям славянской филологии, господствовал язык, на котором преподавали апостолы Константин (Кирилл) и Мефодий и на который были переведены древние славянские церковные книги. Нельзя более придерживаться старой теории Копитара и Миклошича об отдельной «старославянской» области в Паннонии, на языке которой якобы написаны эти книги. Это был староболгарский язык из окрестностей Солуни¹⁸.

В ближайших окрестностях Солуни, владения которой были сведены в конце концов к полосе земли шириной приблизительно в 20 км¹⁹, жили, согласно источникам, следующие племена.

Около самого города на западе обитали *сагудаты* (Σαγουδάται, Leg. Dem.); Σαγουδάοι (Анна Комнина); Σαγουδάτου (Иоанн Камениата), происхождение наименования которых неизвестно, и где-то рядом с ними *ринхины* (Ῥυγχίνοι или Σκλαβίνοι ἀπὸ τοῦ Ῥυγχίνου, «Чудеса св. Димитрия»), в другом месте также Ῥηχίνοι на реке Ринхине, определить которую до сего времени не удавалось²⁰. Оба эти племена занимали, согласно древним источникам, также часть Халкидики, а именно гору Афон.²¹ Далее к западу от Солуни, между Солунью и Верней, на реке Быстрице жило племя *драговичи*, или *д্রেговичи* (Δρουγουβίται), о которых идет речь в «Чудесах св. Димитрия» и у Иоанна Камениата-ты, занимавшее область, где позднее упоминается епископ – ἐπίσκοπος τῆς Δρουγουβιτίας²². По другую сторону от города, к востоку от него, на нижней и средней Струме жило славянское племя, именовавшееся по названию реки *струменцами* (Σκλαβίνοι οἱ ἀπὸ τοῦ Στρουμόνος в «Чудесах св. Димитрия», Στρουμόνται у Иоанна Камениата) и расселившееся вплоть до Лангадинского озера (Lagkadas); далее на средней и верхней Месте (Каре) жили *смолены*, *смоляне* (Σμολέανοι, Corpus inscr. graec., IV.318, IX в., Σμολένοι, Никита Хониат), земли которых простирались до верхней Арды, что засвидетельствовано современным Смолянном (тур. Ismihan). Во внутренней части Македонии обитали *брзаци*, *брсяцы* (Βερζήται, «Чудеса св. Димитрия»). Их область, на которую уже в 773 году задумал напасть Телериг, находилась, очевидно, там, где по настоящее время удерживается название *брсяцы* для народа, живущего на территории от Охриды и Битоля – через Прилеп, Кичево и Крушево – до Велеса на среднем Вардаре. Там была, вероятно, и древняя Βερζυτία Феофана, Кедрена и Льва Дякона²³. Кроме названных племен, здесь были еще и другие, но о них не сохранилось сколько-нибудь достоверных сообщений²⁴. Из древних легенд IX-X веков известно лишь, что славяне жили на Брегалнице (приток Вардара), около города Равна, и в Кутмичевце (Κουτμντζυβίτζα), в области, к которой относились Охрида, Девоп, Главиница; затем в области Δρεμβίτζα (Дреновица?), в области Βεδίτζα (либо на реке Велице – притоке Вардара, либо на Велице около Охриды); известно, кроме того, что и современная Албания была так густо заселена славянами, что и по настоящее время там имеется много топографических славянских названий даже в местах, где ныне от славян не осталось и следа²⁵. Нам, однако, неизвестно, сколь древним является это заселение, относится ли оно уже к первому периоду славянской оккупации полуострова или же к более поздней эпохе, а именно ко времени, когда в 861 и 920 годах болгарские владения расширились до Драча (Дуррес).

Как на западе, так и на востоке Македонии обитало значительное число славян, о которых не сохранились подробные известия древнего времени, неизвестно также и время их поселения здесь. В XIII и XV веках они упоминаются во всей Родопии, в окрестностях Фера, Ксантина, Еноса, Кавалла. (Поселения ближе к Царьграду являются колониями более позд-

него времени.) Славянская область *Zágora*, *Zaǵória* на юге Балканских гор упоминается уже географией Моисея Хоренского в VII веке²⁶. В это же время славяне обитали и на севере провинции Астики около города Бизия (Виза) («Чудеса св. Димитрия»).

Почти все эти славяне быстро попали под власть болгар и объединились с ними не только в политическом, но и в этническом отношении. Они приняли наименование болгар и вместе с ним сознание определенной общности. Несомненно также, что и в языковом отношении они уже издавна начали объединяться и тем самым отходить от сербской языковой общности, хотя полоса македонских племен всегда создавала при этом своего рода переход от чисто сербского к восточноболгарскому языку. Ясное выражение своей принадлежности к болгарскому народу македонцы проявили, однако, лишь после своего национального пробуждения и в боях за свободу в XIX веке.

Я не разделяю точки зрения тех, кто в большинстве древних и современных македонских славян видит сербские племена, а также и тех, кто пытался превратить их в особый народ, отличный от сербов и восточных болгар²⁷. Но, конечно, не следует отрицать того, что среди македонских славян так же, как и в Греции, были и сербские элементы, занесенные сюда в прошлом потоком великого переселения. Об этом свидетельствует и сербское поселение *Σερβία* на Быстрице (см. выше, с. 102), и некоторые следы сербского языка в древней номенклатуре²⁸.

Славяне в Греции

Основные наступления славян на Грецию, завершившиеся их поселением здесь, начались в 578 году и закончились после вступления на престол императора Ираклия, так как тогда, как упоминает Исидор (ум. 634) (*Chron.*, 44), «*Sclavi Graeciam Romanis tulerunt*», Греция была полностью оккупирована славянами. Речь здесь идет не о нескольких тысячах человек, обосновавшихся в определенном месте и оттуда распространивших постепенно свою власть на всю Грецию, подобно тому как это сделали болгары на востоке и в центре Балканского полуострова. Славяне расселились по всей Греции и на архипелаге, причем в некоторых местах настолько густо, что в более поздних исторических документах эти земли упоминаются как славянские. Уже Иоанн, бикларский аббат, писал в конце VI века: «*Sclaveni partes Graeciae atque Pannoniae occupant*»²⁹, это подтверждают в 584 году³⁰ Иоанн Эфесский, Монебассийская хроника и синодальная грамота патриарха Николая III³¹; в 723–728 годы епископ Вилибальд, который во время странствий из Сиракуз в Святую землю остановился в Монебасии, отметил, что он остановился на славянской земле³², и еще в X веке, когда Греция была вновь завоевана Византийской империей, на это указал сам император Константин: «*ἐσθλαβόθη πάσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος*», и вскоре после этого комментатор Страбона добавляет: «*καὶ νυν δὲ πᾶσαν Ἠπειρον καὶ Ἑλλάδα σχεδὸν καὶ Πελοπόννησον καὶ Μακεδονίαν Σκύθαι Σκλάβοι νέμονται*»³³. Поэтому также вместо названия *Ἑλληνες* было принято обозначение *Ἑλλαδικοί*.

Власть славян над Грецией продолжалась, согласно указанному известию патриарха Николая III, 218 лет, до победы греков у Патраса (805–807 годы), причем она была настолько твердой, что ни один римлянин не смел появляться в Греции. Только в конце VIII века наступил перелом, сначала на севере после победоносного похода Ставракия против славян Эллады и окрестностей Солуни в 783 году, затем в 847–849 годы после завоевания почти всей Морей во времена Михаила III и, наконец, в 940 году после покорения последних двух обитавших там и свободных племен милингов и езеритов³⁴.

Исторических известий, свидетельствующих об интенсивности заселения славянами Греции, немного. О размерах этого заселения лучше всего можно судить по топографической номенклатуре края и влиянию славянского языка на греческий.

Историческим источникам достоверно известны лишь следующие славянские племена: *ваюниты* (Βαίουνηται, «Чудеса св. Димитрия»), места поселения которых остались неизвестными, хотя скорее всего они располагались в Эпире, к северу от залива Арты, в будущей исторической Вагенении XI–XIV веков³⁵, *белегезиты* (Βελεγεζίται в «Чудесах св. Димитрия»), обитавшие в Фессалии около Волошского залива вблизи бывших городов Фив и Димитриады³⁶, *милиинги* и *езериты*, жившие в Морее, по обе стороны Тайгетских гор (Μιλῆγγοί, Ἐζερίται у Константина Багрянородного, De adm. imp. 50); езериты обитали на восточной стороне в области, называемой Элос (тут же помещается поселение

Езер (Езерон)), милиинги же на западной. Здесь они вошли и в «Житие святого Никона», составленное около 1142 года. Другие славянские племена в Греции не известны истории³⁷, но они, несомненно, жили и в других ее областях (в Аркадии, в области Скорта, в Гардиливе между Спартой и Тегеей, в Зарнате на юге от Каламиты, в Ватике у Малейского мыса и др.). Кроме того, славяне оставили много следов в топографической номенклатуре всей Греции, да и в греческом языке существует много доказательств влияния на него славянских языков³⁸. На архипелаге славяне жили главным образом на островах Крите, Эвбее, Самофракии, Фасосе, но были и на островах Корфу, Самосе, Теносе, Эгине, Метане, Занте и Левкосе³⁹.

Но как ни многочисленно было славянское население в Греции, особенно в некоторых ее северных и южных областях, все же было бы неверно заключить из этого, что современные греки – это грецизированные славяне. Эта старая теория Фальмерайера, которую можно выразить фразой «Das Geschlecht der alten Griechen ist ausgerottet in Europa», безусловно, неверна и раздута⁴⁰. Лучшим доказательством этого является именно тот факт, что, как только в Греции была восстановлена византийская власть и местный элемент опять поднял голову, славяне оказались быстро ассимилированы и вскоре были совершенно поглощены. Здесь поучительно сравнить ситуацию, сложившуюся в Македонии, с ситуацией в Греции. На Македонию в дальнейшем также оказали большое влияние власть, культура и язык греков. Но она осталась все же славянской в противоположность Греции. Последняя, очевидно, сохранила достаточное количество древнего греческого населения, которое было в состоянии одолеть славян и одолело их. Поэтому о полном исчезновении потомков древних греков не может быть и речи.

О том, что оккупировавшие Грецию славяне принадлежали к группе славянских племен, занимавших Македонию и вообще центральную и восточную части Балканского полуострова, свидетельствуют и самый порядок древней оккупации, и пути, ведущие в Грецию, и, кроме того, особенность славянской топографической номенклатуры⁴¹. Доля участия в этой оккупации славянами северо-западной части Балканского полуострова была неизмеримо меньшей. Но все же имеются явные доказательства наличия в разных областях Греции сербских и даже хорватских поселений⁴².

Славяне в дакии

К северу от среднего и нижнего Дуная – на территории позднейших Венгрии, Семиградья и Валахии – также осталась значительная часть славян южной группы, о которых известно, правда, очень мало, но которых все же по некоторым признакам следует связать со славянами восточной части Балканского полуострова. Их называют дакийскими славянами, так как они занимали древнюю Траянову Дакию. Миклошич и Копитар в свое время рассматривали их как особую южнославянскую ветвь, более близкую словенцам, чем болгарам (см.

выше, с. 81), но в настоящее время известно, что это неверно. Обитавшие в Дакии славяне были в языковом и племенном отношении ближе всего к той группе, которая впоследствии дала начало славянским болгарам. С ней они были связаны и в политическом отношении.

Уже в 631 году турецкие болгары добились господства над аварами в Венгрии⁴³; согласно источникам, относящимся к концу VIII века, власть и поселения болгар простирались до южной Венгрии, а с 829 года даже и до Паннонии⁴⁴. Поэтому и у Баварского анонима болгары (*Vulgarii*) оказываются соседями Баварской империи, а у Альфреда Пульгаралаанда – соседями Каринтии⁴⁵; о соседстве болгар с Паннонией свидетельствует также «Житие св. Наума» и *Conversio Bagoariorum* 836 года⁴⁶. В 892 году Арнольф требовал у болгар, чтобы они не давали соль с венгерских солеварен моравским славянам⁴⁷. Поэтому тем понятнее становится и то, что и Валахия вплоть до Прута была заселена болгарами и подчинена им. К ней относится термин IX века «Βουλγαρία ἐκείθεν τοῦ Ἰστρὸῦ ποταμοῦ» в отличие от Болгарии «ἐντος τοῦ Ἰστρὸῦ».⁴⁸

О родстве славянского населения этих мест с более поздними славянскими болгарами свидетельствуют, кроме вышеприведенных сообщений, также фонетические знаки (чередование *št*, *žd* и носовые звуки) в местной топографической номенклатуре, в особенности трижды встречающийся Пешт⁴⁹, из которых Пешт на Муране может быть одновременно доказательством того, как далеко на север зашли эти славяне до того, как эту часть северной Венгрии оккупировали с запада западные славяне (словаки), а с востока – восточные славяне (русские). Происхождение некоторых венгерских слов также связано с болгарскими формами⁵⁰. К славянским болгарам относилась также по меньшей мере часть первоначальных семиградских славян⁵¹. Напротив, остатки болгар, встречавшихся здесь еще в конце XVIII века в Сегедине (*Csergedu*), Бонгарде и *Roszszeru*⁵², были потомками уже не древних словен Иордана, а жителей более поздних болгарских колоний, основанных здесь в XIII веке⁵³ и подобных существовавшим до недавнего времени болгарским колониям в Банате (Винга около Арада, Бешенов у Сегеда, Брест около Врщце). Исторические данные не свидетельствуют о наличии здесь отдельных древних племен. Хотя название Северинского комитата (с XIII века *terra Zemra*, *Zevrino*, *Sevrin*, *Zevevino*) свидетельствует о том, что здесь могло жить какое-то племя северян, может быть часть того племени, которое в VIII веке появляется в Делиормане, но о других племенах мы не можем сделать даже такого предположения.

Славяне Семиградья и Валахии подверглись впоследствии романизации; когда это произошло и при каких обстоятельствах – пока неясно. Мне представляется неправильной точка зрения некоторых румынских историков, предполагающих полное вытеснение славян с этих земель (например, Ксенополь, Хасдей, Йорга). Полагаю, что там всегда оставалось много славян, которые были романизованы, но, конечно, они составляли меньшинство по сравнению с дако-румынами. В противном случае они славянизировали бы древнее население и завладели бы краем так, как это было на Балканском полуострове. Подобным образом и тюрко-татарский элемент не мог быть основным в Молдавии и Валахии, хотя влияние его было несомненным⁵⁴.

Славяне в Азии⁵⁵

Наконец, особая территориально обособленная южнославянская группа встречается, кроме Европы, и в Малой Азии. Это группа колоний, разбросанных главным образом в двух местах – у Мраморного моря в Вифинии и в Каппадокии – Сирии. Эти колонисты пришли, несомненно, с Балканского полуострова, вероятнее всего с восточной, византийской, его

части, в основном от Солуни. Лишь одно название – Gordoserba – свидетельствует о сербском происхождении (см. выше, с. 102). Первое сообщение о поселении славян в Вифинии содержится в тексте печати славянских союзников из фемы Опсикон, печать относится приблизительно к 650 году. На печати вокруг головы императора надпись (поврежденная): «των ανδραποδων των Σκλαβοων της Βιθυνων επαρχίας»⁵⁶. К этому следует добавить греческие известия о появлении в 664 году славянских колоний в Сирии в окрестностях Апамеи⁵⁷, в 688 году около Никомедии, где поселилось много славян из Солуни⁵⁸, в 762 году на реке Артане в Вифинии недалеко от Босфора⁵⁹ и, кроме того, в восточных источниках, в частности у Михаила Сирийца, имеется ряд упоминаний о поселениях, названных Андак и Гурис (Antiochia – Cuthrus, Chorus) вблизи Антиохии⁶⁰.

Из этих основных источников и нескольких других известий второстепенного характера⁶¹ видно, что один из центров славян был в Вифинии (разделенный в X веке на фемы Оптиматон и Опсикон), вероятнее всего в окрестностях Никомедии и Никеи, рядом с которыми в VII веке упоминается еще Гордосерба на пути из Малагины к Дорилаю (см. выше, с. 102) и какое-то поселение сагудатов (κομόπολις Σαγουδάοι), очевидно, солунских сагудатов⁶². Здешние славяне назывались Σθλαβησιάνοι⁶³. Второй центр находился в Сирии и прилегающей части Каппадокии, в него входили славянские поселения у Апамеи (Seleukobulos, Sakalabije), Антиохии, – Хорус, крепость Лулон на границе Сирии и Каппадокии (φρούγιον Λοῦλον, Λουλοῦ) на дороге, проходящей через Тавриз, затем крепости Hisn-as-Sakaliba южнее от Тавриза и Hisn-Salman где-то у Алеппо, а также, по-видимому, поселение, называемое Σθλαβοτίλιν и расположенное где-то в западной Сирии⁶⁴.

Часть III Западные славяне

Глава X Этнический состав населения древней восточной Германии

Часть славян, развившаяся, как говорилось выше, на языковой базе западной части славянской прародины и с древнейших времен подвергавшаяся иным культурным влияниям, нежели восточные славяне, с течением времени попала в новые, еще более отличительные условия и в новую среду. Большая часть всей этой западной ветви отделилась также и территориально и со своей прародины передвинулась далее на запад к Одеру (Одре) и Эльбе (Лаббе) и даже далее этой реки – к Заале, а в юго-западном направлении – на средний Дунай вплоть до нынешней Баварии. Одновременно почти вся южная ветвь славян ушла на юг в Венгрию, к Адриатическому морю и на Балканский полуостров. Связь с восточной ветвью славян ослабевала еще и потому, что между ней и западной ветвью простирались с одной стороны бесконечные и труднопроходимые Рокытенские болота, а с другой стороны вклинивались литовские пруссы и ятвяги. Так западная ветвь славян, ее язык, культура и внешнеполитические судьбы начали развиваться самостоятельно и независимо от южных и восточных славян. Возникает отдельная западнославянская ветвь, и процесс этот, начавшийся еще до нашей эры, в общих чертах закончился в первом тысячелетии нашей эры. Именно в этот период сформировались народы, известные в позднейшей истории западных славян, а вместе с ними сложились и отдельные западнославянские языки: чехословацкий¹, лужицко-сербский, полабский, поморянский и польский. Местом расселения западных славян стала восточная половина обширной области, которая с I века до н. э. называлась Германией и границей которой на западе был Рейн, на юге – сначала река Майн и Судетские горы, а позднее, как правило, Дунай. На востоке граница этой области, остававшаяся длительное время неопределенной, с течением времени установилась по Висле. Уже в трудах Випсания Агриппы, затем у Помпония Мелы, Плиния, Птолемея, Марциана и даже у Иордана Висла отделяет Германию от Сарматии, а наряду с Вислой линией раздела служат и некоторые южные притоки Дуная, сначала Морава, а позднее Ваг (Vagus), или Грон (Granuas), или Ипель².

На этой территории исторические источники указывают на следы пребывания двух больших народов: кельтов, заселявших когда-то всю западную часть Германии и, вероятно, среднюю и восточную ее часть, и германцев, колыбелью которых была южная Скандинавия, Дания и часть северной Германии между Эльбой и Одером. Отсюда в течение II и I тысячелетий до н. э. германцы распространились с одной стороны к Рейну и за Рейн, вытесняя древние галльские племена в Галлию и Гельвецию, и с другой – заняли Восточную Германию, между Эльбой (Лабой) и Вислой. Ни здесь, ни на западе, между Везером и Рейном, германцы не были аборигенами. Здесь, на востоке, как об этом ясно свидетельствуют данные археологии, до них обитали другие племена, прежде всего большой народ, живший между Заале и Вислой, которому с XII века до н. э. принадлежали поля погребения так называемого лужицкого и силезского типа, народ, происхождение которого неясно, но который, несомненно, не был германским³. Германцы, распространившиеся в течение длительного времени на территории между Эльбой и Одером и через нижний Одер подошедшие к Висле, только в последние столетия до нашей эры заняли остальную Германию, а племена, обитавшие здесь ранее, частью были вытеснены или подчинены, а частью поглощены. В начале нашей эры, когда первые подробные сведения о германцах дошли до Рима, германцы уже

занимали всю Германию, и этим объясняется, почему в римских и греческих источниках вся страна именуется Германией и в качестве ее обитателей называются только германцы⁴, хотя а priori можно утверждать, что под наименованием германцев скрывались и значительные остатки более древних обитателей этих земель.

Судя по сообщениям Гая Юлия Цезаря, Страбона, Плиния, Тацита и Птолемея, восточную, заэльбскую, Германию в начале нашей эры заселяли следующие племена: собственно *свевы* (Suevi, Suebi), обитавшие в I веке до н. э. между реками Веррой, Эльбой и Майном; центр их находился на Эльбе (земля свевских семнонов), откуда позднее они отошли на Майн и дальше, где мы их находим под историческим названием *швабов* (Suabi, Suavi).

Однако в более широком смысле название *свевы* употреблялось и для обозначения ряда других больших племен⁵, принадлежавших к группе свевских племен. Это были *семноны*, обитавшие на Средней Эльбе, в Старой Марке, и под давлением римских войск отступившие в 6 году н. э. в Бранденбург и Лужицы. Затем в источниках о них более не упоминается. Предположение, что древними семнонами являлись позднейшие исторические алеманны, наименование которых в III веке н. э. являлось собирательным для германских племен на верхнем Дунае и Рейне, является не чем иным, как искусственно построенной гипотезой. Что с ними произошло в действительности, мы не знаем.

Другим свевским племенем были *лангобарды*, первоначально обитавшие где-то в Люнебурге, откуда также в 6 году н. э. они перешли на другой берег Эльбы и оказались в державе Маробода. В 167–168 годах отдельные группы лангобардов начали передвигаться к Дунаю, однако основная часть племени еще долго бродила по Восточной и Центральной Европе⁶, пока в 490 году не оказалась в Ругиланде, на Моравском поле, откуда в 526 или 546 году перешла в Паннонию и, наконец, в 568 году в северную Италию, где и образовала новое государство лангобардов.

Севскими племенами были также *квады*, *маркоманны* и *гермундуры*. С Рейна квады пришли в Моравию и Словакию (до 14 года н. э.). Маркоманны в 9–8 годах до н. э. пришли в Чехию, древнюю землю боев (Boiohaetum). После гибели обширного маркоманского государства, основанного Марободом, оба племени оказались на северном берегу Дуная. Весьма вероятно, что с течением времени маркоманны сосредоточились к западу, за Инном, и таким образом положили начало будущим историческим баварцам, в то время как квады, центр которых находился на нижнем Гроне, в результате многочисленных боев на Дунае и новых переселений прекратили свое существование. Гермундуры («Γερμυοχαῖται» у Птолемея) обитали первоначально между Заале и Веррой, где с V века они известны под именем тюрингов. Однако во II веке часть гермундуров отошла к Дунаю. В восточной Германии, помимо части свевских племен, первоначально обитали еще бастарны (Bastarni), которые, однако, уже в период V–III веков до н. э. отошли от Балтийского моря через Вислу и Польшу к нижнему Дунаю на берега Черного моря⁷, после чего их, ослабленных многими битвами, принял император Проб и в 279 году переселил во Фракию.

После ухода бастарнов восточная Германия, в частности области на побережье Балтийского моря, была занята рядом других германских племен. Среди них на первом месте стоят готы, очевидно, древнейшее и наиболее могущественное племя, занявшее побережье Балтики после бастарнов. Отсюда во II веке н. э. часть готов через славянские земли ушла в Дакию, другая же часть – на Днепр и к Черному морю, откуда нападение гуннов в 375 году вынудило их начать поход сначала в Дакию и на Балканы, а затем в Италию и Западную Европу. Наряду с готами в начале нашей эры к западу от Вислы находился еще ряд других германских племен: *гепиды*, которые в III веке отошли в Семиградье и в Венгрию, где они почти исчезли в VII в.; *герулы* (*эрулы*), которые в III веке из северной Германии проникли частью на Рейн, частью – на средний Дунай и даже к Черному морю; *ругии*, обитавшие на

нижнем Одере, но позднее, вероятно в течение III или IV веков н. э., ушедшие на Дунай (Rugiland), в Италию и на Балканы; *вандалы*, первоначально обитавшие за Исполиновыми горами (Крконоши) (ср. Οὐάνδαλικά δρη у Диона Кассия, IV. 1), а уже во II веке и особенно в IV–V веках – на Дунае, в Паннонии, Галлии и Испании; *бургунды*, которые жили сначала на реках Варта и Нотец, а затем в 250 году часть их переместилась к Черному морю, большинство же перешло на Майн и с 406 года на Рейн, откуда в 443 году они перешли в Галлию на Рону; *варинны*, занимавшие в I веке н. э. Мекленбург, а позднее ушедшие на Рейн (примерно с III века), наконец, *силинги*, обитавшие первоначально в Силезии, в окрестностях Вроцлава, а в III веке уже оказавшиеся на Дунае. В начале V века силинги упоминаются одновременно с вандалами в Испании, так что, вероятно, вместе с ними во II или III веках они и ушли с Одера⁸.

Последним большим племенем в восточной Германии были *лугии*, или *лигии*. По тем же данным Тацита (Germ., 43), Страбона (VII.1, 3) и Птолемея (II.11, 10), это большое племя, поселения которого находились на севере чешских и моравских гор, делилось на ряд меньших племен, из которых упоминаются лугии дидуны, лугии буры, гариин, гельветоны (Helvecones), маними, гелисии, наганарвалы⁹. Были ли они действительно германцами, мы не знаем; определенно об этом нигде не говорится, никаких следов их языка не сохранилось, ибо народ, хотя он и был большим («Latissime patet Lugiorum nomen», – пишет Тацит в своей «Germania», а Страбон отмечает: Λοῦ[γ]κτ μέγα ἔθνος), из истории полностью исчез. Нам лишь известно, что отдельные племена его также отделились и воевали на Дунае или на Балканах (ср. буры и лугионес, собственно Lugiones Sarmatae в Дакии на Пейтингеровой карте III века), но уже с IV века о лугиях нет никаких упоминаний. История и происхождение лугиев действительно загадочны, и не удивительно, что в теориях, провозглашавших древнюю Германию славянской, им придавалось столь большое значение. Однако к этому племени, а также к другим племенам, связанным с ним, я еще вернусь в соответствующем месте.

Как видно из предыдущего обзора, германские племена полностью ушли из Восточной Германии во II–III веках н. э., а быть может и раньше. Нет ни одного германского племени, пребывание которого здесь в IV или V веке было бы засвидетельствовано. Это важное обстоятельство в великом переселении народов обязательно следует иметь в виду при изучении судеб и мест расселения соседних славянских племен, современных германцам. С полной уверенностью можно предполагать, что Восточная Германия во II и в III веках быстро опустела и что в IV и V веках в ней уже не было вышеупомянутых германских племен, за исключением незначительных их остатков. Неясна лишь, как я уже указывал, только судьба большого племени лугиев. Неизвестно, осталось ли оно здесь или полностью ушло. Об этом история умалчивает.

Глава XI Продвижение западных славян к Эльбе, Заале и в западную Германию

Вопрос об автохтонности славян

Первые достоверные известия о славянах на Эльбе относятся лишь к VI и VII векам н. э. (см. далее, с. 135).

И раньше и теперь имелось и имеется много исследователей, считавших возможным утверждать, что славяне обитали в Германии уже с самого начала нашей эры, более того, что они находились там испокон веков и их лишь временно поглотила волна германских народов. Можно назвать и таких исследователей, которые полагают, что по крайней мере часть

племен, обычно относимых к германским, является в действительности племенами славянскими. Имеются также и археологи, усматривающие протославянские могилы в группе так называемых полей погребений лужицко-силезского типа, начало которых на Эльбе и Одере можно отнести к концу II тысячелетия до н. э.¹ Однако все эти предположения, являющиеся частью общей теории об автохтонности славян в Центральной Европе, рассмотрению которой я посвящаю специальное дополнение в конце этой книги, либо совершенно неверны, либо, по крайней мере, настолько неубедительны, что в том виде, в каком они по традиции излагаются, их нельзя принять всерьез. Мы можем, как я далее покажу, допустить возможность, даже вероятность наличия славян в Восточной Германии с древнейших времен, но говорить об исторически засвидетельствованном существовании славян в Восточной Германии до VI века мы не можем.

Я лично представляю себе приход славян в Германию совершенно по-иному.

Прежде всего необходимо различать два вопроса: 1) были ли славяне здесь автохтонами до прихода германцев и 2) были ли славянскими исторические народы, заселявшие Германию в период между IV веком до н. э. и V веком н. э.? Это два совершенно различных вопроса, и ни один из них не обусловлен другим. Если же эти вопросы мы поставим отдельно друг от друга, то по вопросу об автохтонности славян в Восточной Германии можно прийти, основываясь на нынешнем уровне науки, к следующему заключению.

1. Вполне возможно, что славяне занимали Восточную Германию еще до прихода германцев, хотя это можно доказывать пока лишь косвенным путем. Германцы сами постепенно, шаг за шагом заселили Восточную Германию лишь в течение первого тысячелетия до нашей эры, и мы теперь точно знаем, что до них там обитал другой народ, оставивший после себя уже упомянутые поля погребений. Кем был этот народ? Предположение берлинского археолога Г. Коссины о том, что это были пришедшие с юга фракийцы или иллирийцы, не обосновано. Только два больших народа могут быть приняты во внимание: кельты – западные соседи и славяне – восточные соседи в Повисленье. В пользу кельтов свидетельствуют остатки кельтской топографической номенклатуры в Чехии, Моравии и даже по всей Польше, но против этого свидетельствуют как исторические, так и археологические данные, не говоря уже о том, что кельтское происхождение многих наименований является сомнительным². Погребения также не носят кельтского характера, обычного для погребений собственно кельтской территории. Таким образом, существование славян в Восточной Германии а priori возможно и даже правдоподобно. Славяне могли быть здесь до прихода германцев, однако после прихода германцев они были частью вытеснены ими, частью покорены, так что в начале нашей эры Германия в глазах римлян уже выглядела как чисто германская. Однако все это только предположения и никак не более. Наконец, необходимо учитывать, что и славянский характер полей погребений не доказан.

2. Равным образом, уже в качестве вывода из приведенного только что тезиса, следует допустить, что и вторая теория автохтонистов, ищущих славян среди засвидетельствованных в истории германских племен, не должна быть отброшена а priori.

Древняя Германия в период между V веком до н. э. и V веком н. э. была слишком далека римлянам, и античный мир не мог быть правильно информирован о ней. Понятие «Германия» возникло как понятие географическое, и поэтому неизвестно, всегда ли эпитет «германский» означал этническую принадлежность к германским племенам и не означал ли он вообще племя, обитавшее в Германии, независимо от его происхождения. Мы знаем, в Германии действительно обитали негерманские народы (галлы-треверы, нервии и котины, литовские эстии), а наиболее видный древний историк Тацит однажды даже осов называет *germanorum pater*, хотя он и знал, что они говорили по-паннонски. В другом же месте он причислил к германцам и бриттов-каледонцев и славян-венедов³. Таким образом, не исклю-

чено, что и другие древние племена, упоминаемые в Германии, не обязательно были германскими и что среди них могли быть и славяне. Речь идет лишь о следующем: можем ли мы это доказать и в отношении каких племен? Приводя такие доказательства, приверженцы теории автохтонности славян слишком часто ошибались, так как подходили к решению этого вопроса методологически совершенно неправильно, опирались на недостоверные сообщения, неправильно прочитанные или малоценные, более того, даже на искаженные редакции рукописей, и к тому же сложные филологические вопросы обычно разрешали, не имея достаточных лингвистических познаний.

Исследователь, который избежит этих ошибок, может допустить указанную выше возможность существования славян в Восточной Германии, однако никогда не должен заходить так далеко, как например А. Шембера, В. Кентжинский и другие, чтобы объявлять славянами племена готов, скиров, герулов, свевов, лангобардов, тюрингов, маркоманнов, квадов, ругиев, вандалов и бургундов, населявших Восточную Германию. Вывод о германском происхождении этих племен бесспорен, так как он доказан и многими неопровержимыми данными исторических источников, и данными лингвистики; даже если в том или ином месте средневековый летописец по незнанию объявлял вандалов предками поляков, а готов – предками хорватов⁴, если наименование «свевы» созвучно наименованию славян, а анонимный географ Баварский по ошибке упомянул их в IX веке там, где в действительности речь идет о славянах⁵, то это ничего не меняет. Из местного наименования «славяне» в начале нашей эры не могла возникнуть форма *слави* (Slavi), а тем более *свевы* или *свебы* (Suevi, Suebi). С этой точки зрения большего внимания заслуживают лишь несколько наименований народов, заселявших Древнюю Германию, хотя я лично не считаю, что это является доказательством их славянского происхождения. Наименование такого народа, как лугии, затем славянизация наименований варинов, ругиев, силингов, корконтон, ракатов и баймов (Baïmoī) ведут нас, правда, в другом направлении и приводят к интересным выводам в пользу существования славян в Восточной Германии.

Основываясь на местоположении поселений лугиев, сходстве наименований, а также на том факте, что у нас нет достаточно полных данных об уходе лугиев, автохтонисты обычно отождествляют древних лугиев с позднейшими славянами *лужичанами* (сербам, заселявшими Верхние и Нижние Лужицы на севере Чехии), выводя обе формы от славянского *луг*, праславянского *лонг* – лес. Однако такое лингвистическое толкование не является правильным. Если бы название лугиев было славянским и происходило от славянского *луг*, то в древний период оно должно было бы звучать как *лунгии* или *лонгии*, так как в тот период (и еще долгое время спустя, вплоть до IX века) слово «луг» включало в себя носовой звук q⁶. Вместе с тем ни один источник не подтверждает, что лугии действительно остались в Германии и продержались там до прихода славян. Все же славянство лугиев полностью отвергать нельзя. В старославянском языке наряду со словом «лонг» существовал еще один корень *лугъ*, означавший болото, трясины, из которого могло произойти наименование *луги*, *лугии*. Латинская форма также имеет аналогии (ср. славянские племена с латинским названием Varnavi, Nevelli, Polabi, Moravi). Нельзя также не признать, что, по крайней мере, еще два названия уже из числа небольших лугийских племен весьма сходны с позднейшими славянскими племенными названиями. Так, Heluetones Тацита, Αἰλουαῖωνες Птолемея сходны по названию с позднейшими славянами-гаволянами, обитавшими на том же месте, на реке Гаволе (первоначально Гавела, Havela, 789 год), а Μουγίλωνες Страбона – со славянами-могилянами (от славянского слова *могила*), называемыми Титмаром в X веке pagus Mogelini, Mogilina urbs неподалеку от Мейсена⁷. Все это, безотносительно к гипотезе археологов о славянском народе полей погребений, самым серьезным образом свидетельствует в пользу славянской принадлежности гелвеонов и мугилонов, а тем самым и лугиев. Однако

эти данные сами по себе все же недостаточны для того, чтобы мы могли вполне определенно считать лугиев славянским народом в Восточной Германии⁸. Остается неизвестной также этническая принадлежность баймов (Βοάμοι), помещаемых Птолемеем в Моравию, в отношении которых можно предположить, что это были славяне-чехи, так как по другим данным ясно видно, что славяне в тот период уже были в Моравии⁹. Хотя приводимое Птолемеем название *корконты* (Κορκοντοί), которое он дает чешским горам, явно связано со славянским названием гор Крконоши, однако свидетельствует оно лишь о том, что славяне, придя к горам, застали там или племя корконтов, или перенятое от них название гор¹⁰. Точно так же название древней *Виндобоны*, несмотря на кажущееся сходство с чешским названием Viden (*Видень*) и названием реки *Ведьня*¹¹, является не славянским, а галльским (Vindos + bona).

Как мы видим, все это еще не дает достаточных оснований считать славянской Восточную Германию времен Тацита или Птолемея или считать славянскими отдельные большие племена, ее заселяющие. Вместе с тем, основываясь на истории этих отдельных племен, ряде древних географических наименований, наконец, новейших представлениях о древней Европе, мы можем прийти к другим выводам, более достоверным и правильным, чем те, к которым исследователи приходили до сих пор.

Из приведенного только что объяснения следует, что, хотя ни одно из племен не может быть названо бесспорно славянским, мы выясняем другое важное для истории славянства обстоятельство: *некоторые древние наименования сходны либо даже тождественны с позднейшими средневековыми славянскими названиями*. Из этого еще нельзя делать вывод, что эти древние наименования обозначали также и славян, но они, во всяком случае, свидетельствуют, что, когда славяне пришли в Германию, здесь еще находился ряд неславянских племен. Только так и можно объяснить сходство славянских и германских племенных наименований: слензы (Slēzy) с германским силинг (Siling), варнавы с варини (Varini), гаволяне с гелветоне (Helveones или Helvetones), руяне с ругии (Rugii), а также славянских географических названий: Крконоши (Κορκοντοί), Есеники (Ἀσκιβοῦργιον ορος), Лаба (Albis), Сала (Σάλας), Видава (Οόιάδουα), Морава (Marus), Хуба (Kamp, Κάμπτον), Калиш (Καλισία). Мы даже можем пойти еще дальше и, в частности, предположить, что славяне в течение длительного времени, очевидно, обитали на одной и той же территории или по соседству с древними племенами, так как при кратковременном общении, а также в случае быстрого ухода древнего племени трудно было бы объяснить, как могли быть переняты и сохранены новым народом старые наименования.

Таким образом, перечисленные примеры сохранения старых наименований свидетельствуют, по меньшей мере, о том, что славяне общались с варинами, ругиями, силингами и гаволянами, по всей вероятности, еще задолго до того, как эти племена ушли из Германии. Хотя эти выводы и не свидетельствуют об автохтонности славян в Германии, но они показывают, что не правы те немецкие исследователи — а таковыми являются почти все они, — которые вместе с Цейсом и Мюлленгофом полагают, что славяне перешли через Вислу и пришли на Одер и Эльбу лишь в V и VI веках, причем некоторые из них относят их приход даже к VII и VIII векам, предпочитая оставить Восточную Германию на длительное время безлюдной, чем допустить в ней существование славян¹². Как указывалось выше, силинги, варини, ругии ушли уже в III веке, но не позднее IV века. В этот период в течение длительного времени совместно с ними должны были обитать славяне, являвшиеся в этих землях либо пришельцами, либо остатками большого народа лугиев. Сходство приведенных наименований является, следовательно, очевидным доказательством того факта, что славяне пришли в Восточную Германию не в VI или VII веке, а значительно ранее, по крайней мере во II или III веке. Нельзя также не считаться со свидетельством Юлия Капитолина, объясняющим, почему во время правления императора Марка Аврелия началось великое движение

среди народов Восточной Германии и почему вандалы, астиинги, лакринги, викуталы, аланы, роксоланы и бастарны стали совершать набеги на Римскую империю. «Pulsae ab superioribus barbaris», – говорит он о них¹³. Речь идет, по-видимому, о давлении славян, которое начало сказываться.

Этот вывод, сделанный на основании данных истории и лингвистики, не связан с вопросом об автохтонности славян в Восточной Германии и о славянском происхождении лугиев. Данные археологии в последнее время также дают все больше свидетельств о более раннем приходе славян в Восточную Германию. Начиная с IV века полностью прекращается развитие археологических культур Восточной Германии, и лучшие скандинавские археологи Монтелиус, Альмгрен и Салин объясняют это влиянием славянской экспансии¹⁴. Таким образом, с точки зрения археологических данных дату этой экспансии мы можем отнести еще до начала IV века, так как она осуществлялась не сразу, а медленно и постепенно. Только так и можно объяснить, почему славяне переняли римскую провинциальную керамику. Если прав А. Соболевский в том, что славяне еще в период существования общеславянского языка переняли общеславянское *сасъ*, *сасинъ* (в результате потери *к*), то это является еще одним лингвистическим доказательством в пользу того, что славяне продвинулись к низовьям Эльбы по крайней мере в начале нашей эры¹⁵.

В целом мои представления о движении славян и их приходе в Древнюю Германию во многом отличны от обычных представлений, существовавших до сих пор. Если мы исходим из того, что родина германцев находилась в Скандинавии, а родина славян за Вислой, то можно а priori с полным основанием утверждать, что славяне в начале первого тысячелетия до нашей эры со своей родины за Вислой продвинулись и в Восточную Германию, как только эта страна освободилась от других арийских древних народов, которые, вероятно, занимали ее еще до первого тысячелетия до нашей эры. Об этом, помимо данных археологии, свидетельствуют и относительная чистота топографической номенклатуры между Одрой и Вислой, а также и то, что германцы переняли название Вислы от славян¹⁶.

До этого момента мы можем серьезно говорить об автохтонности славян в Германии; славяне там были или, по крайней мере, могли там быть до германцев.

Когда же германцы в течение первого тысячелетия постепенно заняли всю Германию, а стало быть, и восточную, то славяне либо были вытеснены ими, либо поглощены, и Германия стала германской. Продвижение германцев не остановилось на границах Восточной Германии и продолжалось далее. Уже между V и III веками до н. э. на восток ушли бастарны и скиры; во II веке до н. э. ушли на юг цимбры, а когда уже в нашу эру, главным образом во II веке, германская экспансия с особенной силой устремилась по другим направлениям, то вся Восточная Германия, за исключением разве только области древних лугиев, в течение II и III веков, а отчасти, вероятно, и IV века опустела. Совершенно очевидно, что славяне не оставались при этом пассивными. Весьма вероятно, что цитированное выше известие Юлия Капитолина («Vita Marci», 14) о северных варварах, теснивших германские племена, касалось именно славян. При отходе германцев древние славянские островки, если таковые там были, снова ожили, и кроме того, двигавшаяся со стороны Вислы волна славянских народов занимала эту область всюду, где она освобождалась от германцев. Приведенные выше, на с. 130, этнографические и географические наименования свидетельствуют, что в ряде мест славяне в течение длительного времени обитали рядом с германцами. Таким образом, славяне находились в Германии по крайней мере уже в III и IV веках, а то и во II веке, и я считаю совершенно неверным вывод немецких ученых, считающих, что славяне существовали в Восточной Германии лишь после того, как она полностью была оставлена германцами или даже еще позднее, в V или VI веке, не говоря уже о тех, кто считает, что славяне были здесь в VII–VIII веках. Славяне, пришедшие в Силезию во II–III веках, переняли название силингов;

пришедшие на север в землю варнов (варинов) и ругиев переняли в тот же период название последних (варнавы, ругианы). Если, как это допускает А. Брюкнер¹⁷, приводимые Птолемеем названия Καλισία, Ασκαυκαλίς являются славянскими, то это подтверждает гипотезу о переходе славянами Вислы в первой половине II века.

Таким образом, славяне достигли Эльбы (Лабы) и Одера (Одры) по крайней мере в III–IV веках. Но, разумеется, верно и то, что первые достоверные упоминания о них, когда они названы своим собственным именем, имеются лишь в 512 году у Прокопия¹⁸. Все германцы известны были у славян под общим названием «немец», по-древнеславянски *немьць*, множественное число *немцы*¹⁹, которое возникло от славянского слова *немь* – *mutus*, то есть чужестранец, речь которого славяне не понимали. Таким образом, это название не является, как предполагают некоторые, производным от имени германского племени неметов, обитавшего на Рейне и никогда не общавшегося с общей массой славян.

Глава XII Продвижение славян в западную Германию

Первым историческим известием о славянах на Эльбе является запись Вибия Секвестра «De fluminibus» (VI век), в которой об Эльбе говорится: «*Albis Suevos a Cervetiis dividit*», так как не может быть сомнения, что *Cerveti* означает здесь наименование *сербского* округа (*pagus*) на правом берегу Эльбы, между Магдебургом и Лужицами, который в позднейших грамотах Оттона I, Оттона II и Генриха II упоминается под термином *Ciervisti*, *Zerbisti*, *Kirvisti*, нынешний Цербст. С этим согласуется и известие Фредегара о существовании в 623–631 годах сербского княжества на Сале и другие его сообщения о вторжениях славян в Тюрингию в 631 и 632 годах, указывающие на то, что в тот период сербы и чехи обитали по соседству с Тюрингией¹. В VIII веке Эйнхард пишет: «*Sala fluvius Thuringos et Sorabos dividit*»², а с конца VIII века источники начинают говорить о них еще чаще и подробнее.

В тот период, а именно в 782 году, началось большое, имевшее мировое значение наступление германцев против славян, которые, перейдя Эльбу, начали угрожать империи Карла Великого. Для того чтобы создать какой-то порядок на востоке, Карл Великий в 805 году создал так называемый *limes Sorabicus*, который должен был стать границей экономических (торговых) связей между германцами и славянами³. Она шла от устья рек Энже и Лорх (древняя *Laugiacum*) по течению Дуная до Регенсбурга, где поворачивала на север через Пфреймд (у Нюрнберга), а затем через Форгайм, Бамберг, Галаштат (точнее неизвестно) пересекала Франконский лес в направлении к нынешнему Эрфурту; отсюда по течению Заале и Эльбы граница шла к Магдебургу, затем Брауншвейгу, к месту, называемому Шезла, более точное местоположение которого также неизвестно⁴, и вплоть до Бардевика на Эльбе. За Бардевиком начиналась другая граница, так называемая *limes Saxoniae*, созданная несколько позднее (в 808 году). «Саксонская граница» шла от реки Дельвенавы (*Delven Au*) к истокам Билены (*Bille*) и вдоль Травны (*Trave*), Плунского озера (*Plonersee*) к месту впадения *Свентины* (*Schwentine*) в Кильскую бухту⁵. Хотя и нельзя сказать, что проведенная подобным образом линия являлась одновременно и точной этнографической границей славянской и германской областей, однако характер этой границы показывает, что она, по крайней мере приблизительно, разделяла территорию заселенности обоих народов. Она показывает нам, как далеко к началу IX века распространились славяне при своем продвижении к Эльбе и за Эльбу и как все, что находилось к востоку от сербской и саксонской границ, было в IX веке бесспорно славянским.

Однако славяне, несмотря на начавшееся с этого времени германское наступление, не остановились и на этой линии. Славяно-немецкая граница в ходе войн, происходивших с IX

по XII век, несомненно, неоднократно менялась, и если я сейчас пытаюсь определить, как далеко проникли славяне в Германию, то тем самым имею в виду не прочно установившуюся в какой-то период границу, а лишь тот предел, до которого славяне в различное время доходили. Его нельзя смешивать с границей, разделявшей действительно немецкие и действительно славянские области. Такая постоянная, с компактным немецким и славянским населением граница всегда проходила дальше к востоку, а отдельные славянские поселения впереди этой границы были лишь временными и находились на территории во всех остальных отношениях немецкой. К тому же принадлежность этих поселений славянам лишь в редких случаях может быть установлена на основании прямых исторических известий. Обычно же только славянский характер имен или круговая форма поселений (так называемые «okrouhlice», немецкие Runddorf), считающихся, как правило, славянскими⁶, указывают на славянскую принадлежность поселения. Однако оба эти признака иногда недостаточны, и более определенно мы можем говорить о славянских поселениях только там, где предполагаемые славянские наименования и славянский тип деревни встречаются сравнительно часто. Поэтому линия западной границы славянства в том виде, как я ее здесь определяю, является во всех случаях лишь приблизительной, и возможно, что дальнейшие исследования несколько ее изменят.

На севере между Эльбой и Балтийским морем славяне первоначально заселяли территорию вплоть до рек Свентины (Schwentine), Травны (Trave), Дельвенавы (Delven Au)⁷, где и позднее сохранились компактные славянские поселения. Однако по топографической номенклатуре мы видим, что в X веке, а главным образом во второй половине XI века славяне проникли еще дальше, вплоть до Эйдера и окрестностей Рендсбурга⁸ и заселили область стурмаров (stormarn) вплоть до Гамбурга и реки Альстера, в общем примерно до линии Киль – Неймюнстер – Альстер – Гамбург. Прудентиус Тройский называет Гамбург «Civitas Sclavorum»⁹.

За Гамбургом славяне перешли на левый берег Эльбы к Люнебургу, где на берегах рек Иесны (Иетцель) и Ильмы (Imenau) поселилось племя древан, остатки которых обитали здесь вплоть до XVIII века¹⁰. Еще и теперь в области Иесны сохранилась память о них в названиях Drawehn (древняя славянская – Дравайна, Drawaina) и Wendland, хотя последний крестьянин по имени Варац, знавший «Отче наш» по-славянски, умер в 1798 году. Граница области, заселенной славянами, по данным исследования Муки, проходила от устья Ильмы (Imenau), пересекала реку Адлеру в нижнем ее течении, затем шла к Бургдорфу южнее Келы, а оттуда через Пейне, Брауншвейг, Гельмштедт к устью Огры (Ohre) (древней Оравы), на юг от которой славянские наименования заметно исчезают¹¹. Когда-то Старая Марка (Altmark) была, вероятно, полностью славянской, но уже с 822 года в ней, а вскоре и в бассейне Оравы появляются наименования немецких поселений. Однако соседняя Тюрингия, между Эльбой, Оравой, Бодою (Bode) и Заале, всегда была слабо заселена славянами.

Области к востоку от Заале были также славянскими. Славяне проникли и на запад от Заале, где их поселения были разбросаны в различных местах, в остальном же эта область оставалась немецкой. О славянских поселениях между Эрфуртом и Заале упоминает грамота Дагоберта III от 706 года¹², другие же свидетельства относятся к 937 и 973 годам. О славянах, обитавших на реке Фульде¹³, упоминается также в индексе монастырского имени в Фульде и Герсфельде VIII века и в «Житии св. Штурма» Эйгилия.¹⁴ Там также встречается большое количество славянских наименований. Область между Унструтою и Випрой (Wipper) в X веке обозначается как «pagus Winidon», а окрестности Заальфельда именуются в XI веке «regio Sclavorum»¹⁵. В 1055 году мы находим славян даже неподалеку от Геттингена¹⁶. Славянская граница, по-видимому, проходила здесь вдоль Заале, у реки Унструты она

отклонялась на запад и шла по течению рек Унструты и Випры, обходила Готу по направлению к среднему течению Верры, затем шла к верховьям Фульды, откуда через Киссинген, Виндсгейм на реке Айш поворачивала к Ансбаху и Регенсбургу. По этой границе, разумеется, расположены были лишь отдельные славянские поселения, в остальном же эта территория была немецкой¹⁷. Компактные славянские поселения в Баварии находились значительно дальше на восток: на верхнем Майне и его притоках Раднице (Rednitz), Пегнице (Pegnitz) и Резату. Эта область в древних грамотах VIII и IX веков снова именуется *terra Sclavorum*, *regio Sclavorum*, а славяне, обитавшие здесь, – *Moi'nwinidi* и *Ratanzwinidi*¹⁸. Уже в IX веке для них было построено 14 костелов, а в 1007 году учреждено специальное епископство в Бамберге: «*ut paganismus Sclavorum destrueretur et christiani nominis memoria perpetualiter inibi Celebris haberetur*»¹⁹. Большая часть населения этого епископства была славянской. На юге славянские поселения прослеживаются по реке Набе до окрестностей Регенсбурга. Чешская область, называвшаяся Тугост²⁰, также протянулась вплоть до баварской реки Хамб, где в XII веке упоминается поселение *Boem-villingen*²¹. Повсюду, где жили славяне, помимо упомянутых исторических свидетельств, до сих пор сохранилось много следов славянской номенклатуры, имен, образованных из славянских слов и имеющих славянские окончания: – *itz*, – *za*, – *wind*, – *winden*. Однако здесь нужно быть осторожным, так как эти окончания не всегда славянского происхождения. Не вызывает сомнения славянское происхождение сложных слов с прилагательным *windisch*. И хотя мы не можем принять все 567 предполагаемых славянских наименований, обнаруженных Е. Маевским у франков²², все же мы должны признать, что количество их бесспорно велико. Но пока еще нет столь эрудированного лингвиста, который смог бы выделить из предполагаемых славянских наименований те названия, которые бесспорно являются славянскими. Существование славян подтверждается здесь как большим количеством сел с характерной славянской планировкой, расположенных к востоку от линии Бамберг – Гайда – Наба, так и данными археологии: имеющиеся здесь повсюду, вплоть до Эрфурта, Готы, Бургленгенфельда на Набе, Ансбаха на Резате и Альтмюля²³, могильники и городища характерны своей славянской керамикой и S-образными височными кольцами. На юге от Дуная славянские поселенцы, пришедшие с севера (чехи и сербы), встречались, как это будет видно дальше, со словенскими поселенцами, приходившими из альпийских земель. В Австрии граница сплошного славянского заселения шла от Дахштейна близ Галыптата, между Мундзее и Аттерзее, по течению реки Травны к Велсу, Кремсу, св. Флориану и Линцу, а на другой стороне Дуная – по течению реки Мюгль. Между Травной и Инном славянские поселения насчитывались лишь единицами, но где-то в южной Баварии упоминается еще *palus magnum Winidowa dictum* (вероятно, озеро Вюрмзее?)²⁴.

Таким образом, имеется действительно много доказательств, указывающих на существование славян в Западной Германии, однако все они относятся лишь к VIII и IX векам и явно связаны с продвижением славян на запад, захватившим, как мы установили, восточную Германию уже в III–IV веках. Поэтому они могут свидетельствовать лишь о существовании славянских колоний, возникших уже позднее, когда волна славянских народов в V и VI веках достигла Эльбы, Заале и Шумавы. Однако такие доказательства не являются и не могут являться свидетельством исконного существования славян в Западной Германии, хотя именно так постоянно истолковывают их некоторые славянские историки, как, например, Кентжинский, Маевский и Богуславский.

Глава XIII Образование отдельных народов западнославянской ветви: сербов, полабов, поморян, чехословаков и поляков

Из родов, объединенных общей территорией и общими интересами, среди славянства, хлынувшего на запад со своей родины на Висле, постепенно стали образовываться отдельные, отличающиеся друг от друга народы. Их, хотя и не в равной мере, отличало многое: места поселения, политические и династические интересы, кровные родовые связи, культурные особенности и, наконец, язык, в котором уже с начала нашей эры, несомненно, начали сказываться областные различия. Эти языковые особенности, отчетливо проявляющиеся начиная с XII века в уже сформировавшихся языках, предоставляют нам единственную возможность восстановить картину первичной дифференциации западнославянской ветви и связать ее с позднейшими исторически засвидетельствованными наименованиями народов.

С течением времени в первоначальной области расселения протославян из восточной и южной части их стала выделяться группа славян, обитавших на западе, главным образом в бассейне Вислы, который мы можем рассматривать как колыбель западнославянской ветви. Среди этой части протославян, с древнейших времен бесспорно находившихся в состоянии медленного, но постоянного движения на Запад, возникают несколько новых диалектных центров, которые, вне всякого сомнения, сохраняли примерно такую же территориальную последовательность и связь, в какой позднее, уже в нашу эру, находились между собой области расселения отдельных западнославянских народов. Прапольский центр оставался на Висле, он менее других оказался захваченным движением с исконных мест расселения; рядом с ним, к юго-западу, находились прачешский и прасербский центры, а к северо-западу и к северу находился центр предков полабских и поморских славян¹. Все эти центры постепенно расширялись по направлению к Эльбе, а затем и за Эльбу.

Основными языковыми признаками этих отдельных родоплеменных групп были следующие.

Чешский, или чехословацкий, язык возник в области, лежавшей на верхнем течении Одера и Эльбы. Ударение в нем закрепилось на первом слоге, исчез носовой звук, но сохранились гласные звуки *ǣ* и *ī*; наряду с краткими сохранились также и долгие гласные, а из праславянских групп *tort*, *tolt*, *tert*, *telt* образовались группы *trat*, *tlat*, *tret*, *tlet*. Образованию словацкого диалекта, несомненно древнего происхождения (засвидетельствован еще в IX и X веках), способствовало то обстоятельство, что большая часть словацкой ветви оказалась в Северной Венгрии, в совершенно иных условиях, чем остальное племя, в условиях, которые, с одной стороны, способствовали сохранению первоначального языка, а с другой – приводили к тому, что перенимались новые фонетические и лексические особенности из соседних южнославянских и даже из венгерского языков. О южнославянском происхождении словацкого диалекта, на чем настаивал С. Чамбел, а после него Б. Цонев, не может быть и речи².

Сербский язык создавался в самом близком соседстве с чешским и поэтому всегда был тесно с ним связан; это нашло свое выражение в том, что в сербском языке также установилось ударение на первом слоге и очень скоро исчез носовой звук; зато образовались группы *trot*, *tlot*, *trét*, *tlet*, как в польском языке, и произошла некоторая замена *г* перед мягкими, а отчасти и твердыми гласными звуками. Очень скоро и этот первоначально единый язык разделился на два больших, сильно отличающихся друг от друга диалекта: южный, или верхний (переходный к чешскому языку), и северный, или нижний (переходный к польскому языку).

Полабский и поморский языки образовались на территории между Гамбургом, Брауншвейгом и низовьями Вислы. В них сохранился носовой звук, образовались группы *tlat*, *tort*,

trit, *trět*, стоящее под ударением о изменилось в *ü*, а ударение, как правило, закрепилось на последнем слоге. В отношении языка поморских славян до сих пор идет спор, относить ли его к польскому языку и рассматривать лишь как диалект польского языка или же причислить к группе самостоятельных языков. Нынешние остатки поморских славян – кашубы и словинцы у озера Лебы – политически связаны с поляками, и большая часть польских лингвистов объединяет их с поляками и в языковом отношении. Однако не менее серьезные доводы приводятся в защиту общности их с древними полабскими славянами и даже самостоятельности их бытия.

Польский язык образовался в бассейне Вислы и характеризуется сохранением носовых звуков групп *trot*, *tlot*, *trět*, *tlet*, потерей количества, а также ударением на предпоследнем слоге. К XII веку польский язык, так же как и чешский, уже сформировался, но уже и в тот период в нем были заметны основы языка тех племен, которые известны античности, и тех диалектов, точную и наглядную картину которых дал в последнее время К. Нитш³.

В соответствии с изложенным здесь развитием западно-славянских языков мы представляем себе пять, а возможно, четыре большие группы народов, к которым относятся: чехословаки, так называемые лужицкие сербы, полабы, поморяне и поляки. Все эти народы в начале своей истории выступают не как единое целое, а делятся на ряд племен. Народа полабов как такового, объединяющего все родственные племена, обитавшие между областью, занимавшейся сербами, и Поморьем, история вообще не знает. С другой стороны, письменные источники, характеризуя эти народы и отдельные их племена, отличая их от немцев, чаще всего используют коллективное название склавы (*Sclavi*), склавены (*Sclaveni*), склавини (*Sclavini*), склавоны (*Sclavoni*) или же, но уже реже, винды (*Windi*), виниды (*Winidi*), венеды (*Wenedi*), винеда (*Winedi*), винады (*Winadi*), по-немецки: *Wenden*, *Winden*, иногда и искаженное *Vinili*, *Vinuli*, *Wandali*, а для территории области, занятой славянами, название Славия (*Sclavia*), Славания (*Sclavania*), Винланд (*Vinland*), Виндланд (*Vindland*) и т. д.

Глава XIV Сербы, полабы, поморяне

Когда франки на Эльбе вошли в более близкое соприкосновение со славянами, то наряду с общим названием *сплавы* с IX века появляются и новые наименования, обозначающие большие этнические области, на которые разделились славянские народы, обитавшие к северу от Чехии, между последней и Балтийским морем. Эти области были следующие: 1) Сербская – на север от Чехии; 2) Ободритская – в нижнем течении Эльбы; 3) Лютицкая или Велетская – по Одеру на восток от Ободритской и 4) Поморская – между Одером, рекою Нотец и Вислой.

Эти области складывались из ряда племен, этнически родственных или объединенных в единый политический союз. В источниках для определения территорий, занимаемых славянами, используются следующие географические термины: *terra*, *provincia*, *regio*; население их называлось *natio*, *populus*, *gens*, *tribus*. Наряду с этими терминами часто используется термин *pagus* в значении племенной единицы меньшего размера, а равно и занимаемой ею территории, а именно – славянского племени или территории, на которой это племя обитало вокруг центрального укрепленного пункта¹. Этот центральный укрепленный пункт носит название *mbs*, *civitas*, в отличие от которого *castrum*, *castellum* означает второстепенный укрепленный пункт, а термины *oppidum*, *suburbium*, *villa* означают неукрепленные поселения, селища. Гей определяет обычный размер древнего сербского округа в 15–20 селищ²; настоящих городов, какими были Юмнета или Волин, было, разумеется, мало и то лишь на севере у Балтийского моря.

Пришедшие сюда славяне находились еще на низкой ступени общественной организации, распадаясь на роды и племена, управлявшиеся вождями. Но с течением времени вокруг наиболее могущественных родов и их вождей образуются большие союзы, складывавшиеся из родственных между собою родов и связанные родственным языком и культом общих богов. Так образовались племена (*natio, gens, populus*), вожди которых обычно именуются в источниках термином *princeps*, реже *dux, regulus, rex* в отличие от вождей меньших родов и племен, именовавшихся *primores, meliores, praestantiores*, и народа, именуемого *vulgus, populus*. Так, славянский титул «князь» (кънезь, от германского *kuning*) засвидетельствован у ободритов (бодричей) уже в 882 году (Ann. S. Canuti, 828; *chnese*). Самые сильные из этих князей, которым удавалось подчинить себе других, более слабых князей, становились великими князьями или королями целых народных групп. Но таких князей в перечисленных выше группах мы встречаем лишь временами; ими были, например, Милидух у сербов («*гех superbus, qui regnabat in Siurbis*», Chron. Moiss., 806) или Драговит в 789 году у велетов, о котором Эйнхард пишет: «*Dragavitus, rex... ceteris Wiltzorum regulis et nobilitate generis et auctori-tate senectutis longe proeminebat*»³.

Однако перечисленные пять больших объединений западных славян образовались не только в результате династических устремлений, так как следует предполагать, что их основу большей частью составляли родственные между собою роды, общий язык и культ, и лишь в отношении некоторых небольших племен, обитавших на окраинах области такого объединения, неясно, которому из них они обязаны своим происхождением. Несомненно, что временами они примыкали то к одной, то к другой группе западных славян.

Сербы

Стремление к образованию прочного политического единства меньше всего проявилось у сербов – самой южной группы западных славян. Хотя в 806 году и упоминается князь Милидух как главный сербский князь, то есть князь, объединивший под своей властью всех остальных, однако явных и длительных результатов его княжение не имело. Источники вовсе не упоминают о сербском единстве, а лишь о ряде сербских племен. Общая территория, общий эпитет «сербский», а главным образом позднейшая их история показывают нам, что эти племена являлись частями единого сербского народа. Поэтому, касаясь и древнего периода, мы можем говорить о сербском народе, хотя отдельные его части никогда и не составляли в течение длительного времени единого целого. До нашего времени наименование сербского народа сохранилось за уцелевшими его частями, хотя в древнее время история называла их не сербами, а лишь лужичанами и миличанами.

Центр сербской территории находился на Заале, там, где между реками Салой и Мультдой обитало собственно сербское племя, к которому и относилось наименование «сербы». На восток отсюда, вплоть до реки Бобры, и на запад до рек Верра, Фульда и Майн и даже за Майн простиралась область, занятая родственными племенами. Во всяком случае несомненно, что при продвижении славян в Баварию (см. выше, с. 138) главную роль играли заальские и майнские сербы и лишь в незначительной степени в нем принимали участие чешские племена⁴. Точную границу области, занятой сербами, составил на основании исторических свидетельств и лингвистического характера топографической номенклатуры лучший знаток сербского языка и этнографии профессор Арношт Мука⁵.

Южной границей области, которую занимали сербы, были Чешские горы. Здесь, между Эльбой, Чешской Липой, Ештедом, Ешленбергом и Яблонцем (*pagus Zagozd*), находились лишь отдельные, проникшие наиболее далеко на юг сербские племена. Отсюда с Езерских гор граница шла по течению рек Гвизды (Квиса) и Бобры до впадения последней в Одер у Кросно; далее она шла по Одери к Вурице (*Aurith*) неподалеку от Франкфурта,

после чего поворачивала на запад через Пшибор (Фюрстенвальде), затем шла через Копьеник (Köpenick), Сосны (Zossen), к Дубне (Dahme) и к Заале у места впадения ее в Эльбу; далее линия границы тянулась через Коблоу (Cable), Ашер-слебен, Нордгаузен к верховьям реки Унструты, затем к верховьям Фульды и через Киссинген, Горицу на франкскую Заале, Виндсгейм, Холмберг, Виндсгофен – до реки Вранице и дальше по течению этой реки до впадения ее в Дунай. Отсюда граница, как определяет ее Мука, идет на реку Ржезен (Regen) и обратно к Судетским горам.

Центральное положение на этой территории занимало племя сербов (в источниках обычно *Surbī, Siurbī, Sorabī, Surabī*), обитавшее первоначально на Мульде. Уже в 782 году к сербам причисляли все племена между Заале и Эльбой.⁶ Но и об этой территории источники говорят не как о едином целом, а указывают, что ее заселял ряд племен и родов. Собственно, и далеминцы долгое время, вплоть до IX века, различались как особое племя. Центром их являлась область, называвшаяся Сербиште (по-латински *Cervisti*, ср. выше, на с. 135, *Cervetii* у Вибия Секвестра), находившаяся на правой стороне Эльбы у окрестностей нынешнего Цербста (сербский Сербиште) в Ангальте. Рядом с этой областью в источниках упоминается еще область *Плони*, однако неясно, являлась ли она сербской или уже лютицкой. На другом берегу Эльбы, между Заале и низовьями Мульды, лежала область, называвшаяся *Жирмунты*⁷, рядом с которой или внутри этой же области обитали *коледичи* и *житичи*; на юге от жирмунтов находились *нелетичи* и *ну дичи*, укрепленный центр которых Витин (Wettin) стоял на Заале. На север от нелетичей жили *сисли* (*Siusli*); между низовьями Мульды и рекой Черный Эльстер обитали *нижичи*; между средним течением Салы и Мульдой, вплоть до ее притока Каменица – *худичи* или *шкудичи*⁸.

Их укрепленный центр, называвшийся Зуенкова (Zwenkau), стоял на реке Эльстер. В углу, образуемом верхним течением Заале, Мульдой и Крушными горами (Крушне-Гори), источники упоминают несколько уже меньших племен: вета, тухурины, понзовы с укрепленным центром Жич (Zeitz), струпеницы, геры, бринсинги, плисны на реке Плисне (Pleisse), звики, добны, нацги, орлы. Всех их источники включают в сербскую область: *prov. Sarove* (801), *pagus Zurba* (1040), *prov. Swurbelant* (1136).

Большим племенем, обитавшим к востоку от Мульды, были *далеминцы*, в источниках X и XI веков именуемые также *гломачи* и *нишане* (нижане). Далеминцы занимали область, простиравшуюся на восток от Мульды и Каменица к Стреле (Strehle), на Эльбу и за Эльбу к реке Пользницы (Pulsnitz). Нишане обитали по обоим берегам Эльбы, между далеминцами и горами. Нишанам или мильчанам принадлежала и сербская область *Загозд*, тянувшаяся до северной Чехии (см. с. 147). Среди укрепленных пунктов далеминцев находился и древний Мейсен (*Missna, Meissen*), а также *urbs* Могилина, Могелини (нынешний Мюгельн), о котором см. упоминание на с. 129. Причины перемены названия далеминцев на гломачей загадочны. Возможно, что на территории древних далеминцев уже позднее на первый план выдвинулись гломачи, и поэтому старое название было заменено новым. А. Брюкнер отождествляет оба наименования, так как полагает, что первое наименование является лишь немецким обозначением этого племени.

Остальная часть области, занятой сербами, находившаяся между Эльбой и Боброй, была заселена лишь двумя большими племенами: лужичанами и мильчанами. Мильчане обитали к западу от Гвизды вплоть до Мейсена на Эльбе, а на севере – до границы между нынешними Верхними и Нижними Лужицами⁹. С XI века от города Будышина (Bautzen) перешло название *pagus Budesin, terra, promncia Budesinensis*. Другим укрепленным пунктом был *Згоржелец* (*Görlitz*). *Лужичане* (*Lusici* – первоначально в их наименовании имелся носовой звук и оно произносилось *Lunsici*, позднее, с XIII века, – *Lusatia pagus*) сначала заселяли лишь собственно Лужицы, между Пользницей, Черным Эльстером и низовьями реки

Бобры вплоть до Загани (*Žagań*). Границу, отделявшую лужичан от лютицких племен, мы уже определили выше. К лужичанам, по-видимому, следует отнести и племена *требовян* (у Ротенбурга?), *жаровян*, обитавших в окрестностях Жарова (Жары), у впадения реки Гвизды в Бобру, и *слублян*, обитавших на реке Слубе, между Шпрее и Одером. Остается неизвестным, где обитало упоминаемое в IX веке географом Баварским племя под названием *Lupiglaa* и к какой группе племен его следует отнести.

Ободриты (бодричи), лютичи и поморяне

Славяне, обитавшие к северу от территории, заселенной сербами, образовали область, которая если и не составляла единого целого с сербской областью, то во всяком случае была в значительной степени родственной как сербам, так и полякам. Славянская лингвистика пока еще не достигла такого уровня, чтобы внутри этой области, помимо уже упомянутого Поморья, суметь выделить отдельные мелкие языковые области и племена. Поэтому мы вынуждены пользоваться лишь историческими данными, которые указывают на ряд славянских родов и племен, заселяющих эту территорию и временами объединяющихся в большие политические союзы – ободритов, лютичей, поморян, – связанные, по-видимому, и близким родством отдельных племен. Впрочем, эти союзы не имели прочных границ, так как источники относят некоторые пограничные племена то к одному, то к другому союзу, а иногда и вообще ставят их вне союза. Поэтому историки сильно расходятся во мнениях, какие племена следует включить в состав той или иной названной группы. Вместе с тем совершенно очевидно, что в союз ободритов, существовавший уже с конца VIII века, входили определенные племена – собственно ободриты, вагры и полабяне, в лютицкий союз – хижане, черепяне, доленцы и ратары и в поморский – собственно поморяне, обитавшие между нижним течением Вислы и Одера, и ряд племен, заселявших острова и левый берег нижнего течения Одера¹⁰.

Ободриты уже при Карле Великом и Людовике возглавлялись одним князем и образовывали союз, состоявший первоначально из племен, находившихся между собой в близком родстве. Однако позднее этот союз распался, и наряду с собственно ободричами некоторое время самостоятельно существовали и другие племена, пока в середине XI века их снова не объединили, создав такой же сильный союз, князя Готшалк, Крутой и Генрих. В состав ободрицкого союза входили следующие племена: собственно ободриты, которых источники обычно называют *Abotriti*, *Obotriti* (*Obodriti*). Жили они на побережье от Любекского залива и Ратиборского озера до низовьев Варны, где находился укрепленный центр ободритов Вурле (*Werle*); на юге реку Эльду они не переходили. Главным центром ободричей были укрепленный пункт Велеград (в источниках *Miklinburg*), Вурле на Варне, Зверин (Шверин) и Висмар (*Wissemir*). Часть ободритов по укрепленному пункту Рериг, недалеко от Висмара, именовалась *перегами*. Толкование наименования ободритов представляет трудности, и происхождение его неясно. Скорее всего это патронимикон – потомки Ободра¹¹.

Варны (*Vamavi*, *Vamabi*) – племя, обитавшее к востоку от ободритов на реке Варне; так же, как и ободриты, они не заходили на юг дальше реки Эльды и Плавского (*Plauer See*) и Мюрицкого (*Mtiritz*) озер. На западе от ободритов сидели вагры и полабяне. *Вагры* (*Wagri*, *Wagiri*) занимали большую часть Голштинии: занимаемая ими территория простиралась от моря и Травны вплоть до Эдгоры (*Eider*), к Неймюнстеру и к Сегебергу. Далее шли лишь отдельные поселения, тянувшиеся вплоть до линии Рендсбург – Эльсмгорн. Остров Фемарн (*Fehmarn*) также занимали вагры. Еще в XII веке источники упоминают на земле вагров ряд округов (*pagus*), среди которых *Суселци* (*Susie*) и округ Плун, центром которого являлось сильно укрепленное поселение (нынешний *Plön*). Однако главным укрепленным пунктом вагров был Старгард-Адленбург, нынешний Ольденбург в Голштинии.

Полабы (Polabi) жили по течению Лабы, откуда и их название, являвшееся, по-видимому, собирательным для ряда мелких племен, к которым принадлежали *смолинцы (Smeldingi)*, обитавшие у устья Эльды, *ветниччи*, или *бетенчи*¹², и племя, населявшее округ Mintga; оба последних племени обитали рядом с линиями.

Неясно, к ободритам или лютичам следует отнести большое племя *древан*, занимавших левый берег Эльбы вплоть до линии Гамбург – Целле – Брауншвейг – Гельмштедт – Магдебург. В центре земли древан протекала река Иесна (нынешняя Иетцель), на которой остатки славянского населения удержались наиболее долго, вплоть до середины XVIII века (см. с. 158). Древнее имя Drawaina (Dravehn) сохранилось до сих пор в области между Люховом (Luchow) и Олыпной (Uelzen). В остальном же источники упоминают племя древан только один раз – в грамоте Генриха II от 1004 года (*Drevani*).

Велеты, или лютичи. Велеты были сильным племенем, следы которого мы, по всей вероятности, находим уже во II веке у Птолемея под названием Ουέλται (III.5.10). Правда, они на его карте помещены значительно дальше к востоку, где-то за Вислой, на прусском побережье; это объясняется тем, что либо Птолемей был плохо информирован о местности за Вислой, либо – и это наиболее вероятно – велеты в доптолемеевский период обитали еще дальше на восток и в новые области на Эльбе, где о них уже говорят документальные источники, попали позднее, когда началось общее продвижение славян на запад и когда германцы во II–IV веках покинули восточную Германию.

В IX–XI веках велетами (Veiti, Veleti, Veletabi) называлась главным образом группа из четырех племен, обитавших между областью ободритов и Одером. Это были хижане, черепяне, доленчане и ратары, союз которых характеризовался прежде всего общим культом богов и общим храмом в исстари известной Ретре. Наименование *Velti*, видимо, связано со славянским корнем *Vel – magnus* (см. русское *волот*), но некоторые полагают, что оно не славянское и дано не славянами. Однако одновременно с этим названием в источниках появляются и другие, явно являющиеся синонимом приведенного наименования¹³, например, *вилъцы*, то есть *волки* (древнеславянское *вльк*, польское *wilk*, множественное число *witci*), или же *Lutici*, то есть потомки Люта (от древнеславянского *лють* – жестокий). Черты национального характера велетов, по крайней мере в той степени, в которой они известны нам по историческим памятникам, действительно совпадают с этими эпитетами.

Велеты всегда характеризуются источниками как самый мужественный и самый воинственный славянский народ¹⁴, и этой характеристике они обязаны прежде всего проводившейся ими с VIII по XII век упорной борьбе против германского господства и насаждения среди них христианства. Ни один славянский народ не вел в то время такой упорной, ожесточенной борьбы с немцами. Отсюда и возник эпитет *Vilci* (волки), *Lutici* (лютичи), поэтому они упоминаются чаще других и поэтому наименование «вельт» проникло и в скандинавские саги, и в русские былины, в которых народная традиция сохранила его в значении великана¹⁵.

Если учесть роль, которую в XI и XII веках играли эти славянские племена на Балтийском море, то весьма вероятно, что колонии велетов могли проникнуть и в более отдаленные страны, как, например, в Голландию, где о них, например, напоминает *Beda*¹⁶ oppidum Wiltorum неподалеку от Утрехта. Однако одно лишь сходство наименований при отсутствии других данных еще недостаточно для того, чтобы сделать такой вывод. В еще большей степени это относится к отзвукам наименования вельтов, встречающимся в Англии¹⁷.

Из четырех главных племен, образовавших союз велетов, на первом месте были *ратары, ретряне* (в написании их наименования источники значительно расходятся), князь которых являлся великим князем всех лютичей. Обитали они вокруг города, первоначально называвшегося *Ридегост (Riedigost)*¹⁸, позднее *Ремпа*¹⁹, в котором находился известный

храм бога Сварожича Радогоста с оракулом, куда славяне отовсюду совершали паломничество. Адам Бременский называет *Petrus Civitas vulgatissima, sedes ydololatriae*, в другом месте он же пишет «*metropolis Sclavorum*»²⁰. Ретра была уничтожена Лотарем примерно в 1127 году. Где она находилась, установить до сих пор не удалось, несмотря на усиленные поиски немецких археологов. Обычно полагают, что она находилась либо у Нойстрелица либо у озер Мюрицерзее – Толлензее (Долензее)²¹. Где-то здесь, среди болот и трясин этого края, и обитали ратары.

Ближайшими соседями ратарей были *доленцы, доленчане (Tolensani, область Dolenz)*, область заселения которых простиралась на север к реке Пене и на юг к девственному лесу между Доленским озером и рекой Укрой. Дальше жили *черезпеняне (Cirzipani)*, называвшиеся так потому, что, как это правильно объясняли уже Адам Бременский и Гельмольд, они обитали за рекой Пенной (Реепе) (*через* – древнеславянское *чрезъ*). От доленчан и ратарей их отделяла река Пена, на севере же они доходили до укрепленного пункта Бурле на Варне. Главными укрепленными пунктами черезпенян были Дымин (*Demmiri*), Велигост (*Velgast*) и Гоцков (*Gutzkow*). Позднее в Цирципанию включалась и *prov. Tribucensis* на реке Требел, а также Барта, находившаяся на побережье, напротив острова Руяна. Между черезпенянами, ободритами и варнами на побережье обитало четвертое лютицкое племя кычины, или хижане, название которых произошло от славянского *хыжь* (рыбацкая хижина; это слово перешло в немецкий язык в форме *Kietz, Kietzin*)²².

Помимо только что перечисленных четырех основных лютицких племен, источники называют по соседству с ними еще ряд родов и племен, принадлежность которых нам неизвестна. Все же, учитывая местоположение их поселений и сравнивая с установленными Мукой границами сербского народа, их также можно считать частью племени лютичей или по крайней мере наиболее близкими им племенами. К ним относятся *моричане (Morizi)*, обитавшие между Мюрицким и Доленским озерами, и другие (*моричане – Morezini*), обитавшие на Эльбе против Магдебурга, рядом с областями Србиште и Плони. Дальше на реке Гавола помещались два сильных племени: *брижане (Brizani)* – в области, называемой теперь Пригнитц, с городом Гасельберг, и *стодоряне (Stoderane)*, именовавшиеся также *гаволянами (Hevelli, Heveldi)*, городами которых были и Бранибор (Brennaburg, Brandenburg) и Поступим (Потсдам), упоминающийся уже в 993 году²³. Частью брижан, по-видимому, был небольшой округ *Нелетичи (Nieletici)* между рекой Степенице (Stepenitz) и Доссою (Dosse), а также, вероятно, и племя *линяне*, или *глиняне* (латинское написание этого названия здесь искажено: *Linones, Lini, Liuni, Lingones, Linages* и т. д.), занимавшие правый берег Эльбы за лабами и рядом с варнами, вплоть до реки Степенице. К более мелким племенам, перечисленным в императорских и папских грамотах, относятся также *лисичи* у Эльбы, *семичи* у реки Струмени (Струмы), *минтга* рядом с глинянами, *дассиа (Dassia)*, или *доксаны*, у города Висока (Wittstock), *любушане* у Любуша (Lebus) на Одере, *шпреяне* по среднему течению Шпрее и *плоне* в окрестностях Бельцига. Все они были ближе к лютичам, чем к сербам.

Вместе с тем неясно, лютицкими или, может быть, поморскими были племена, заселявшие угол между нижним течением Одера и реками Пена и Доленца, по которому протекала река Укра (Uecker). Адам Бременский и Гельмольд считают границей лютичей Одер и поэтому упоминают эти племена вместе с лютичами. Это были прежде всего *украине (Ucrani, Ucri)*, обитавшие вдоль течения реки Укры, а рядом с ними находились и другие, уже более мелкие племена и населенные ими округа: *печане (Riezani)*, *плоты (Ploth)*, *хорицы, мезиречи (Mezirech)*, *грозвины, ванзлы, востроги (Wostroze)*. Все их поселения располагались между нижним течением Одера, верховьями Гаволы и рекой Пенной²⁴.

Особую и чрезвычайно важную с исторической точки зрения группу образовывали также племена, населявшие острова, расположенные в заливе, образуемом Одером: Узноим,

Волин и Руяна. В отношении этих племен также трудно определить, принадлежали ли они к лютичам или к поморянам.

Наиболее известными из них были обитатели острова Рюгена (Руяны или Раны), по которому их называли *руянами* (*Rugiani*), а позднее – обычно *ранами*. В древний период о них ничего не было известно, но с середины XI века они выступают на первый план. Адам Бременский (IV.18) называет их «gens fortissima Sclavorum», а Гельмольд (1.36) к этому добавляет «Sunt autem Rani populi crudeles, ydololatriae supra modum dediti, primatum preferentes in omni Slavo-rum natione»²⁵.

Это могущество и славу руяне приобрели благодаря святилищу главнейшего из славянских богов – Арконского Святовита со знаменитым оракулом, в которое стекались богатства со всех славянских земель. Кроме того, руяне славились многочисленными пиратскими экспедициями, добыча от которых также сосредоточивалась в укрепленном городе руян, называвшемся Аркона. Когда же в 1168 году после многих сражений датчане разрушили Аркону, то вместе с ней навсегда пала мощь и слава всей Руяны, и теперь только развалины мощных валов в самой северной оконечности острова, рядом с поселком Путтгартен, указывают место, где стояла Аркона и знаменитый храм Святовита²⁶.

По сравнению с руянами обитатели острова Узноима никогда не играли заметной роли. Не достигли мощи и известности руян и обитатели Волина, хотя об их главном городе, называемом в источниках «Волин», немцами *Winetha*, а одновременно и *Julin, Jumne, Jumnet*²⁷, Адам Бременский (11.19) пишет как о крупнейшем славянском городе, полном богатств и являвшемся местожительством многих иностранцев²⁸.

Поморяне. Поморяне, как выше уже указывалось, хотя и составляли вместе с поляками одну родственную языковую группу, так называемую ляхскую, однако имеется достаточно оснований предполагать, что они были особым племенем, отличавшимся как от лютичей и ободритов, так и от поляков²⁹, образуя, таким образом, переходную ступень (или группу) от одних к другим. Свое название, как верно объяснил уже Герборд³⁰, они получили оттого, что заселяли побережье моря, и память об этом сохранилась и по сегодняшний день, отложившись в немецком *Pommern*.

Поморянами сначала называли славян, занимавших территорию к востоку от Одера и до границы области пруссов, находившейся в X веке между реками Дзерзгони и Пасаргой (*Pasłęka*). Границы этой области пруссы перешли лишь в XII или XIII веке, завоевав так называемую Помезанию, расположенную между Вислой и Дрвенцой. На юге границей между поморской и польской областями были реки Варта и Нотец, но это лишь по названию, так как действительной границей был обширный непроходимый девственный лес³¹. Лишь по нижнему течению Вислы поляки продвигались в области Коцева (*Kociewie*) и Хельмно (*Chełmska*), а вскоре они стали продвигаться и к морю. На западе граница сначала проходила по Одру, но позднее, после распада лютицкого союза, поморяне подчинили себе часть земель и на левом берегу Одера.

Хотя поморяне, несомненно, не были единым племенем, древняя история этих областей не называет среди них отдельных родов или племен. Только Герборд (1.2), писавший «*Varii Pomeranorum populi*»³², а также остатки поморян, сохранившиеся по сей день на западе от дельты Вислы, свидетельствуют о двух, значительно отличавшихся друг от друга племенах, которыми являлись: *кашубы*, занимавшие область от устья Вислы до Жарновского озера, простиравшуюся до линии Бытов, Ленборк, Мясцо (*Starsen*), Ферстново, Камень, и *словинцы* (*Stovinc*, по-польски *Ślowienec*), помещавшиеся у Лебского озера. Все вместе они насчитывают сейчас не свыше 200 тысяч человек. Кашубы засвидетельствованы уже в X веке в записях Масуди, так как его упоминание о славянском племени под именем *Kuhšābīn*

не может относиться к другому племени. Однако это единственное поморское племя, упоминаемое в древний период.

Среди многочисленных укрепленных пунктов, известных по «Житию св. Оттона» епископа Бамбергского, проповедовавшего здесь христианство в 1124–1128 годах, главным был укрепленный пункт и город *Щетин* (*Stetin, Stetina*), окруженный водой и поэтому неприступный. «Civitas antiquissima et nobilissima in terra Pomeranorum, materque civitatum», – писал о нем Герборд (2.5, 25, 32, 40, 3.13).

За исключением упомянутых остатков поморян (кашубов и словинцев) и сербов (лужичан), вся огромная полабско-балтийская ветвь западных славян прекратила свое существование в войнах, которые вели против них немцы, начиная с Карла Великого и до XII века, то есть в войнах, продолжавшихся почти 400 лет. Лютичи, а также ободриты были уничтожены полностью; остатки древян прекратили свое существование в XVIII веке, а остатки лужицких сербов и поморян были слишком незначительны, чтобы без посторонней помощи сохранить свою народность³³.

Славяне потерпели поражение потому, что, несмотря на всю их силу и многочисленность, борьба с немцами велась в неравных условиях. Большому объединенному германскому государству, пользовавшемуся полной поддержкой католической церкви, противостояли славяне, раздробленные на ряд *небольших племен и племенных объединений*. Им никогда не удавалось объединиться и создать против немцев единый союз, более того, они чаще объединялись с немцами в борьбе друг с другом: иногда ободриты выступали вместе с немцами против лютичей, к которым они издавна питали вражду, иногда, наоборот, лютичи шли вместе с немцами против ободритов. Помогали немцам также и чехи. Но замечательные победы, иногда очень значительные и вначале многообещающие, какими, например, были восстание лютичей и ободритов в 983 году или сражение на Гаволе в 1056 году, оказывались безрезультатными. Напрасны были также и попытки создания крупных славянских государств, предпринимавшиеся польским королем Болеславом Храбрым (992–1025), а затем ободрицким князем Готшалком (1043–1066) и руянским князем Крутым (1066–1105), а также сыном Готшалка Генрихом (ум. в 1119 году). Около 1127 года пала знаменитая Ретра, а в 1168 году – еще более знаменитая Аркона; в 1177 году был сожжен Волин, а со второй половины XII века мы находим полабско-балтийских славян, в том числе и поморян, уже в немецком подданстве. Это означало для них не только утрату политической свободы, своей веры и культуры, но и своей народности, так как тот, кто не был уничтожен, стал подвергаться усиленной германизации, закреплявшейся обратной колонизацией немцами тех областей, в которых они когда-то обитали в начале нашей эры.

Однако изложение хода этой колонизации уже не входит в задачи настоящей книги.

Глава XV Чехи и словаки

Народ, положивший начало будущим чехам и словакам, пришел на свои исторические земли с севера, из-за Одера и Вислы, где некогда находилась его прародина. У нас нет оснований предполагать, что он мог прийти каким-либо другим путем, и постоянно возникающие теории о том, что чехов в конце VI века привели с юго-востока авары, не имеют под собой никакой почвы. Не подкреплена данными лингвистики и теория С. Чамбела¹, согласно которой словаки во всяком случае пришли с юго-востока и представляли собой отделившуюся ветвь южных славян. С исторической же точки зрения это вообще неверно. Словаки, наиболее близкое чехам западнославянское племя, образовали вместе с чехами еще в начале нашей эры единый чехословацкий народ, который, придя с севера через горы, занял одновременно как Чехию и Моравию, так и северо-западную часть позднейшей Венгрии.

И только здесь, на этих новых местах поселения, произошло языковое, культурное и политическое разделение народа на две части; только здесь отделенная горным хребтом Малых Карпат западная часть этого народа была в течение долгого времени предоставлена иным судьбам, чем те, которые постигли его восточную часть; только здесь под влиянием новых условий, а главным образом в результате тысячелетнего господства венгерских королей над словацким народом, в результате венгерского ига образовался народ, который, признавая свое общее происхождение с чехами, стал все же считать себя особым от них народом. Только ликвидация старых политических отношений дала возможность восстановить в 1918 году то, что являлось естественным состоянием обеих частей, и объединить их в едином государстве в единый чехословацкий народ.

Впрочем, чехословаки после прихода на новую родину распадались в рамках одного большого племени на ряд мелких племен, которые лишь в ходе исторического развития образовали, с одной стороны, чешский и, с другой, словацкий народы. Об этой древней дифференциации свидетельствуют даже современное состояние языка и этнический состав чешского и словацкого народов. Мы можем отметить значительное разнообразие диалектов, а также культурные, физические и психологические различия², уходящие своими корнями в далекое прошлое. Так, например, внутри чешского народа выделяется чешская область в более узком смысле этого слова – хотя и здесь имеются значительно отличающиеся друг от друга локальные районы, как Крконоши, Табор, Шумава (племя ходов) и др., – и племена ганаков, валахов, ляхов и словаков в Моравии, всегда отличавшиеся друг от друга в языке, культуре и характере. Значительные местные различия имеются и в Словакии, входившей в состав Венгрии, даже если оставить в стороне Восточную Словакию, в отношении которой не ясно, не является ли ее население словакизированным русским элементом³. Однако наряду с этими племенами, происхождение которых можно отнести к глубокой древности, мы располагаем и древними историческими свидетельствами о существовании, в частности в Чехии, ряда небольших племен.

Ряд известий, относящихся к IX и X векам, постоянно свидетельствует не о чешском князе, а о ряде славянских князей в древнем Бойохеме⁴; затем в ряде старых легенд и летописных известий X-XI веков также рассказывается о междоусобной борьбе отдельных племен и князей⁵; об этом же имеются некоторые данные у Масуди⁶, и, наконец, еще один важный документ – учредительная грамота Пражского епископства от 1086 года, подтверждающая старые привилегии 973 года⁷, упоминает при этом ряд мелких и больших чешских и силезских племен, обитавших в X веке на северной границе, рядом с сербами и поляками. Чешскими племенами были следующие⁸: *тугост* на реке Хубе, на пути из Домажлиц в Баварию; *седличане* (*Zedeza*) – у замка Седлец, возле Карловых Вар; *лучане* (*Lusane*) на среднем течении р. Огры; *дечане* (*Dazana*) – на Эльбе у Дечина; *литомерицы* (*Liutomerici*) – у устья Огры; *лемузы* – на реке Билене, а, вероятно, также и на правом берегу Эльбы; *пишоване* (*Pssouane*) – от Мельника между Эльбой и Изером; *хорваты* – по обе стороны Орлицких гор (*Chrouati et altera Chrouati*). Далее за горами в Силезии и по соседству с сербскими миличианами к ним примыкали еще *слезане* (*Zlasane*), *требовяне* (*Trebouane*), *бобране* (*Poborane*) и *дедошицы* (*Dedosize*). К перечисленным чешским племенам, по данным других источников, можно отнести также упоминаемые у Козьмы Пражского (1.10) *Populus Bilina*; последние были, вероятно, тождественны названным выше лемузам; затем *зличан*, обитавших в среднем Полабье до Орлицких гор и Литомышля⁹, *дудлебов* – на юге Чехии (у Масуди – *Diilaba*), *голацицы* – в районе Опавы (у географа Баварского *Golensici*) и, наконец, собственно *чехов* – в центре страны, известных главным образом по летописи Козьмы Пражского. Центром чехов стала Прага, которую впервые описал в X веке Ибрагим ибн Якуб.

Сильнейшими из названных чешских племен были лучане, зличане и чехи, о которых сохранилось наибольшее количество известий относительно их междоусобной борьбы. Эта борьба шла по всей земле за власть над другими племенами. В конечном счете главенства над другими племенами добились в IX–X веках чехи. Чешский князь объединил и надолго подчинил себе всю чешскую землю, а позднее и Моравию, объединил воедино отдельные племена.

Так образовался чешский народ – разумеется, без венгерских словаков, которые с XI века входили в состав Венгрии. Только часть словаков, обитавших в Моравии (так называемые моравские словаки), уже тогда составила единое целое с чешским народом. Племя чехов передало всему чешскому народу и свое имя – *чехи*¹⁰, которое старые латинские источники уже в конце XIII века переводят как *Bohemi*, *Boemi*. Из этого видно, что соседи чехов считали славянские племена в Бойохеме (Богемия), осевшие там уже в VIII веке, единой родственной группой, хотя в тот период они еще не были объединены в единый народ.

Точно так же в тот же период распространяется наименование *мораване* (по-латински сначала *Marahenses*, *Margi*, *Marahi*, *Maravi*, *Marvani*, позднее, с XI века, *Moravi*) для обозначения союзов мелких моравских племен, объединившихся, видимо, раньше, чем в Чехии, на территории, по которой протекала река Морава, вокруг большого центрального укрепленного пункта, к которому относится сообщение Фульдских летописей 869 года «*ineffabilis Rastizi muni-tio*». Был ли это загадочный и до сих пор не установленный Велеград – вопрос спорный¹¹. К мораванам, образовавшим в IX веке большую державу, первоначально были присоединены и словаки в Северной Венгрии (княжество в Нитре) и в Паннонии (княжество у Блатна). В том, что словаки в VIII и IX веках уже были в Венгрии, нет никаких сомнений; поэтому совершенно неверны утверждения венгерских историков, что словаки являлись элементом, пришедшим в страну уже после того, как она была занята мадьярами, – утверждения, повторяющиеся вплоть до последнего времени с целью обосновать фальсифицированными доводами историческое право венгров на эту территорию. Большой могильник IX–X веков у Пилины (*Piliny*) в Новограде является словацким.

Границы древней чехословацкой земли точно не известны. На западе чехи отдельными группами проникли через Шумаву в Баварию (см. выше, с. 138–139); на севере примерной границей были горы (с. 147) (вплоть до сербского округа Загозд в Чехии) и район Опавы в Силезии. Область у Немчи (*Niemcze*) уже была польской. До какого пункта первоначально доходили словаки на востоке, мы не знаем, вероятно, до больших девственных Гемерско-спишских лесов или по крайней мере до низовьев Грона¹², где они уже смешивались с южными славянами, а позднее и с мадьярами. Пешт на Муране свидетельствует о присутствии болгар. На юге словацкий элемент проник до Паннонии, вплоть до озера Блатна (Балатон), чешский же местами доходил до Дуная, о чем нам известно по Пассауской грамоте 987 года, приводимой Эйхардом, и другим свидетельствам, например по древней топонимике этой области¹³. Помимо этого, именно по топографической номенклатуре видно, что и южнее, между Литавой и Энсом, далеко в Альпах обитал народ, язык которого являлся переходным от чешского к собственно словинскому¹⁴. На западе, в Баварии, река Мюгль была примерной границей, до которой доходил чешский элемент. Однако уже с IX века новый поток немецких колонистов из Баварии начал германизировать Подунавье, причем с такой силой, что славяне удержались здесь лишь местами и только до XII века¹⁵.

Глава XVI Поляки

О первоначальном развитии и судьбах польского народа нам известно значительно меньше, так как источники начинают подробно говорить о поляках только с IX века. Отно-

шение польского языка к другим славянским языкам ясно свидетельствует о том, что поляки принадлежали к западной ветви славянства и издавна являлись соседями поморян, велетов, сербов и чехов, а все это, равно как и их исторические места поселения, неопровержимо доказывает, что они издавна обитали там же, где и позднее, и что они в меньшей степени, чем другие вышеупомянутые народы, продвинулись со своей прародины между Вартой и Западным Бугом. Но и поляки с самого начала не были единым и таким большим народом, каким они позднее выступили в истории. И здесь первоначально обитала лишь группа небольших родов и родственных племен, о которых история оставила нам несколько неясных известий и следы которых проявляются еще в существующем и поныне разнообразии диалектов польского языка и в различном характере культур отдельных польских областей. Так же, как и в соседней Чехии, здесь усилилось одно из древних племен, которое подчинило себе другие, объединило их и дало свое имя всему вновь созданному объединению.

Однако о подробностях этого исторического процесса нам известно немного.

Что касается древней племенной дифференциации, то уже Киевская летопись различает у поляков, которых она называет ляхами, две большие ветви: полян и мазовшан. Эти сведения дополняют и другие современные источники, в частности, учредительная грамота Пражского епископства под 973 годом (см. выше, с. 162), затем «Житие св. Мефодия», описание путешествия короля Альфреда и сообщения географа Баварского, а также другие данные, свидетельствующие, что в области, первоначально занимавшейся этой группой славян, обитали следующие племена.

Висляне (*Uislane* – географа Баварского) – в верховьях Вислы, в позднейшей так называемой Малопольше, с центрами Краков и Сандомир. Не ясно, однако, являлось ли это наименование названием действительно существовавшего племени или же оно было собирательным для обозначения географического положения полян, обитавших на Висле – этом большом торговом пути, благодаря которому Польша вообще приобрела известность¹.

Поляне (*Polani, Poloni, Pulani*), называвшиеся так по полю (равнине), на котором они обитали по обоим берегам Варты; область полян помещалась между лютичами, поморянами, слензанами и мазурами, то есть между рекой Нотец, низовьями Варты, средним течением Одры, доходя на востоке до окрестностей Ленчицы и Серадза, обитателями которых были уже другие племена (*ленчицане, серадзане*), вскоре объединившиеся с полянами. Древнюю область между верховьями реки Нотец и Вислой населяли куявяне, однако упоминаются они лишь позднее, в хронике Кадлубека и Богухвала. Уже при князе Мечиславе поляне подчинили себе другие соседние племена, и вообще можно предполагать, что в конце X века при Болеславе (992-1025) объединение полянами польских племен было завершено. Главным толчком к этому, по моему мнению, было наступление немцев на полабских славян. В организации этой сильной славянской державы, которая, к сожалению, просуществовала недолго, Болеслав видел средство сдержать немецкое наступление. В области расселения полян следует искать колыбель и центр древней Польши уже и потому, что старая традиция локализовала первые народные политические и религиозные центры в Гнезно, Крушвице и Познани. В Познани в 968 году было учреждено и первое польское епископство.

О другом большом племени – *мазовшан* (*Mazomenses*), позднее называвшихся мазурами, нам также почти ничего не известно. Территорией их расселения являлась область на среднем течении Вислы, к востоку от полян и к северу от Свентокшиских гор.

Зато о племени *слензян* (*Silensi*) в верхнем течении Одры, между реками Бобра и Висла², нам известно, что еще в X веке в состав его входил и ряд других более мелких племен, среди которых учредительная грамота Пражского епископства и географ Баварский называют *бобрян* (*бобжан*) на реках Бобре и Гвизде, *дедошан* (*дзядошан*) на нижнем течении Бобры, *ополян* – у Поля и *требовян* (*тишебовян*); последние уже жили, пожалуй, на территории сербов (см. выше, с. 150). О загадочных хорватах, часть которых по некоторым

известиям можно локализовать у верхней Одры и которые у различных польских историков фигурируют под названием польских хорватов³, я упоминал уже выше, на с. 98 и в прим. 8 на с. 624–625, куда и отсылаю читателя. Одновременно обращаю внимание читателя и на соответствующие страницы в разделе, посвященном русским славянам, где истолковывается сообщение Киевской летописи о двух племенах, вышедших из ляхов, то есть из Польши, и осевших на Руси: о радимичах на Соже и вятичах на Оке (см. с. 224–226). Я не считаю их польскими племенами.

В связи с историей Польши следует упомянуть о так называемом ляшском вопросе: проблеме происхождения и значения наименования *ляхи* (польское *Lach*, чешское *Lech*, русское *лях*; первоначально, с носовым звуком, *ленх*).

Киевский летописец на первых страницах своей хроники обозначает названием *ляхи* целую ветвь славян, к которой относит полян, мазовшан, лютичей, поморян, вятичей и радимичей. Помимо Киевского летописца, о ляхах упоминает современный ему византийский летописец Киннамос (11.18), который при этом добавляет: «Λέχοι, ὁ Σκυθικόν εἰσι γένος»⁴. Зато польские исторические источники ляхов поначалу вообще не знают, и лишь в хронике Кадлубека с главы X неожиданно появляются *Lechitae*. Отсюда их и взяли позднейшие польские и чешские летописцы, создавшие, помимо этого, и мифических праотцев – Чеха, Леха, Руса и Мега.

Очевидно, что наименование *лях* (чешское *Lech*) было дано полякам их соседями; это подтверждается также тем, что как литовцы, так и венгры сохранили это старое название (*Lenkas*, *lengyel*), а в турецком и иранском языках сохранялось название Лехистан для обозначения Польши. Таким образом, историческое значение наименования *ляхи* ясно: так называли поляков их соседи, причем скорее всего восточные. Западные соседи поляков – лютичи, ободриты и сербы – этого названия не знали; в противном случае следы его сохранились бы в многочисленных известиях западных источников. Однако такое толкование исторического термина *лях* еще не объясняет его первоначального значения и связи с наименованием *поляк*, которое, как мы видели, обозначало жителя полей. Такие крупные лингвисты, как, например, В. Ягич, А. Соболевский, В. Негринг, Е. Бернекер, выводят наименование *лях*⁵ от слова *lęda*, русского *ляда*, чешского *lada*, и если такое объяснение, что весьма правдоподобно, является верным, то в названиях полян и ляхов мы можем видеть обозначения двух групп населения, живущих в различных экономических условиях: жители полей – это хлебопашцы, а жители нераспаханной земли – ляды – это люди, которые занимались не земледелием, а охотились и пасли скот. Таким образом, *ляхи* первоначально были охотниками и пастухами, а поляне – хлебопашцами. Областью же ляхов была та часть Польши, которая не являлась землей полян, то есть Повисленье, Мазовщина и Малопольша, где наименование *ляхи* удержалось до сих пор. Отсюда понятно, почему русские славяне и славяне, обитавшие в Венгрии, звали поляков ляхами, в то время как сербы, лютичи и ободриты, знавшие в качестве соседей только полян, называли и весь народ этим вторым именем.

Изложенные выше экономические различия между ляхами и поляками сами по себе не означают предшествовавших им этнических различий между обеими группами населения. Однако ряд польских историков шел значительно дальше, сделав вывод, что *ляхи* были иного происхождения, чем остальной польский народ, и что пришли они в польские земли откуда-то со стороны, подчинили эти земли и удержались здесь в виде шляхты, со временем ополячившейся, но по происхождению бывшей все же чужой. Впервые эта известная теория о чужеземном происхождении польской шляхты появилась в польской историографии еще в 1730 году, проповедуемая сначала робко, а позднее, с 1837 года, все более настойчиво. Эта точка зрения защищалась И. Лелевелем, К. Шайнохой, В. Мацийовским, А. Куником, А. Беловским, а позднее главным образом Фр. Пекосинским. Лелевель и Беловский видели в

польской шляхте касту, пришедшую с Балкан; Шайноха и Куник видели в ней германскую дружину; Мацийовский – племя полабских славян; Пекосинский считал, что лехиты – обитатели здешних мест, а шляхта – захватчики, пришедшие примерно в VIII или IX веках из земли ободритов⁶.

Однако историческими свидетельствами эти теории не подтверждаются. Такого известия, которое подтверждало бы приход особого племени завоевателей и образование из него шляхты, нет. Польское дворянство, как и всякое другое, образовалось в результате эволюции старых социальных отношений, и если в этом процессе и приняли участие чужеродные элементы, это все же не дает оснований отождествлять всю шляхту с каким-то особым, чуждым полякам племенем.

Что касается общих границ доисторической Польши, то они ясны уже из того, что говорилось о границах соседних с Польшей народов. На западе польская граница шла по рекам Гвизда и Бобра, затем по Одру, до впадения в него Варты; на севере граница шла по Варте и реке Нотец, вплоть до Вислы у Торуня, откуда поляки вскоре стали проникать дальше на север, затем по нижнему течению Осы и Дрвенца; на востоке старая польская граница, судя по всему, проходила недалеко от нынешней, придерживаясь левого берега Буга и Стира. В Галиции эту старую границу пока установить трудно (скорее всего она проходила между Саном и Висло кою). Естественную границу на юге составляли Карпатский горный хребет, а с Моравией и Чехией – Есеницкие и Орлицкие горы. Здесь чешский элемент издавна проникал только до района Опавы и вдоль Вислы⁷ к реке Олыпe, подвергаясь здесь значительному влиянию польского языка⁸. Окрестности укрепленного пункта Немчи (Niemce) были уже польскими.

Часть IV Восточные славяне

Глава XVII Восточные славяне и этнический состав древнего населения Восточной Европы

Территория. Первые соседи: Фракийцы и иранцы

О том, как на славянской прародине произошла дифференциация, разделившая славян, прежде в языковом отношении почти единых, на три большие группы – западную, южную и восточную, как дальнейшее их развитие и разделение на отдельные народы завершились уходом части славян на запад и юг, говорилось более подробно на с. 44–45. На древней славянской прародине из западных славян прочно обосновались лишь поляки, затем – остатки южных хорватов и сербов, а на востоке – часть восточных славян, отличавшихся в языковом отношении от других славян рядом фонетических, грамматических и, разумеется, также и лексических признаков. Наиболее характерным среди них является переход праславянских *tj* и *dj* в *ч* и *ж*, возникновение полногласных групп *ogo*, *olo*, *ere*, *ele* из праславянских *or*, *ol*, *er*, *el* (так, например, такой группе, как *tort*, которая в южнославянских языках представлена *trat*, в чешском *trat*, в польском *trot*, в русском языке соответствует группа *torot*; группе *tert* равным образом соответствует *teret* и т. д.) и изменение старых гласных *ь* и *ѣ* (еры) в *е* и *о*. Эти три факта мы можем дополнить и многими другими, менее важными и менее очевидными¹.

Прародиной восточных славян, следовательно, была восточная часть протославянской колыбели: весь бассейн Припяти (Полесье), далее территория на нижней Березине, на Десне и Тетере, Киевщина, а также, несомненно, и вся нынешняя Волынь, где имелись наиболее благоприятные условия для существования. С начала нашей эры родина восточных славян была, очевидно, довольно обширной, так как в VI и VII веках мы видим уже большое количество славян на севере, на озере Ильмень, и на востоке, на Дону, у Азовского моря, «'Αμείτρα εθνῆ», – говорит о них Прокопий (IV.4). «Natio populosa per immensa spatia consecret», – отмечает одновременно Иордан (Get., V.34), когда пишет о завоеваниях Германариха до 375 года. О том, что прародина русских славян находилась когда-либо в Карпатах, не может быть и речи. Это пытались когда-то доказать И. Надеждин, а позднее с еще большим старанием профессор Иван Филевич, но безрезультатно².

Славян в Карпатах первоначально вообще не было (см. далее, с. 175), а на славянской прародине, в наибольшей близости к горам, находились предки южнославянских хорватов, сербов и болгар. Восточные славяне пришли туда уже позднее, после ухода последних, а именно, как я далее покажу, в X веке. Из соображений, о которых выше уже говорилось, я исключаю также возможность прихода восточных славян на свою родину, на Днепр, лишь в III веке нашей эры, после ухода готов, как это пытался доказать А. Шахматов, или же в V–VI веках, как полагал на основании археологических данных И.Л. Пич³. Подобное передвижение, о котором в истории нет ни малейшего упоминания, для той эпохи полностью исключается. Более удобного места для колыбели народа, чем то, которое судьба предоставила восточным славянам на Среднем Днепре, не было. Это, пожалуй, наиболее удобное место на всей русской равнине. Здесь, правда, нет континентальных гор, но зато здесь простираются бесконечные леса и имеется густая сеть судоходных рек. Эта водная сеть связывает между собой как отдаленные территории обширной Восточноевропейской равнины, так и моря, ее окружающие: Балтийское, Черное и Каспийское. Даже и теперь, после уничтожения

многих лесных массивов и проведенных мелиоративных работ, воды повсюду достаточно, а тысячу лет назад ее было намного больше. Повсюду во время весеннего половодья непосредственно, а в другое время волоком⁴ лодки проходили из одной реки в другую, из одного большого водного бассейна в другой и таким путем из одного моря в другое. Таких водных путей, связанных волоками (и шедших во всех направлениях), в древней Руси было много. Но самым известным из них был днепровский путь, связывавший Черное море и Царьград с Балтийским морем и Скандинавией, то есть два древних культурных мира: греческий и скандинавско-германский.

Войдя в устье Днепра, лодки с товарами или людьми направлялись по этому пути вверх к порогам между Александровском (Запорожьем) и Екатеринославом (Днепропетровском). Затем лодки переплывали через пороги или же перетаскивались в обход по берегу, после чего перед ними открывался свободный путь вплоть до Смоленска. Не доезжая Смоленска, они сворачивали по небольшим притокам Усвяту и Каспле на Двину и далее волоком перетаскивались на Ловать, по которой уже свободно выходили к озеру Ильмень и далее по реке Волхов, мимо Великого Новгорода, в Ладогу, а затем по Неве в Финский залив. Наряду с этим прямым путем лодки могли иногда направляться и другими путями; так, на западе они могли свернуть на Припять и по ее притокам выйти к Неману или на Западную Двину, а по ней в Рижский залив или на востоке выйти к Десне и Сейму и далее на Дон⁵. С Десны можно было по рекам Болве, Снежет, Жиздре, Угре, Оке дойти до Волги, являвшейся крупнейшей культурной артерией; по последней шли, наконец, и другие пути, связывавшие Днепр у Смоленска с севером (волоком) и волжскими притоками Вазузой, Осьмой, Угрой и Окой⁶.

Значение восточнославянской родины на среднем Днепре очевидно. Она была расположена на великих культурных и колонизационных путях, точнее, на самом важном узле перекрещивающихся здесь дорог. Если в таком месте обитал сильный народ, который мог сохранить и использовать преимущества, предоставленные ему землей, то перед таким народом открывались в будущем большие перспективы как с точки зрения культурной, так и особенно с точки зрения колонизационной и политической. А таким народом здесь были славяне. Восточная ветвь их, обитавшая здесь издавна, была настолько сильна, что могла начать отсюда дальнейшую экспансию, не ослабляя родного края, что она и сделала.

Однако успешное развитие восточных славян определялось не только исключительно выгодным расположением местности, на которой они развивались, но также и тем, что по соседству с ними на очень большой территории не было народа, который оказал бы сколько-нибудь заметное сопротивление их распространению или же мог прочно и надолго покорить их. Таким образом, относительная пассивность соседей являлась вторым условием, способствовавшим развитию восточных славян. Лишь на западе находились сильные и неподатливые соседи. Это были поляки, которые не только оказывали сопротивление, но и успешно, правда уже позднее, в XVI веке, колонизировали литовские и русские земли. Здесь русская граница почти не изменялась и в настоящее время проходит почти там же, где и была 1000 лет назад, возле Западного Буга и Сана⁷.

В других же местах соседи восточных славян отступали перед их натиском, поэтому нам необходимо с ними познакомиться и, в частности, установить их первоначальные места поселения. Речь идет о фракийцах и иранцах.

Фракийцы, так же как и иранцы, поддерживали тесные отношения еще с праславянами, о чем свидетельствует принадлежность праславянского, иранского и фракийского языков к группе языков сатем, отличающейся от группы языков кентум. Наряду с этим и другие данные свидетельствуют, что прародина фракийцев находилась первоначально значительно севернее их исторических мест обитания и помещалась на север от Дуная, в котловине Карпатских гор, и далее в самых горах, где топонимика главных горных хребтов явно не сла-

вянская (Карпаты, Бескиды, Татра, Матра, Фатра, Магура) и где еще в римские времена обитали племена, известные под собирательным именем даков. По всей вероятности, именно эти фракийские даки были исконными соседями славян, о чем свидетельствует наличие в их языках некоторого количества бросающихся в глаза фонетических и лексических сходств⁸. В качестве примера укажу лишь на общий для обеих языковых областей суффикс *ста* в наименованиях рек.

Все свидетельствует о том, что южными соседями славянской прародины первоначально были фракийцы, обитавшие в Карпатах и на их северных склонах. Лишь позднее с запада появились некоторые галльские племена, а вместе с ними бастарны и певкины (между V и III веками до н. э.), первыми возвестившие о движении германской волны, если только они действительно были германскими племенами. И уже последними проникли в Карпаты отдельные славянские племена, на присутствие которых здесь указывает, по-видимому, уже карта Птолемея (Суланы, Заботы, Пенгиты), а также наименование Карпат «Οόενηδικά όρη».

Помимо Карпат, фракийцы были соседями славян и в местностях, простиравшихся далее на восток между Карпатами и Днепром. Я полагаю, что, по крайней мере, киммерийцы (Κιμμέριοι), обитавшие на этой территории до прихода скифов и вытесненные ими частью в Крым (Тавры?), а частью в Карпатские горы, где Геродот в свое время знал фракийское племя агафирсов (в нынешней Трансильвании), являются фракийцами, так как одновременно с вторжением скифов в конце VIII и начале VII века в Малой Азии появляется народ, называемый в ассирийских источниках *Gimirrai* (гимирры), а по-гречески также и другим именем – «Τρίρες», следовательно, именем известного фракийского племени⁹. Весьма вероятно, что гимирры представляли собою часть понтийских киммерийцев, оттесненных скифами в Малую Азию.

Иранцы. Другими соседями восточных славян на юге древнерусской прародины были иранцы. О том, что именно иранский элемент издавна поддерживал связи с праславянами, свидетельствуют упомянутые языковые совпадения в группе языков сатем¹⁰. Однако исторических свидетельств, подтверждающих это, до VIII века не имеется. К этому и последовавшему за ним периоду мы можем на основании исторических источников отнести появление иранцев в южнорусских степях, господствовавших здесь вплоть до прихода гуннов. Это были скифы, а после них сарматы.

Первой иранской волной, хлынувшей на эти земли в VIII–VII веках до н. э. (и, вероятно, еще раньше), были скифы; подробное описание их поселений и образа жизни в V веке до н. э. оставил нам в четвертой книге своей истории Геродот (жил в 484–425 годах до н. э.), который уже в зрелом возрасте посетил северный понтийский берег. По представлению Геродота, Скифия занимала пространство, ограниченное на западе Истром-Дунаем, на востоке – Доном, за которым еще далее на восток обитали сарматы, а на севере – линией, тянувшейся от истоков Днестра и Буга через днепровские пороги к Дону (Herod., IV. 100, 101). На Дону обитали, кочуя, собственно царские скифы (Σκύθαι βασιλῆες), далее между Днепром и Самарой – скифы-кочевники (Σκύθαι οἱ νομάδες), а на западе от Днепра – скифы-земледельцы (Σκύθαι γεωργοί, ἀροτήρες) и несколько других более мелких племен, из которых наиболее значительными, видимо, были алазоны (Αλαζόνες), обитавшие между средним Бугом и Истром. Иранская принадлежность этих алазонов и особенно скифов-земледельцев, которые по образу жизни так сильно отличались от настоящих скифов-кочевников, весьма сомнительна, и не исключено, что под этими именами скрываются уже авангарды славян, продвинувшиеся по Днепру и Бугу на юг. В частности, это можно предположить в отношении скифов-земледельцев, образ жизни которых столь отличался от образа жизни остальных скифов-кочевников (Herod., IV.2, 19, 46, 59, 120). Очевидно, что уже Геродот (IV.81) пользовался наименованием скифов в двояком смысле: как для обозначения собственно скифов, так и

вообще для обозначения племен, обитавших в пределах Скифии. Но уже и в его описании не все скифы являются собственно скифами, то есть иранцами.

Однако более важной для славян являлась полоса, заселенная соседями скифов, которых Геродот перечисляет за пределами Скифии. К ним принадлежали на западе агафирсы, обитавшие в нынешней трансильванской котловине, племя, бесспорно, фракийское, и далее за истоками Днестра и Буга большое племя неуров (Νευροί), которое впервые упоминается в истории в связи с походом Дария в 512 году (см. о них Herod., IV.17, 51, 100, 102, 105, 112). Обитали они, бесспорно, на славянской прародине, а именно в ее восточной части, и поэтому мы можем с наибольшей вероятностью рассматривать их как славян. Следы наименования *неуров* встречаются в славянской топонимике этой области (реки Нура, Нурец, Нурча, деревни Нуры, Нур, а также историческое название «земля нурская»). Поэтому следует думать, что неуровы являлись частью восточных славян на нынешней Волыни, Киевщине и в бассейне реки Припяти. Наряду с этим неясно, к какому историческому народу следует отнести другие племена, которые Геродот называет на севере Скифии к востоку от Днепра. Речь идет об андрофагах (Ἀνδροφάγοι – мордва?) и меланхленах (Μελάνχλαινοι), неясна также область расселения и принадлежность большого племени будинов (Βουδῖνοι). Однако на основании тщательного рассмотрения всех сведений, которыми мы располагаем, я поместил бы это племя у Десны и считаю, что оно скорее славянское, чем финское. Название племени можно вывести из славянского языка – корень *бъд*, а окончание *инъ* является типично славянским племенным окончанием (ср. немчин, србин, турчин, русин и т. д.).

В течение IV и III веков до н. э. скифов сменили сарматы, которые еще во времена Геродота обитали за Доном, но при Митридате Евпаторе уже занимали всю Понтийскую область. Остатки скифов появились в окрестностях Ольвии, в Крыму и у Дуная, где они перешли на другую сторону – в Добруджу. Там с ними познакомился Овидий. Как показывает ряд находок, часть скифов в IV–III веках до н. э., а может быть и еще ранее, была оттеснена вплоть до внутренней Венгрии.

Среди сарматских племен наряду с тисаматами и язаматами (Jaxamates) наиболее выделялись языги и роксоланы. Языги обитали на западе Сарматии и в 20-50-х годах н. э. переместились в Венгрию, куда вместе с ними передвинулись и роксоланы, первоначально обитавшие между Днепром и Доном. Третьим большим племенем были аланы. Первоначально они обитали у Дона, откуда часть их передвинулась в Венгрию, а затем на Рейн, в Испанию и Африку, где эта часть аланов прекратила свое существование. Другая часть аланов осталась между Доном и Кавказом, где русские летописи (XII–XIV веков) знают их под именем ясы. Отсюда в XIII веке они частично были вытеснены половцами в Молдавию и Венгрию, где остались под названием *jósz*, множественное число *jószok* (в округе Iasz-Nagy-Kun–Szolnok).

Как и сарматов, принадлежность которых к иранской ветви является бесспорной, собственно скифов также следует считать иранским племенем. В последнее время высказывалось утверждение, правда, не совсем новое, что скифы были иранизированными монголами, а Я. Пейскер¹¹, который оперирует этим названием главным образом излагая свои взгляды на древних славян, ссылается при этом на известное описание Гиппократов (περίάερων, 26), причем описание, сделанное последним, с успехом можно отнести к некоторым нынешним киргизам или калмыкам. Но это единственный довод, который можно привести в пользу монгольского происхождения скифов. Все остальное, что нам известно из данных истории, лингвистики и антропологии, свидетельствует против этого. Изображения древних скифов, обнаруженные в понтийских находках, также дают немонгольские фигуры и лица. Таким образом, собственно скифы не были и монголами, но они, разумеется, не были и славянами, хотя такое мнение было когда-то весьма распространено в русской историографии и не исчезло и до сих пор¹². Можно лишь допустить, как уже указывалось выше, что некоторые

другие племена, называвшиеся «скифскими» лишь потому, что они обитали в Скифии, как, например, скифы-земледельцы – между Бугом и Днестром либо алазоны – между Днестром и Бугом, могли быть славянскими, но и это не более чем гипотеза.

Тюрко-татары

Исторических свидетельств о том, что наряду со скифами, сарматами и финнами соседями славян в древние времена стали и тюрко-татарские племена, не имеется. Однако Я. Пейскер и проф. Корш на основании лишь нескольких сходных в обоих языках слов, общих для всех славянских племен, – *быкъ*, *воль*, *коза*, *тварогъ* и др. – предполагают о существовании этих древних связей, причем по теории Пейскера посредниками между тюрко-татарами и славянами были скифы-монголы. Отвергая построенные на основании этой теории выводы, о которых выше, на с. 33–36, уже упоминалось, мы должны, исходя из указанных выше лингвистических данных (если верны филологические толкования Корша), допустить, что уже до нашей эры некоторые племена тюрко-татарского происхождения, в частности кочевники, имевшие большие стада, вошли на востоке в общение со славянами; но это не были собственно скифы – другого же исторического наименования этих племен мы не знаем. Из народов тюрко-татарского происхождения в общение со славянами в исторический период (в 375 году н. э.) вступили лишь гунны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.